РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

ОСТАВШІЯСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ ЧИСЛѢ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1887 ГОДА.

Три большія книги.

(Въ каждой книгѣ по четыре выпуска).

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

Къ характеристикѣ Петра Великаго. **Н. И Кедрова** (съ выдержками изъ донесеній **Кампредона**).

Французскій террористъ Жильберъ Роммъ и графъ П. А. Строгановъ съ портретами. Статья **издателя.**

Густавъ IV-й и великая княжна Александра Павловна. Составлено по Шведскимъ источникамъ **А. А. Чумиковымъ.** (Съ письмами **Екатерины Великой**).

Спренгтпортенъ, герой Финляндіи. Статья **К. Ф. Ордина.**

Какъ я сдѣлался „Апостоломъ". Разсказъ **И. М. Муравьева-Апостола.**

Записки **графини Эдлингъ.**

Замѣтки **Д. А. Деменкова** о путешествіяхъ императора Александра Павловича по Россіи.

Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. 1828—1833. **Я. И. Костенецкаго.**

Дорожныя письма **С. А. Юрьевича** во время путешествія по Россіи съ покойнымъ Государемъ въ 1837 году.

Воспоминаніе объ А. С. Хомяковѣ. **Н. А. Муханова.**

Адмиралъ И. С. Унковскій. Разсказы изъ его жизни, записанные **В. К. Истоминымъ.**

Николай Христофоровичъ Кетчеръ. Воспоминанія **А. В. Станкевича.**

Очерки Русскаго народнаго хозяйства. Экономическіе провалы, по воспоминаніямъ съ 1837 года. **В. А. Кокорева.**

Изъ переписки **И. С. Аксакова** съ **Н. М. Павловымъ** о древней Русской исторіи.

Анекдоты о Екатеринѣ Великой, записанные **А. С. Шишковымъ.**

Письма **императора Павла Петровича** къ Московскому митрополиту Платону.

Празднество въ Павловскѣ 27 Іюля 1814 года по возвращеніи императора Александра Павловича изъ покореннаго Парижа. Статья **М. А. Веневитинова.**

Къ исторіи Московскаго университета: Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Статья его сына **Д. Д. Голохвастова.**

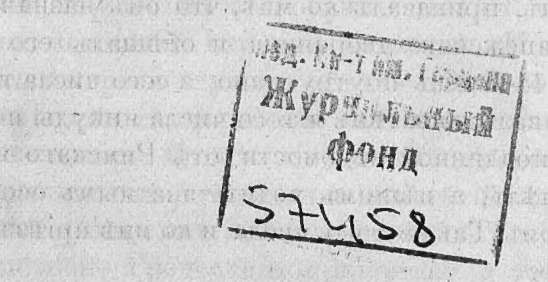
Письма **А. И. Герцена** къ Д. П. Голохвастову.

Переписка **графа Закревскаго съ Д. П. Голохвастовымъ** о профессорахъ Московскаго университета.

Филаретъ архіепископъ Черниговскій, съ портретомъ. **И. С. Листовскаго.**

Записки графа Фицтума-фонъ Экштета 1852 года. **Издателя.**

(См. на третьей стр. обложки).

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Августа въ 13-й день. Поутру рано пріѣхалъ я въ Римъ и сталъ въ Римѣ въ остаріи, которая зовется Шкудо-де-Франца, и того жъ числа той остаріи хозяинъ извѣстилъ обо мнѣ папежскому ближнему человѣку, которому о томъ надлежитъ вѣдать, и въ тѣхъ часахъ пришелъ ко мнѣ въ остарію одинъ Литвинъ, который живетъ въ Римѣ въ уніатскомъ монастырѣ для науки и называется Иванъ Шперковичъ, и взялъ у меня на письмѣ имя мое, чтобъ подлинно могъ обо мнѣ сказать тому сенатору, которому о томъ надлежитъ вѣдать. И того числа до обѣда изъ остаріи никуды не ходилъ.

А какъ я въѣзжалъ въ Римъ, и меня въ воротахъ Римскихъ остановили и осмотрѣли у меня въ сундукѣ по обыкновенію своему вещей купецкихъ, какъ у нихъ обыкность всякихъ проѣзжихъ людей осматривать: хотя бы кто ѣхалъ великій сенаторъ, безъ осмотру въ Римъ проѣхать не можетъ. И осмотря у меня моихъ вещей, тотчасъ мнѣ дали лиценцію, т. е. позволеніе, ѣхать въ Римъ.

Въ той остаріи, въ которой я стоялъ, порядился фурманъ мой съ хозяиномъ, чтобъ ему кормить меня изрядно и за палату, въ которой мнѣ стоять и за постелю по семи павловъ на день, а тѣ павлы суть Римская монета, мѣняютъ ихъ на золотой червонный по осьмнадцати павловъ. И хозяинъ отвелъ мнѣ палату изрядную, обитую всю кожами золотными, и въ ней кровать изрядная и постеля изрядная жъ и столы и стулы и кресла—все изрядное и всякія потребы, которымъ надлежитъ быть.

Того жъ числа по обѣдѣ пришелъ ко мнѣ въ остарію помяненный Литвинъ попъ Иванъ Шперковичъ и сказалъ мнѣ, что онъ о пріѣздѣ моемъ въ Римъ воеводѣ Римскому сказалъ, и воевода-де

*) См. выше стр. 113.

велѣлъ ко мнѣ ѣхать одному папежскому дворянину, который называется Урбанъ, и ему было ѣхать ко мнѣ невозможно, для того что былъ боленъ феброю, и воевода Римскій, то увѣдавъ, что тотъ Урбанъ лежитъ боленъ, приказалъ ко мнѣ, что онъ назначилъ мнѣ на услугу другого папежскаго дворянина и обѣщалъ его ко мнѣ прислать Августа въ 14-й день поутру рано, а сего числа тотъ дворянинъ ко мнѣ не бывалъ; и затѣмъ я того числа никуды не ѣздилъ и, не дождався себѣ подлинной вѣдомости отъ Римскаго воеводы, кареты нанять не хотѣлъ, а пѣшимъ ходить знатнымъ особамъ въ Римѣ, то подъ зазоромъ. Также того числа и ко мнѣ пріѣзжихъ отъ папы никого не было.

Августа въ 14-й день. Поутру рано пришелъ ко мнѣ тотъ же Литвинъ Иванъ Шперковичъ и, увѣдавъ, что назначенный дворянинъ на услугу мнѣ у меня не бывалъ и никого не присылывалъ и тотъ Литвинъ того часу пошелъ до Римскаго воеводы, и я съ нимъ, о томъ до того воеводы приказалъ, чтобъ мнѣ было отъ папежского величества въ Римѣ увольнено гулять и смотрѣть святынь и всякихъ вещей, которыя надлежитъ форестирамъ видѣть, а о присылкѣ ко мнѣ для услуги дворянина какъ ихъ воля, а я себѣ могу и нанявъ карету ѣздить по Риму, только бъ позволеніе папежскаго величества ко мнѣ было, чтобъ мнѣ видѣть въ Римѣ въ костелахъ святыню и всякія вещи. Тотъ Литвинъ Иванъ Шперковичъ, бывъ у воеводы Римскаго, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что-де воевода Римскій совсѣмъ отправилъ ко мнѣ одного дворянина съ каретою мнѣ на услугу, и будетъ-де ко мнѣ тотъ дворянинъ вскорѣ съ каретою, въ которой ѣздить мнѣ по Риму.

Того жъ числа во обѣдни пошелъ я пѣшъ въ уніатскую церковь, для того что та церковь отъ той остаріи, въ которой я стоялъ, зѣло близко; и къ той уніатской церкви пріѣхалъ ко мнѣ тотъ дворянинъ, которому отъ воеводы Римскаго назначено быть у меня во услугѣ и просилъ меня о томъ, чтобъ я на него не сердитовалъ за то, что онъ сего числа до обѣда не можетъ со мною никуда ѣхать, для того что имѣетъ нѣкоторую нужду, а обѣщался ко мнѣ быть по обѣдѣ за 4 часа до ночи.

Церковь уніатская невелика, строенія недобре хорошаго. Въ той церкви настоящій алтарь уніатскій во имя св. Аѳанасія Александрійскаго сдѣланъ подобіемъ Греческимъ, а царскія двери и южныя и сѣверныя затворовъ не имѣютъ, только одни завѣсы. Престолъ въ алтарѣ подобіемъ Римскаго престола, только сдѣланъ среди алтаря жертвенникъ подобіемъ Греческимъ. Образъ св. Аѳанасія поставленъ во алтарѣ за престоломъ высоко у стѣны; можно его ви-

дѣть стоя въ церкви чрезъ иконостасъ, потому что иконостасъ невысокій. Въ иконостасѣ на правой сторонѣ поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы, а на лѣвой сторонѣ образъ Іоанна Предтечи. Въ той же церкви по сторонамъ сдѣланы четыре престола Римскихъ, на которыхъ служатъ католики. И какъ я въ ту церковь вшелъ, въ то время служилъ обѣдню одинъ попъ Римскій на одномъ Римскомъ престолѣ, а уніаты всѣ слушали той Римской обѣдни, стоя на колѣняхъ. И какъ та Римская обѣдня скончилась, и въ то время пришелъ въ ту церковь уніатскій архіепископъ, который пріѣхалъ въ Римъ изъ Албани, породою Грекъ, мантію и клобукъ имѣетъ подобно Греческимъ архіереямъ и бороды и уса не брѣетъ, именемъ Онуфрій. И пришедъ онъ въ ту церковь, сталъ близко царскихъ дверей на правой сторонѣ у однихъ креселъ, которыя поставлены къ алтарю бокомъ; такъ же и онъ сталъ Римскимъ обыкновеніемъ, къ алтарю бокомъ же, и началъ одинъ уніатскій попъ обѣдню Греческимъ языкомъ подобно такъ, какъ обѣдни отправляются Греческаго закону, и пѣли уніаты по крылосамъ Греческимъ же языкомъ. Во время словъ Христовыхъ тотъ уніатскій архіерей и всѣ уніаты стояли на колѣняхъ и четыре свѣчи держали, стоя на колѣняхъ предъ царскими дверьми четыре человѣка; а какъ пропѣли „Тебе поемъ", и тотъ архіепископъ и всѣ уніаты встали и вышепомяненныя четыре свѣчи отъ царскихъ дверей отнесли. Потомъ какъ попъ сказалъ „Святая святымъ", также архіерей и всѣ уніаты стояли на колѣняхъ, и тѣжъ четыре свѣчи предъ царскими дверьми четыре жъ человѣка держали стоя на колѣняхъ. Также чинили въ то время, какъ попъ сказалъ „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите", и всю обѣдню чинили обыкновеніемъ Греческимъ на квасномъ хлѣбѣ, имѣя едину просфору, на которой есть пять печатей. По отпускѣ обѣдни тотъ уніатскій архіерей держалъ антидоръ, который у него брали одни уніаты. И такъ на всякій день повинны тѣ уніаты слушать прежде Римскую обѣдню, потомъ свою уніатскую и молятъ Бога на своей обѣдни за папу Римскаго. У той церкви служатъ два попа уніатскихъ, и мудрствуютъ всѣ уніаты о исхожденіи Святаго Духа равно съ католиками.

У той уніатской церкви поставлена вода святая въ чашахъ по Римскому обыкновенію.

При той уніатской церкви построенъ домъ; въ томъ домѣ живутъ три человѣка Езувитовъ, которые учатъ уніатовъ до философіи и до богословіи и иныхъ высокихъ наукъ, а держатъ у себя уніатскихъ учениковъ по 24 человѣка на папежской платѣ, и архіепископу уніатскому даетъ папа изъ своей казны на годъ по 500

шкудовъ Римскихъ. И какъ уніаты обѣдню отпѣли и просили меня, чтобъ я пришелъ смотрѣть палатъ ихъ, въ которыхъ они живутъ и учатся, и по тому ихъ прошенію пошелъ я въ палаты ихъ и смотрѣлъ, гдѣ они живутъ и учатся, и видѣлъ въ палатахъ ихъ двѣ библіотеки. И потомъ пришелъ къ нимъ мастеръ ихъ Езувита и привѣтствовалъ меня любовно, показывалъ мнѣ свои палаты. Потомъ сошелъ я съ нимъ изъ палатъ его въ садъ, въ которомъ много изряднаго деревья плодовитаго и цвѣтовъ и травъ изрядныхъ. Въ томъ же саду построена изрядная фонтана, въ которой власно какъ въ прудѣ бываетъ всегда живая рыба. Изъ того уніатскаго дому пошелъ я къ себѣ въ остарію, для того что приспѣлъ часъ обѣда.

По обѣдѣ прислалъ ко мнѣ Римскій воевода своего человѣка и велѣлъ мнѣ сказать, что карета его ко мнѣ будетъ сего числа за четыре часа до ночи.

И я, не дождався той его кареты, нашелъ себѣ одну карету и поѣхалъ въ той каретѣ къ тому мѣсту, гдѣ есть тюрьма, въ которой во дни мучителя-Нерона сидѣли святые апостоли верховные Петръ и Павелъ и страдали за Христа, проповѣдуя Святое Евангеліе. На томъ мѣстѣ сдѣлана церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла Римская. Подъ тою церковью въ землѣ одна палата темная, въ ту палату сверху сдѣлано круглое окно, какъ можетъ въ него пройтить человѣкъ. И въ древнія лѣта при мучителяхъ въ ту тюрьму не было дверей; метали въ нее узниковъ въ то вышепомяненное круглое окно сверху. Въ той тюрьмѣ нынѣ сдѣлана Римская церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла, и всегда горитъ лампада, для того что свѣту въ ту тюрьму нѣтъ ни откуду. Подъ тою тюрьмою низко въ землѣ есть другая тюрьма; въ ту нижнюю тюрьму изъ верхней тюрьмы сдѣлано круглое жъ окно величиною подобно вышеписанному окну, въ которое окно древле метали узниковъ. Изъ той же верхней тюрьмы въ нижнюю тюрьму есть при сторонѣ одна лѣстница, по которой веденъ былъ въ нижнюю тюрьму св. апостолъ Петръ и отъ одного мучителева слуги ударенъ былъ по лицу, и отъ того ударенія св. апостолъ Петръ ударился главою своею о каменную стѣну, и на томъ мѣстѣ на твердомъ камени изобразилось его святое лицо, какъ бы на мягкомъ воску, и нынѣ явно знать, котораго и я сподобился видѣть. Потомъ сошелъ въ нижнюю тюрьму; въ той нижней тюрьмѣ есть одинъ каменный столбъ вышиною отъ земли аршина въ полтора, а толщиною какъ можно обнять тремя пядьми. У того столба были привязаны святые апостолы Петръ и Павелъ во время своего за Хри-

ста страданія. Нынѣ тотъ столбъ огороженъ желѣзною рѣшеткою; подлѣ того столба колодезь, въ которомъ есть изрядная чистая вода, а тотъ колодезь учиненъ волей Божескою во время бытности въ той тюрьмѣ св. апостола Петра: когда онъ возжаждалъ въ той тюрьмѣ пить и не имѣлъ никакого напою, тогда положилъ перстъ на одинъ камень, изъ того каменя за положеніемъ его святаго перста волей Божіею истекла вода изрядная, которая и нынѣ не оскудѣваетъ, юже и я сподобился пить. Близко того колодезя есть въ той же нижней тюрьмѣ малый столбъ, на которомъ отправлялъ святую литургію святой Селиверстъ папа Римскій. Потомъ я, вышедъ изъ той темницы, пріѣхалъ въ монастырь, который построенъ въ дому Флавіана, отца св. Алексѣя человѣка Божія и проѣхалъ ворота, которые построены въ Римѣ древле на честь древнихъ цесарей Римскихъ за побѣду надъ непріятельми. Тѣ ворота сдѣланы изъ бѣлаго мрамору изрядною работою рѣзною. Такихъ воротъ въ Римѣ есть по улицамъ много, а дѣланы тѣ ворота на тріумфъ, т. е. на похвалу древнихъ Римскихъ цесарей и воеводъ за побѣду непріятельскую. Потомъ мы, проѣхавъ помяненные ворота, видѣли столбовъ много великихъ и высокихъ каменныхъ древняго зданія изрядной работы, на которыхъ былъ построенъ домъ проклятаго мучителя-Нерона. Тотъ его домъ былъ зѣло великъ на 6 миляхъ Ит. Потомъ видѣлъ бани, которыя были построены при томъ же мучителѣ-Неронѣ древняго жъ зданія. Потомъ пріѣхалъ къ монастырю, который построенъ въ дому вышепомянутаго Флавіана. Въ томъ монастырѣ живутъ законники Римской вѣры закону св. Геронима. Въ томъ монастырѣ костелъ Римскій немалый, имѣетъ въ себѣ 22 столба каменныхъ, украшеніе въ томъ костелѣ среднее подъ алтаремъ. Въ томъ костелѣ лежатъ мощи св. Алексѣя человѣка Божія и св. мученика Вонифатія, замурованы въ камени и никѣмъ видимы. По правую сторону того алтаря придѣлъ малый Римской же вѣры. Надъ тѣмъ престоломъ поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы Дѣвы письма Греческаго, высокостію въ аршинъ, а широкостью въ три четверти аршина; а какимъ подобіемъ написанъ, того подобія дали мнѣ въ томъ монастырѣ печатный образъ на бумагѣ. А на лѣвой сторонѣ того костела также придѣлъ малый Римской же вѣры. У того придѣла придѣлана малая палата, въ которой вырѣзанъ образъ Карла арцибискупа Медіоланскаго изъ алебастру пречуднымъ мастерствомъ. Сводъ въ той палатѣ сдѣланъ изъ самаго мелкаго камени разныхъ цвѣтовъ зѣло преудивительнымъ мастерствомъ. Потомъ сошелъ я въ томъ костелѣ внизъ подъ алтарь. Подъ тѣмъ алтаремъ сдѣлана внизу церковь Римская, и подъ

тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ мощи св. Алексѣя и мученика Вонифатія, сдѣланъ престолъ Римскій, въ которомъ замурованы въ столбахъ многія части мощей многихъ святыхъ мучениковъ. Потомъ, вышедъ изъ подъ алтаря въ верхній костелъ, пришелъ къ одному колодезю, который колодезь есть въ томъ костелѣ, изъ котораго пилъ воду св. Алексѣй человѣкъ Божій во время нищеты своей, какъ жилъ за нищаго Христа ради въ дому отца своего Флавіана. Изъ того колодезя и я сподобился пить воду. Въ томъ же костелѣ близко того колодезя стоитъ лѣстница—та, подъ которой св. Алексѣй въ дому отца своего жилъ и трудился Христа ради. Та лѣстница сдѣлана изъ дерева и стоитъ и нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ была и прежде, на которомъ мѣстѣ подъ тою лѣстницею св. Алексѣй преставился. Отъ той лѣстницы законники того монастыря, отрѣзавъ малую часть дерева, дали мнѣ за святыню. Близко той лѣстницы въ стѣнѣ того костела стоитъ образъ св. Алексѣя человѣка Божія вырѣзанъ изъ дерева съ самого его св. лица и подобія. Тутъ же въ стѣнѣ того костела стоитъ образъ мученика Вонифатія вырѣзанъ изъ дерева такъ же съ самого лица его святаго и подобія. Потомъ изъ того монастыря поѣхалъ я до той церкви, гдѣ св. Григорій папа Римскій умолилъ Бога за душу умершаго сродника своего и молитвою своею ту душу и приношеніемъ жертвы избавилъ отъ мученія. Та церковь Римскаго закону невеликая, а строенія изряднаго. Потомъ пріѣхалъ я въ то мѣсто, гдѣ при древнихъ цесаряхъ Римскихъ, которые были гонители на христіанскую вѣру и мучители за имя Христово, святыхъ мучениковъ отдавали въ томъ мѣстѣ на снѣдѣніе звѣрямъ. То мѣсто сдѣлано округло древняго строенія, стѣны зѣло высоки каменныя, по которымъ древніе мучители ходили и смотрѣли, какъ святыхъ мучениковъ звѣри терзали. При тѣхъ стѣнахъ въ землѣ подѣланы каменныя печуры, въ которыхъ жили звѣри. Въ томъ мѣстѣ снѣдѣнъ отъ звѣрей св. Игнатій Богоносецъ, и земля въ томъ мѣстѣ вся есть обагрена кровью святыхъ мучениковъ.

Потомъ пріѣхалъ къ тому дому, гдѣ учатся всякихъ народовъ люди пріѣзжіе въ Римъ не токмо христіане и басурманы, которые хотятъ просвѣтиться святымъ крещеніемъ. И бываютъ въ томъ домѣ ученики на папежскомъ корму.

Потомъ видѣлъ домы пословъ Гишпанскаго и Венецкаго. Тѣ домы суть великіе и строенія изряднаго. Близко дому Венецкаго посла сдѣлана церковь Римскаго закону во имя св. евангелиста Марка.

Потомъ пріѣхалъ къ себѣ въ остарію, и въ тѣхъ часахъ воевода Римскій прислалъ ко мнѣ свою карету и просилъ меня, чтобы

я въ той его каретѣ поѣхалъ гулять и смотрѣть, гдѣ чего хочу, и я въ той его каретѣ пріѣхалъ въ домъ, въ которомъ учатся Римскихъ князей и всякихъ чиновъ людей дѣти всякимъ воинскимъ дѣламъ: биться на шпады, играть древками и бандерами, т. е. знаменами, и инымъ всякимъ оружіемъ; а видѣть дѣла ихъ не могъ, для того что въ томъ часѣ науку свою того дня скончя разошлись по домамъ.

Потомъ пріѣхалъ я къ одной фортецѣ, т. е. замку, который построенъ на берегу рѣки Тиверя въ срединѣ Рима, и черезъ рѣку Тиверь къ тому замку сдѣланъ мостъ каменный великій и широкій предивнымъ мастерствомъ; по обѣ стороны того мосту сдѣланы перила каменныя съ рѣшетками желѣзными предивнаго мастерства; по тѣмъ периламъ сдѣланы 12 столбовъ каменныхъ по шести столбовъ на сторонѣ; на тѣхъ всѣхъ столбахъ сдѣланы ангелы рѣзные изъ алебастру изрядною работою, и каждый ангелъ имѣетъ въ рукахъ часть отъ страстей Христовыхъ.

Рѣка Тиверь не малая, а течетъ зѣло; мутна вода въ ней видится, какъ бы смѣшана съ пескомъ. И переѣхавъ я ту рѣку Тиверь по тому мосту, пріѣхалъ къ замку. Тотъ замокъ сдѣланъ изрядною крѣпостью древней работы, рвы имѣетъ около себя изрядные, также и всякія крѣпости около того замку изрядныя.

Потомъ пріѣхалъ я къ великой церкви св. апостола Петра и, не доѣзжая той церкви сдѣлана пляца, т. е. площадь изрядная, ровная и великая; около той площади округло построены столбы каменные, которыхъ есть числомъ 576, зѣло высокіе и великіе, круглые; на тѣхъ столбахъ вокругъ помяненной площади до церкви апостола сдѣланы площади для гулянія изрядныя, вымощены камнемъ съ перилами, и по периламъ поставлены образы рѣзные изъ алебастру святыхъ седьмидесятныхъ апостолъ всѣхъ изряднымъ мастертвомъ сдѣланы, и каждый имѣетъ въ рукахъ своихъ то оружіе, которымъ былъ біенъ за проповѣдь Слова Божія. Посреди той площади поставленъ столбъ каменный сдѣланъ четвероуголенъ, изъ одного камени вытесанъ, внизу зѣло толстъ, а кверху тонокъ, изряднымъ мастерствомъ сдѣланъ и зѣло высоко. На верху того столба поставленъ крестъ небольшой четвероконечный; по сторонамъ того столба на той же площади сдѣланы изрядныя двѣ фонтаны великія, изъ которыхъ истекаютъ изрядныя воды чистыя и зѣло высоко и многоводно прыщутъ вверхъ.

Церковь св. апостола Петра зѣло велика, какой другой великостью на всемъ свѣтѣ нигдѣ не обрѣтается и предивнымъ мастерствомъ сдѣлана. Передъ тою церковью сдѣланъ рундукъ превеликій, и такимъ предивнымъ мастерствомъ и препорціею тотъ рундукъ

построенъ, что подробну его описать трудно. Съ того рундука входъ въ паперть, которая сдѣлана передъ той церковью зѣло велика и предивнымъ мастерствомъ устроена. Изъ той паперти въ ту церковь сдѣланы зѣло превеликія пятеры двери рядомъ, у которыхъ изрядные мѣдные литые затворы предивнымъ мастерствомъ сдѣланы. Въ той церкви превеликіе столбы, на которыхъ утверждены церковные своды.

Между тѣхъ столбовъ подѣланы престолы по Римскому обыкновенію предивнымъ мастерствомъ, и украшеніе въ той церкви изрядное. Посреди той великой церкви сдѣланъ алтарь Римскій, надъ которымъ сдѣлана сѣнь на четырехъ столбахъ зѣло высокихъ. Та сѣнь и столбы устроены преудивительнымъ рѣзнымъ мастерствомъ, и на тѣхъ столбахъ поставлены по угламъ ангелы рѣзные дивною работою сдѣланы, и та сѣнь и столбы и ангелы всѣ вызолочены изрядно. Подъ тѣмъ алтаремъ лежатъ тѣлеса святыхъ апостолъ Петра и Павла въ землѣ низко, и къ тѣмъ святымъ тѣлесамъ верховныхъ апостолъ сдѣланы сходы-лѣстницы изрядныя съ обѣихъ сторонъ и огорожены рѣшетками мѣдными предивными. Около тѣхъ сходовъ и внизу при самыхъ святыхъ мощахъ повѣшено сто двѣ лампады серебрянныя великія и малыя, въ которыхъ всегда горитъ масло деревянное. А къ самимъ святымъ апостольскимъ мощамъ сдѣланы двери изрядныя, и никто тамъ не входитъ кромѣ папы самого, и тотъ однажды въ годъ, на праздникъ святыхъ апостолъ Петра и Павла или для цесаря или короля котораго, когда бъ пріѣхалъ въ Римъ, тѣ двери отпираютъ и святыя апостольскія мощи кажутъ.

За тѣмъ вышеписаннымъ великимъ алтаремъ у стѣны церковной высоко поставлена та каѳедра, на которой сидѣлъ св. апостолъ Петръ, проповѣдуя святую во Христа вѣру и поучалъ народы. Та его каѳедра апостольская устроена изряднымъ мастерствомъ рѣзьбами золочеными. Подъ той каѳедрой поставлены образы литые мѣдные св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и Августина святаго, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы; также и иныхъ образовъ рѣзныхъ изъ алебастру въ той великой церкви множество, изрядною работою сдѣланы. На правой сторонѣ у столба сдѣланъ образъ рѣзной изъ алебастру святаго апостола Петра изрядною работою, сидящаго на каѳедрѣ, и входящіе въ церковь христіане могутъ достать поцѣловать того святаго апостольскаго образа ногу.

Въ той же церкви позади алтаря на лѣвой сторонѣ стоятъ органы великіе, обвѣшены коврами, а строенія около тѣхъ органъ никакого нѣтъ.

Та великая церковь изнутри вся сдѣлана изъ бѣлаго мрамору изряднымъ мастерствомъ, и многія мѣста въ той церкви алебастровыя рѣзныя дивной работой устроены.

Мостъ въ той церкви весь мраморовый изъ розныхъ мраморовъ собранъ предивной работою.

Письма въ той церкви по стѣнамъ и сводамъ зѣло преудивительныя преславной Италъянской живописной работы.

Въ то время я въ той церкви святынь никакихъ не видалъ и всю ту великую церковь не осмотрѣлъ, для того что о видѣніи святыхъ вещей, въ той великой церкви обрѣтающихся, позволенія отъ папы мнѣ не было. И пошелъ я изъ той церкви смотрѣть дому папежскаго, который построенъ при самой соборной апостольской церкви. Однакожъ въ то время того дому всего смотрѣть не могъ, для того что въ лѣтѣ въ томъ домѣ папа никогда не живетъ, а живетъ въ особомъ дому, для того что апостольская соборная великая церковь покрыта вся оловомъ чистымъ, и отъ великаго солнечнаго жару на той кровлѣ бываютъ лучи, отъ которыхъ происходитъ жаръ великій въ тѣ папины палаты; для того папа въ лѣтѣ изъ того дому выѣзжаетъ, а живетъ въ другомъ домѣ, а въ зимѣ пріѣзжаетъ жить въ сей домъ, и для того я въ то время тѣхъ папиныхъ палатъ не видалъ, что ключей отъ папы того дому не взялъ; только видѣлъ въ томъ папинѣ домѣ огородъ изрядный, въ которомъ много изрядныхъ плодовитыхъ деревъ и цвѣтовъ разныхъ родовъ и посажены изрядно растутъ предивною препорціею. Въ томъ же саду множество преславныхъ фонтанъ, изъ которыхъ истекаютъ предивныя чистыя воды. Между тѣми фонтанами видѣлъ одну чудную фонтану, которая преудивительно сдѣлана власно какъ великая гора и зѣло высока. Изъ той горы текутъ многія воды въ одно огороженное бѣлымъ каменемъ мѣсто, и стоитъ въ томъ мѣстѣ тѣхъ водъ прудъ немалый; по срединѣ того пруда сдѣланъ мѣдный корабль величестью въ длину сажени въ полторы, а въ ширину аршина въ три. На томъ кораблѣ сдѣланы щеглы и раины и пушки; а какъ въ тотъ корабль пустили воды, и на томъ кораблѣ сдѣлались изъ воды веревки и парусы и всякіе инструменты, которымъ на кораблѣ быть потребно; также изъ пушекъ, которыя на томъ кораблѣ сдѣланы, побѣжали воды и отдавались голосы власно какъ бы стрѣляли. Также иные въ томъ саду изрядные многіе фонтаны сдѣланы преудивительнымъ мастерствомъ.

Потомъ пришелъ въ папежскую библютеку, въ которую вступя видѣлъ по сторонамъ поставлены образы рѣзные изъ алебастру святыхъ апостолъ Петра и Павла сдѣланы сидящіе предивнымъ

мастерствомъ. Въ той библіотекѣ видѣлъ одинъ столбъ каменный сдѣланъ витою гладкою работою, толстотою въ верхнемъ концѣ мало будетъ меньше полу-аршина, а въ нижнемъ концѣ будетъ въ три четверти аршина. Тотъ столбъ сдѣланъ изъ такого чистаго камени, что съ одной стороны поставить у того столба запаля свѣчу, и тотъ огонь отъ свѣчи будетъ виденъ скрозь того столба на другой сторонѣ; а сказывали, что тотъ столбъ зѣло высокой цѣны, многихъ тысячъ червонныхъ золотыхъ стоитъ.

Въ той же библіотекѣ видѣлъ зѣло великіе глобусы земной и небесный, изряднымъ математицкимъ мастерствомъ сдѣланы. Въ той же библіотекѣ видѣлъ множество древнихъ книгъ розныхъ языковъ, между которыми видѣлъ басурманскій Алкоранъ, писанъ рукою лживаго басурманскаго пророка Магомета, и иныя старыя письма видѣлъ, которыя писаны разными языки по берестѣ и по дереву, зѣло древнія удивительныя вещи. Въ той библіотекѣ всѣхъ книгъ обрѣтается 40000 слишкомъ. Та библіотека зѣло велика, на три стороны длинныя палаты, во всякую сторону сажень по 30 слишкомъ. Въ тѣхъ палатахъ подлѣ стѣнъ и около столбовъ, на которыхъ столбахъ утверждены въ тѣхъ палатахъ своды, подѣланы изрядные шкафы, которые полны накладены книгъ разныхъ. Изъ той библіотеки поѣхалъ я въ остарію къ себѣ, и ко мнѣ въ остарію того вечера пріѣхалъ одинъ дворянинъ отъ Римскаго воеводы и сказалъ мнѣ, чтобъ я Августа въ 15-й день поѣхалъ рано поутру въ одно мѣсто, которое называется Фрашкато, отъ Риму 12 мил. Ит., смотрѣть предивныхъ фонтанъ, а воевода-де Римскій возьметъ у папы позволеніе и ключи, чтобъ мнѣ могъ показать всѣ святыя вещи, обрѣтающіяся въ Римѣ, и какъ-де ты изъ того мѣста въ Римѣ поворотишься, и въ тоже время увидишь святыню всю, которая есть въ Римѣ. И за ту его любовь я приказалъ чрезъ того дворянина благодареніе и по волѣ его учинилъ.

Августа въ 15-й день. Рано по утру поѣхалъ я до того помяненнаго мѣста Фрашкату, которое отъ Риму разстоянія имѣетъ 12 миль Ит., и, пріѣхавъ въ то мѣсто, сталъ въ остаріи и обѣдавъ изъ той остаріи, пошелъ въ домъ одного Римскаго князя, который называется Бургезо, а тотъ его домъ называется Мондрагонъ. Отъ вышепомяненнаго мѣста Фрашкату шелъ я до того Бургезова дому до Мондрагона изрядными садами, которые построены предивною препорціею изъ кипарисовъ и иныхъ предивныхъ деревъ. Пришедъ въ тотъ домъ, смотрѣлъ палатъ зѣло изрядныхъ и великихъ, въ которыхъ видѣлъ множество предивныхъ картинъ, писанныхъ преславною Итальянскою живописною работою, и иныхъ уборовъ

изрядныхъ въ тѣхъ палатахъ много; обитья кожъ золотыхъ, кроватей съ изрядными завѣсы и зеркалъ и шкатулъ изрядныхъ много жъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ изрядныхъ фонтанъ, предивною работою устроенныхъ, много, и на палатахъ въ томъ домѣ устроены изрядныя гульбища, вымощены мелкими каменьи разныхъ цвѣтовъ изрядными узорами преудивительно. Также на тѣхъ палатахъ построены изрядные огороды и цвѣтники предивные, и фонтаны зѣло штуковатыя и предивныя на тѣхъ палатахъ подѣланы, изъ которыхъ великія и многія воды истекаютъ изрядно чистыя.

Потомъ изъ того дому пошелъ до другого дому Римскаго жъ князя, которыя называется Панфилій, а тотъ его домъ зовется Бельведеръ, отъ Бургезова дому недалеко. Около того Панфиліева дому сады зѣло великіе, въ которыхъ растутъ деревья и кипарисныя и иныя всякія зѣло штучно сплетяся вѣтвьемъ, а подъ ними подѣланы проходы изрядные; также домъ его Панфиліевъ построенъ при тѣхъ садахъ зѣло изрядный и великій. При томъ его домѣ передъ палатами его подѣланы великія площади, площадь площади выше; а около тѣхъ площадей подѣланы каменные перила изрядной работы, по которымъ периламъ поставлены горшки великіе и зѣло изрядные; изъ тѣхъ горшковъ растутъ деревья: лимоны, помаранцы и иныя плодовитыя, и цвѣты изрядные разныхъ родовъ, и поставлены тѣ горшки по вышеписаннымъ периламъ изрядною препорціею. На тѣхъ же площадяхъ подѣланы во многихъ мѣстахъ предивныя фонтаны, изъ которыхъ зѣло дивно текутъ вверхъ высоко чистыя, изрядныя воды.

Потомъ пришли въ палаты того Панфилія. Тотъ его домъ изрядною архитектурой построенъ и зѣло великъ и житей множество. Въ тѣхъ палатахъ обоевъ стѣнныхъ много изрядныхъ и картинъ предивныхъ живописныхъ, также кроватей со изрядными завѣсами и всякихъ уборовъ изрядныхъ зѣло жъ много. Передъ тѣми палатами сдѣланъ рундукъ, по которому въ тѣ палаты всходятъ, и когда похочешь и отопрешь воду, тогда изъ того рундука множество потечетъ источниковъ водъ зѣло высоко и идущихъ людей по тому рундуку помочетъ. Также и на дворѣ передъ тѣми палатами предивныя фонтаны; первая фонтана—вырѣзанъ левъ изъ камени, противъ его также изъ камени вырѣзанъ песъ и, когда отопрутъ воду, тогда левъ со псомъ учнутъ биться водою, и та вода отъ нихъ зѣло высоко брызжетъ, и около ихъ потекутъ вверхъ многіе источники водъ зѣло высоко. Потомъ противъ тѣхъ вышеписанныхъ палатъ съ высокой горы течетъ вода многая шириною въ три аршина, а течетъ по ступенямъ власно какъ лѣстница стоитъ узоромъ, а на

верху той горы поставлены высокіе два столба сдѣланы изрядною работою витые; изъ тѣхъ столбовъ изъ верховъ прыщутъ воды вверхъ и упадаютъ сверху тѣ воды паки на тѣжъ столбы и текутъ съ верху тѣхъ столбовъ на ницъ кругомъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, какъ тѣ столбы виты, и обвиваются тѣ воды сами кругомъ тѣхъ столбовъ и сходятъ въ ту воду, которая течетъ съ той помяненной горы лѣстницею, и вся та вода, которая лѣстницей течетъ, сходитъ внизъ на одинъ великій мѣдный глобусъ, который сдѣланъ подъ тою горою у стѣны. На томъ глобусѣ воображены небесныя планеты и звѣзды. И та вода изъ того глобуса течетъ во всякую звѣзду зѣло прытко; а тотъ глобусъ держитъ одинъ человѣкъ сдѣланъ изъ каменя изрядною работою; а передъ тѣмъ каменнымъ человѣкомъ, который тотъ глобусъ на головѣ у себя держитъ, сдѣлано великое творило каменное, въ которое та вода изъ того глобуса впадаетъ, и среди того каменнаго творила сдѣлана предивная фонтана, изъ которой вода брызжетъ вверхъ высоко. По правую сторону того помяненнаго глобуса сдѣланъ человѣкъ изъ камени, держитъ флейты и, когда пустятъ къ нему воду, тогда онъ на тѣхъ флейтахъ заиграетъ изрядные танцы зѣло громогласно. А по лѣвую сторону того жъ глобуса сдѣлано одно подобіе человѣка по поясъ, а отъ пояса сдѣланъ конь изъ камени жъ предивною работою, держитъ въ рукѣ одинъ великій рогъ и тою же водою дѣйствуетъ въ тотъ рогъ, трубитъ подобно тому, какъ зовутъ въ роги при псовой охотѣ, и зѣло громогласно можетъ тотъ голосъ рога слышаться въ пяти верстахъ мѣрныхъ. Потомъ сдѣланъ одинъ мужикъ изъ камени жъ, держитъ волынку, воднымъ же дѣйствомъ въ ту волынку играетъ. А какъ тѣ воды всѣ вдругъ во всѣ фонтаны пустятъ, и тѣ воды гремятъ власно какъ бы въ барабаны били. И около тѣхъ фонтанъ многія есть иныя фонтаны, которыя описать подробну трудно. Потомъ вошелъ я въ одни малыя сѣни каменныя, сдѣланныя при тѣхъ фонтанахъ, и въ тѣхъ сѣняхъ изъ своду и изъ помосту и изъ всѣхъ стѣнъ потекло водъ множество, отъ которыхъ не можетъ человѣкъ въ тѣхъ сѣняхъ укрытися никакими мѣрами, чтобы не обмоченъ былъ. Потомъ пришелъ въ одну палату, въ которой видѣлъ пречудныя вещи: первое, что та палата изнутри устроена предивными рѣзьбами и письмами преузорочными живописными подписана. Длиною та палата пяти сажень, а шириною трехъ сажень. Въ той палатѣ противъ дверей у стѣны сдѣлана гора высокая преславнымъ мастерствомъ. По той горѣ сидятъ десять дѣвицъ, вырѣзанныя изъ камени зѣло предивнымъ мастерствомъ и расписаны красками и золотомъ власно какъ живыя, а у каждой дѣвицы

въ рукахъ флейты серебрянныя. А за тою горою поставлены органы изрядные великіе. Передъ тою горою въ той же палатѣ поставленъ одинъ крыластый конь, сдѣланъ изъ алебастру преузорочною работою и, когда пустятъ воду, тогда заиграютъ органы, изрядные куранты, потомъ органы престанутъ, и заиграютъ тѣ вышеписанныя всѣ десять дѣвицъ на всѣхъ флейтахъ такъ изрядно, что уму человѣческому непостижно. Въ той же палатѣ по рединѣ на полу сдѣланъ каменный кругъ, а въ серединѣ того круга просверлено; изъ того мѣста выходитъ изъ той палаты отъ воды вѣтръ, и на то просверленное мѣсто положатъ одно яблоко, которое тѣмъ вѣтромъ подыметъ отъ полу на поларшина вверхъ, и не даетъ ему тотъ вѣтръ упасть, и такъ стоитъ то яблоко на воздухѣ, сколько времени потребно. Въ дверяхъ той палаты съ обѣихъ сторонъ въ притолокахъ утверждены трубы, изъ которыхъ выходитъ отъ воды жъ великій вѣтръ. Также и иныя многія штуки въ томъ домѣ есть, которыхъ подробну всѣхъ описать невозможно; и по инымъ мѣстамъ въ томъ домѣ множество изрядныхъ фонтанъ, изъ которыхъ истекаютъ воды предивными штуками.

Изъ того дому пріѣхалъ въ домъ одного Римскаго жъ князя, въ которомъ видѣлъ много предивныхъ фонтанъ, между которыми одна фонтана, изъ которой вода течетъ въ высоту на 30 сажень и зѣло многоводна. Также иныя фонтаны подѣланы съ горъ, подобно вышеписаннымъ фонтанамъ предивнымъ мастерствомъ устроены, и садовъ изрядныхъ множество, которые растутъ преславною препорціею. Въ томъ же домѣ подѣланы фонтаны въ воротахъ, которыми проходятъ въ сады дѣвицы Римскія гулять и за потѣху тѣми фонтанами обливаются веселясь. Въ томъ же домѣ въ одномъ саду сдѣланъ столъ мраморный немалый, противъ того стола у стѣны сдѣлана одна фонтана отъ того стола въ саженяхъ пяти изрядною работою и, когда въ томъ саду гуляя Римляне или жены ихъ и дѣвицы сядутъ около того стола обѣдать или ужинать или такъ забавиться, и въ то время ту фонтану отопрутъ, и вода изъ той фонтаны прольется на тотъ столъ сверху и сидящихъ около того стола помочитъ всѣхъ, а чинятъ то за утѣху въ любовь и тѣмъ веселятся. И смотря я того дому, поѣхалъ изъ того Фраскату до Риму.

Пріѣхавъ въ Римъ, пришелъ къ одному мѣсту, которое называется по-итальянски Санта-скала, а по-славянску святая лѣстница. Въ томъ мѣстѣ сдѣлана небольшая церковь Римская; въ той церкви положены части мощей многихъ святыхъ; а Римляне говорятъ, что тутъ положены части мощей всѣхъ святыхъ, и заперта та церковь

накрѣпко, и никто въ нее отнюдь не входитъ, и говорятъ Римляне такъ, что тотъ костелъ сдѣланъ въ древнихъ лѣтахъ, и нѣкоторые прежде бывшіе папы покушались въ ту церковь войтить и возбранены были невидимою силою Божіею ослѣпленіемъ очей, и отъ того времени и донынѣ въ ту церковь отнюдь никто не входитъ; а подѣланы въ тотъ костелъ окна и вставлены стекла и, кто хочетъ молитися тамо положеннымъ святымъ мощамъ, тѣ приходятъ къ тѣмъ вышеписаннымъ окнамъ и смотрятъ въ ту церковь скрозь стеколъ и молятся, гдѣ и я, въ тѣ окна смотря, молился тамо лежащимъ святымъ мощамъ. И есть у Римлянъ о той церкви пословица, что будто ту церковь отворитъ, пришедъ на землю, Илья пророкъ и Енохъ. Къ той церкви поставлена лѣстница, та, которая была во Іерусалимѣ у палатъ Пилатовыхъ, по которой лѣстницѣ къ Пилату веденъ Спаситель нашъ Христосъ во время спасительныхъ Своихъ страстей, и на той лѣстницѣ кровь Его божественная истекшая отъ пречистаго Его тѣла, въ трехъ мѣстахъ; и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Его пречистая божественная кровь, положены кресты мѣдные. Та лѣстница сдѣлана изъ бѣлаго мрамору, шириною въ 5 аршинъ, а въ высоту 28 ступеней, а ступени невысокія и зѣло широкія и, кто хочетъ по той лѣстницѣ идтить вверхъ, тотъ повиненъ идтить на ту лѣстницу на колѣняхъ, а ногами по тѣмъ ступенямъ ступать, по которымъ Спаситель нашъ шелъ пречистыми Своими божественными ногами, нынѣ никто не можетъ; и, ставъ на первую ступень на колѣняхъ, повиненъ всякъ проговорить молитву „Отче нашъ" и, поцѣловавъ ступень, также на колѣняхъ стать на вторую ступень и, на второй ступени стоя на колѣняхъ, туже молитву проговоря и поцѣловавъ третью ступень, стать на третьей ступени на колѣняхъ же, и такъ чинить даже до самаго верху; такъ же и я на ту святую лѣстницу взойтить сподобился. А кто такъ на ту лѣстницу взойтить не похочетъ или за немощью не можетъ того учинить, тотъ можетъ идтить другими лѣстницами, которыя сдѣланы двѣ лѣстницы по обѣ стороны той святой лѣстницы; а внизъ сходятъ отъ того вышеписаннаго костела, въ которомъ положены всѣхъ святыхъ мощи, по другимъ вышеписаннымъ лѣстницамъ.

Потомъ отъ той святой лѣстницы поѣхалъ я до церкви св. мученицы Евпраксіи. Та церковь построена на томъ мѣстѣ, на которомъ мѣстѣ та св. Евпраксія во время мучителя-Нерона въ Римѣ святыхъ мучениковъ, которыхъ тотъ проклятый Неронъ за имя Христово мучилъ, сбирала кровь и покладала въ одномъ мѣстѣ въ землѣ; и нынѣ то мѣсто посредь той церкви, и сдѣлано надъ

тѣмъ мѣстомъ каменное творило, въ которомъ поставленъ мученицы Евпраксіи образъ рѣзной алебастровый, сдѣланъ предивною работою; и мощи мученицы Евпраксіи погребены на томъ же мѣстѣ.

Въ томъ же костелѣ на правой сторонѣ въ притворѣ есть столбъ, у котораго былъ Спаситель нашъ Христосъ привязанъ отъ Евреевъ и бичеванъ во время святыхъ и спасительныхъ Своихъ вольныхъ страданій. Тотъ столбъ высотою въ полтора аршина, а шириною внизу въ поларшина, а вверху тонѣ, и сдѣланъ наверху капитель гладкою работою и отъ древнихъ лѣтъ поизбился. И сдѣланъ тотъ столбъ изъ мрамороваго камени цвѣтомъ мѣшаяся бѣлый цвѣтъ съ чернымъ, какъ обычайно быть аспиду. Тотъ столбъ поставленъ надъ алтаремъ, и около его повѣшаны четыре лампады серебрянныхъ небольшихъ, въ которыхъ всегда горитъ масло деревянное, а противъ его сдѣлано подъ тотъ алтарь окно, въ которое тотъ столбъ можно совершенно видѣть. Та церковь святыя мученицы Евпраксіи великая, изряднымъ украшеніемъ убрана. И бывъ я у того столба, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ.

И того жъ числа пріѣхалъ ко мнѣ отъ Римскаго воеводы одинъ папежскій дворянинъ съ каретою и говорилъ мнѣ, чтобъ я въ той каретѣ поѣхалъ видѣть нѣкоторыя святыни, и я въ той каретѣ поѣхалъ въ одинъ дѣвическій монастырь, въ которомъ живутъ законницы, которыя называются Францишканки. Въ томъ монастырѣ церковь во имя Іоанна Крестителя великая, изнутри устроены своды и стѣны преудивительною алебастровою рѣзьбою золоченою и мраморами изрядными. Въ той церкви сподобился я видѣть нерукотворенный образъ Спасителя нашего Христа, который образъ Свой святой творецъ нашъ Іисусъ Христосъ послалъ ко Авгарю. Тотъ пресвятой образъ мѣрою въ высоту въ поларшина, а въ ширину мало поуже, и нынѣ обложенъ весь золотомъ, только знатно воображеніе пресвятаго божественнаго Его лица, которое подобится древнимъ Греческимъ письмамъ, а на какой матеріи то Его спасительное лицо воображено, того за многими годы познать невозможно.

Потомъ видѣлъ въ той же церкви главу св. Іоанна Крестителя, которая имѣетъ на себѣ плоть и кожу и власы и очи растворенныя. Положена та его святая глава на золотой доскѣ и оставлена вся хрусталями, скрозь которыхъ вся явственно видима. Изъ того дѣвическаго монастыря, поблагодарствовавъ игуменьѣ, поѣхалъ до езувитскаго монастыря, въ которомъ есть академія великая, въ той академіи учится всегда множество учениковъ. Въ томъ мона-

стырѣ церковь во имя апостола св. Варѳоломея великая и зѣло предивная, украшена изнутри рѣзьбами алебастровыми предивными золочеными и мраморами преславными. Въ той церкви подъ алтаремъ положена часть мощей св. апостола Варѳоломея. Изъ того езувитскаго монастыря пріѣхалъ я до другого езувитскаго монастыря, въ которомъ церковь видѣлъ зѣло предивнымъ украшеніемъ убрану, также алебастрами разными золочеными преславною работою сдѣланными и мраморами предивными разныхъ цвѣтовъ. Въ той церкви на лѣвой сторонѣ дѣлаютъ въ придѣлѣ алтарь весь изъ предивныхъ разныхъ мраморовъ такою преудивительною работою, что которой преславной работы подробну описать невозможно.

Потомъ пріѣхалъ до церкви, которая сдѣлана во имя Пресвятыя Богородицы, а по-итальянски называется та церковь Кезаля Мадона. Та церковь изнутри сдѣлана вся изъ разнымъ цвѣтныхъ мраморовъ предивнымъ мастерствомъ. Когда въ тотъ костелъ придешь, и отъ тѣхъ мраморовъ отдается глянецъ власно какъ отъ зеркалъ. Сводъ той церкви весь рѣзной алебастровый вызолоченъ.

Потомъ былъ въ домѣ одного кардинала, который называется Отобони. Кардиналъ тотъ породою Венеціанинъ, и домъ его превеликій строенія предивнаго, и уборы въ палатахъ преузорочные.

Потомъ былъ въ домѣ одного Римскаго князя, который домъ былъ изготовленъ для пріѣзду Московскихъ пословъ, когда чаяли имъ быть въ Римъ. Въ томъ домѣ видѣлъ высѣченнаго изъ одного камени превеликаго быка предивною работою сдѣланнаго; также видѣлъ изъ камени высѣчены подобія древнія Геркулеса, Меркурія, Ахиллеса и иныхъ изрядною работою сдѣланы, а сказываютъ, что тѣ подобія древнихъ лѣтъ найдены въ землѣ.

Потомъ пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, и тотъ папежскій дворянинъ, который со мною ѣздилъ, проводилъ меня до той остаріи и поѣхалъ къ себѣ.

Августа въ 16-й день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію тотъ же папежскій дворянинъ съ каретою. Поѣхалъ я съ нимъ до великой соборной апостольской церкви и, пріѣхавъ къ той церкви, вошелъ въ палату, которая у той церкви есть сосудохранительница. Та палата великая, подлѣ стѣнъ вокругъ той всей палаты подѣланы шкафы, въ которыхъ стоятъ сосуды и кладутъ ризы и всякія церковныя вещи. На срединѣ той палаты сдѣланъ зѣло великій шкафъ съ выдвижными ящиками, поставленъ на рундукѣ. На томъ шкафѣ стоитъ крестъ, на которомъ сдѣлано тѣло Господа Іисуса рѣзною работою изъ дерева зѣло пречудно. У того шкафа

облачаются попы, хотящіе служить обѣдни. Въ ящикахъ того шкафа лежатъ ризы, въ которыхъ служатъ повсядневно, и сосуды повсядневные стоятъ тутъ же. Въ той сосудохранительницѣ видѣлъ одну чѣпь желѣзную немалую, которую въ древнихъ лѣтахъ взялъ одинъ кесарь Римскій изъ Турецкаго порту, т. е. изъ пристанища морского, которою чѣпью тотъ портъ Турки отъ приходу непріятельскихъ людей запирали.

Въ той вышепомяненной сосудохранительницѣ три попа Римскихъ, которые пазываются каноники, облачались и, взявъ запаленныя свѣчи, пошли къ тому мѣсту въ великую церковь, гдѣ стоитъ нерукотворенный образъ Господа Іисуса Христа и иныя многія святыя вещи. То мѣсто въ той великой церкви позади великаго алтаря въ стѣнѣ отъ помосту церковнаго высоко, сдѣлана одна палата; изъ той палаты сдѣланы въ великую церковь двери, предъ тѣми дверьми сдѣланъ помостъ и огороженъ перилами; и тѣ вышепомяненные три каноника, которые облачась на то мѣсто пошли, пришедъ на томъ помостѣ зажгли по периламъ свѣчи числомъ восемь свѣчъ великихъ бѣлаго воску. Потомъ зазвонили въ той верхней церкви въ колоколъ, и всѣ люди, которые въ то время были въ великой церкви, стали на колѣни, и изъ вышепомяненныхъ трехъ канониковъ одинъ вынесъ изъ дверей той верхней палаты на помостъ крестъ святой, сдѣланъ изъ дерева самаго креста Христова и обложенъ золотомъ изрядною работою съ каменьемъ. Тотъ крестъ величествомъ въ поларшина, сдѣланъ четвероконеченъ. И держалъ тотъ святой крестъ на томъ помостѣ время немалое, показывая его мнѣ; потомъ отнесъ его въ ту палату и, паки зазвоня въ колоколъ, вынесъ на тотъ же помостъ нерукотворенный образъ Спасовъ, который образъ Творецъ нашъ во время спасительныхъ Своихъ страстей подалъ одной вѣрной женѣ, которая именовалась Вероника. Тотъ святой образъ мѣрою въ поларшина въ высоту, а въ ширину мало меньше подобіемъ какъ пишутъ Греческія иконы, однакожъ съ тѣмъ святымъ нерукотвореннымъ образомъ, о которомъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего, и обложенъ сей святой образъ золотомъ съ каменьемъ предивною работою. И держалъ его тотъ каноникъ на томъ помостѣ часъ довольный, чтобъ я могъ его совершенно видѣть; однакожъ на какой матеріи тотъ святой образъ воображенъ, того видѣть неможно, для того что отъ меня былъ высоко. И отнесъ тотъ святой образъ въ тужъ палату, паки зазвонилъ въ колоколъ. И вынесъ тотъ же каноникъ на тотъ же помостъ копіе, которымъ во время страданія Господа нашего Іисуса Христа на крестѣ пробитъ былъ божественный Его бокъ, и дер-

жалъ то копіе на томъ помостѣ также немало времени, чтобъ я могъ его добре видѣть; однакоже совершенно осмотрѣть было неможно, для того что отъ меня было высоко. И задѣлано то копіе въ срединѣ одного хрусталя чистаго и скрозь тотъ хрусталь видится. То святое копіе длиною въ четверть аршина или мало больше, а какимъ подобіемъ сдѣлано, того подлинно усмотрѣть неможно. Однакожъ видѣлъ я написано того копья подобіе сдѣлано, какъ дѣлаются рогатины, не длинно, широковато. И тотъ хрусталь, въ которомъ то копье задѣлано, оправленъ золотомъ съ алмазы и съ инымъ каменьемъ изряднымъ мастерствомъ; и, показавъ мнѣ, отнесъ его паки въ тужъ палату и сошелъ ко мнѣ нанизъ и сказалъ мнѣ, чтобъ я пошелъ съ нимъ въ особую палату, которая придѣлана къ вышеписанной сосудохранительницѣ. Въ той палатѣ множество стоитъ святыхъ мощей и всякихъ святынь, которыя мнѣ всѣ показывали.

Изъ той палаты пошелъ я внизъ въ тѣ палаты, которыя подъ великою церковью сдѣланы. Тѣхъ палатъ есть множество, между которыми есть и каплицъ, т. е. церквей Римскихъ множество. Въ тѣхъ нижнихъ каплицахъ видѣлъ я образъ святыхъ апостолъ Петра и Павла древняго письма Греческаго. Написаны святые апостоли на одной доскѣ, мѣрою въ вышину три четверти аршина, а въ ширину мало меньше. Тотъ образъ явился-де царю Констянтину въ Римѣ и тѣмъ явленіемъ понудилъ его воспріять святое крещеніе. Также и иныхъ святыхъ вещей древнихъ множество, которыхъ подробну описать невозможно. Въ тѣхъ же нижнихъ каплицахъ видѣлъ святые образы, сдѣланные въ стѣнахъ изъ мелкихъ каменей безъ красокъ пречуднымъ мастерствомъ. Тамъ же въ нижнихъ палатахъ видѣлъ множество гробовъ древнихъ Римскихъ кесарей и папъ и иныхъ всякихъ. Тамъ же видѣлъ образовъ рѣзныхъ изъ алебастру и иныхъ всякихъ каменей, изрядною предивною работою древнею сдѣланныхъ, между которыми видѣлъ образъ св. апостола Петра, который прежде сего стоялъ въ великой церкви на правой сторонѣ, котораго приходя народъ въ церковь цѣловалъ въ ногу, а нынѣ на томъ мѣстѣ поставленъ образъ св. апостола Петра литой изъ мѣди. Сей святой образъ апостола Петра, который въ нижнихъ палатахъ, высѣченъ изъ алебастру изрядной древней работою, сидящій, котораго и нынѣ въ тѣхъ нижнихъ палатахъ приходящіе цѣлуютъ ногу, юже и я сподобился цѣловати. Тамъ же въ нижнихъ палатахъ одна малая церковь Римская у того мѣста, въ которомъ мѣстѣ лежатъ святыя тѣлеса апостольскія Петра и Павла. На томъ престолѣ стоитъ образъ святыхъ апостолъ Петра и Павла спи-

санъ съ вышеписаннаго образа, который явился царю Констянтину. Та церковь сдѣлана близко тѣлесъ святыхъ апостолъ Петра и Павла, для того что на великомъ алтарѣ, который сдѣланъ въ великой церкви, надъ тѣлесами святыхъ апостолъ Петра и Павла, кромѣ самого папы Римскаго служить никто не можетъ; и которые попы хотятъ служить на алтарѣ святыхъ апостолъ Петра и Павла близко ихъ святыхъ тѣлесъ, тѣ сходятъ нанизъ подъ великую церковь и служатъ на семъ вышеписанномъ алтарѣ. Тотъ алтарь сдѣланъ во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла. Въ тѣхъ же нижнихъ палатахъ видѣлъ множество всякихъ древнихъ вещей, которыхъ для продолженія времени подлинно не записывалъ.

Потомъ, вышедъ я изъ нижнихъ палатъ въ великую церковь, просилъ о томъ вышепомяненныхъ канониковъ, чтобъ мнѣ идтить на верхъ той великой церкви, и тѣ каноники тотчасъ отперли мнѣ двери, въ которыя я пошелъ на верхъ той великой церкви изрядными пространными всходами круглыми и прямыми, которые всходы преизряднымъ мастерствомъ сдѣланы и зѣло пространны. И какъ взошелъ я на ту великую церковь, и на той церкви построено много великихъ изрядныхъ палатъ для всякихъ потребъ церковныхъ. Кровля на той церкви вся оловянная, а въ иныхъ мѣстахъ крыта желѣзомъ бѣлымъ и черепицею. Потомъ пошелъ я на верхъ осмерика, который сдѣланъ на той великой церкви зѣло великъ и высокъ безмѣрно, покрытъ весь оловомъ. Съ того осмерика видѣть весь Римъ съ подлежащими къ нему ближними мѣсты, и въ дальнихъ мѣстахъ верстахъ въ двадцати и больше видѣть многіе городы и села и деревни. Съ того жъ осмерика видѣть море отъ Риму 25 миль Итальянскихъ. Съ того осмерика пошелъ я еще вверхъ на шею, которая сдѣлана на томъ осмерикѣ зѣло велика и высока. Изъ той шеи по самымъ тѣснымъ лѣстницамъ каменнымъ и желѣзнымъ взошелъ въ самое верхнее яблоко, которое сдѣлано изъ мѣди и вызолочено. То яблоко великостью какъ можно въ него вмѣститься 20 человѣкамъ, а съ земли видится таково мало, какъ бы можно обнять двумя пядьми, для того что та церковь безмѣрно высока до осмерика, потомъ осмерикъ превеликій и зѣло высокій, на томъ осмерикѣ шея безмѣрной же высокости, на той шеѣ то вышеписанное яблоко, на томъ яблокѣ поставленъ крестъ великій, который видится отъ земли зѣло малъ.

Внутри та церковь убрана предивнымъ Итальянскимъ живописнымъ письмомъ и рѣзьбами алебастровыми преславными и каменьемъ мраморовымъ узорочнымъ, котораго убору той церкви подробну никто описать не можетъ. Въ той великой церкви подѣ-

лано много зѣло алтарей Римскихъ, по которымъ множество есть святыхъ мощей, между которыми на лѣвой сторонѣ той великой церкви въ одномъ придѣлѣ подъ алтаремъ обрѣтаются святыя мощи крѣпкаго столпа церковнаго и учителя вселенной, проповѣдника покаянія, святѣйшаго Константинопольскаго патріарха киръ Іоанна Златоустаго, а сказываютъ, что-де тѣ его всѣ святѣйшія мощи принесены въ Римъ изъ Константинополя въ древнихъ лѣтахъ. Также и иныхъ святыхъ мощей по тѣмъ придѣламъ множество. Высокостью та церковь въ длину и со алтаремъ сажень, а въ ширину сажень *). У той великой церкви есть канониковъ и поповъ больше ста человѣкъ. Богатства въ той великой церкви, каменью узорочнаго, алмазовъ, яхонтовъ и изумрудовъ, лаловъ во всякомъ церковномъ строеніи, также жемчугу, золота, серебра и иныхъ всякихъ дорогихъ узорочныхъ вещей неудобь-сказаемое множество, собрано отъ древнихъ лѣтъ папежами и самими кесарями Римскими древними. Иконъ святыхъ предивныхъ Греческихъ древнихъ писемъ множество, также и по стѣнамъ есть во многихъ мѣстахъ древнія Греческія письма святыхъ иконъ. Передъ рундукомъ, который сдѣланъ къ той церкви, о которомъ писано выше сего, сдѣланы по сторонамъ два столба каменные невысокіе, на одномъ святаго Петра, на другомъ святаго Павла апостоловъ образы, вырѣзаны изъ алебастру предивнымъ мастерствомъ. Св. Петръ имѣетъ въ рукѣ ключи, а св. Павелъ держитъ въ рукѣ мечъ, изъявляя, что его пречестнѣйшая глава за исповѣданіе Христово отъ проклятаго Нерона мечемъ усѣчена. Тамъ же подъ великою церковью видѣлъ я ретрату, т.-е. персону, высѣченную изъ бѣлаго камени, проклятаго мучителя, Нерона, которая не токмо дѣломъ, и видѣніемъ подобится самому дьяволу.

Въ ту великую церковь изъ паперти сдѣланы пятеры двери, между которыми среднія самыя двери бываютъ всегда заперты мѣдными литыми затворы, которые сдѣланы изрядною работою. Въ тѣ двери никогда никто не входитъ, и никогда ихъ ни для никого не отворяютъ, и самъ папа тѣми дверьми въ ту церковь не всегда входитъ, только входитъ въ ту церковь папа тѣми дверьми въ то время, когда за какое великое къ народу Божіе милосердіе похочетъ папа благодареніе Богу воздать публично, т.-е. соборно. Тогда придетъ папа къ тѣмъ дверямъ, держа въ рукѣ молотокъ желѣзный, и тѣмъ молоткомъ ударитъ въ тѣ двери трожды и, стоя при тѣхъ дверяхъ, говоритъ нѣкоторыя ко Богу благодарныя молитвы; потомъ тѣ двери за третьимъ удареніемъ вышеписаннаго

---

*) Такъ въ рукописи. *П. Б.*

молотка отворяются, и папа со всѣмъ соборомъ въ тѣ двери войдетъ и за то всему католицкому народу учинитъ отпущеніе грѣховъ, на сколько лѣтъ по разсужденію своему похочетъ.

Изъ той церкви поѣхалъ я до папежскаго шпиталя и пришелъ въ нижнія палаты, въ которыхъ на срединѣ каплица, т. е. церковь Римская для болящихъ. При той церкви поставлены изрядные великіе органы. Въ тѣхъ палатахъ видѣлъ я множество болящихъ, лежатъ по кроватямъ на перинахъ и на бѣлыхъ простыняхъ, и всякій тамъ болящимъ покой въ пищѣ и въ лекарствахъ и во всемъ чинится папиною казною. Потомъ изъ тѣхъ нижнихъ палатъ въ томъ шпиталѣ взошелъ я въ верхнія палаты, гдѣ видѣлъ лежатъ болящіе дворянскихъ породъ, которые за бѣдностью не могутъ себѣ особно имѣть дохтура. Тѣ приходятъ въ тотъ шпиталь и лежатъ въ тѣхъ палатахъ. Кровати имъ подѣланы хорошія съ завѣсами, и всякіе покои устроены изрядно. На другой сторонѣ тѣхъ верхнихъ палатъ сдѣланы предивныя палаты и убраны изнутри изрядными уборами. Въ тѣхъ палатахъ поставлены кровати изрядныя золоченыя съ камчатыми завѣсами и постели изрядныя съ чистыми изрядными простынями. И когда заболитъ высокой породы человѣкъ или князь Римскій или сенаторскаго роду честнаго и за недостатками своими дохтура нанять себѣ не можетъ, тѣ приходятъ въ тотъ шпиталь папежскій и лежатъ въ тѣхъ убранныхъ палатахъ. Потомъ пришелъ я въ аптеку, которая построена у того шпиталя для потребъ болящихъ. Въ той аптекѣ видѣлъ инструменты многіе, которыми отрѣзываютъ у людей руки и ноги и пальцы. Тутъ же видѣлъ инструментъ, на который посадя человѣка привяжутъ, у котораго хотятъ вырѣзать камень изъ нутри. Также видѣлъ въ той аптекѣ много лекарствъ убранныхъ въ изрядныхъ сосудахъ, а поставлены по препорціи предивно. Въ той аптекѣ для услуги болящихъ есть четыре человѣка дохтуровъ, потомъ лекари, аптекари, медицины—всѣ на папежской платѣ. Потомъ видѣлъ поварню, въ которой про тѣхъ вышеписанныхъ болящихъ держатъ ѣсть. Та поварня сдѣлана изрядно и судовъ множество мѣдныхъ и оловянныхъ, и зѣло всѣ чисты. Потомъ пришелъ въ ту палату, гдѣ обѣдаютъ тѣ люди, которые въ томъ шпиталѣ болящимъ служатъ, дохтуры и иныхъ чиновъ. Въ тотъ часъ, какъ я въ ту палату вошелъ, и въ той палатѣ тѣхъ болящихъ слуги обѣдали. А со мною въ ту палату вошелъ одинъ законникъ породою Полякъ, который въ томъ шпиталѣ устроенъ отъ папы начальникомъ надо всѣми. Тотъ законникъ тѣмъ людямъ, которые тамъ обѣдали, велѣлъ пить вино за мое здоровье всѣмъ, которые наливъ по рюмкѣ

всѣ вдругъ, поздравя мнѣ, выпили и рюмки всѣ за почтеніе наше побили. Такихъ шпиталей есть въ Римѣ 18 по разнымъ мѣстамъ. Потомъ изъ того шпиталя поѣхалъ я къ себѣ въ остарію, для того что уже приспѣлъ часъ обѣда.

Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхалъ ко мнѣ тотъ же папежскій дворянинъ, который и прежде со мной ѣздилъ, и привезъ ко мнѣ карету, въ которой я поѣхалъ до костела, который называется Санта-Марія Маіоръ, т. е. святой Маріи Большой. Въ той церкви видѣлъ богатства много въ сосудохранительницѣ сосудовъ золотыхъ съ алмазы и разными каменьи, и серебра въ церковныхъ вещахъ множество. Видѣлъ тутъ на алтарь Римскій вмѣсто пелены литую серебрянную доску великую предивнымъ мастерствомъ сдѣлану, въ которой вѣсомъ много будетъ серебра. Потомъ видѣлъ образъ Христовъ и образы двунадесятъ апостолъ литые серебрянные, который каждый въ себѣ имѣетъ вѣсу по 30 фунтовъ, также въ подсвѣчникахъ и лампадахъ и въ крестахъ и въ иныхъ вещахъ церковныхъ зѣло много серебра.

Въ той же церкви видѣлъ налоицы небольшіе изрядные сдѣланы складные изъ одного дерева Хинской работы, а прислалъ тѣ налои въ Римъ Хинскій царь въ тотъ вышеписанный костелъ въ нынѣшнемъ времени, имѣя вѣру къ образу Пресвятыя Богородицы, который Ея образъ въ томъ есть костелѣ письма Луки евангелиста; а сдѣлалъ то Китайскій царь для проповѣди езувитской, которые езувиты есть и нынѣ въ Хинахъ, т. е. въ Китаяхъ на проповѣди Слова Божія, обращаютъ идолопоклонниковъ на вѣру Христову.

Другихъ святыхъ вещей въ той церкви того числа видѣть я не могъ, для того что которыя есть святыя вещи, обрѣтаются въ той церкви, тѣ всегда бываютъ замкнуты, и сего числа поповъ, у которыхъ бываютъ ключи, въ той церкви не было. Тотъ костелъ зѣло великъ; была предъ тѣмъ церковь Греческая, а нынѣ Римская; украшеніе въ той церкви предивное, рѣзьбы алебастровыя, мѣстами золоченыя, и мраморы изрядные разныхъ цвѣтовъ.

Отъ той церкви поѣхалъ я до церкви, которая называется Санъ-Янъ-Лютеранъ. Та церковь была Греческая, построена царемъ Константиномъ близко его дому и была при царѣ Константинѣ церковь Римская соборная; зѣло суть велика, и много въ ней столбовъ. Въ длину въ той церкви построены столбы въ четыре ряда, изъ которыхъ въ ней есть безъ мала сто столбовъ. При тѣхъ столбахъ нынѣ придѣланы алтари Римскіе предивною работою изъ розныхъ мраморовъ, которые цѣнятся каждый алтарь по пяти тысячъ шкудовъ Римскихъ; также и все украшеніе въ той церкви изрядное.

Среди того костела противъ настоящаго алтаря поставленъ престолъ, на которомъ св. апостолъ Петръ отправлялъ святую литургію. Тотъ престолъ сдѣланъ изъ кипарисныхъ досокъ простою плотничною работою и сколоченъ желѣзными гвоздями. Длиною тотъ престолъ аршина въ три, а шириною въ аршинъ, а высотою съ четвертью въ аршинъ. Около того престола убрано пеленами изрядными, а хотящимъ его голый видѣть тѣ пелены отнимаютъ и кажутъ. Около того престола по угламъ поставлены высокіе четыре столба сдѣланы изъ дерева изрядною сницарскою работою золочены. На тѣхъ столбахъ сдѣлано мѣсто великое также изрядною сницарскою работою, и все вызолочено. На томъ мѣстѣ положены главы святыхъ апостолъ Петра и Павла. Также надъ тѣми ихъ святыми главами и кровля сдѣлана изрядною рѣзною работою вся золоченая жъ. И того числа я тѣхъ святыхъ апостольскихъ главъ видѣть не сподобился, для того что некому было ихъ показать, поповъ въ то время тутъ не было; только я въ той церкви того числа видѣлъ доску того стола, на которомъ Царь Славы Іисусъ Христосъ учинилъ тайную вечерю въ дому Зеведеевѣ со святыми Своими учениками. Та доска сдѣлана простою плотничною работою изъ кипарисныхъ досокъ и нынѣ отъ многихъ лѣтъ черна, а гнилости въ ней нимало нѣтъ, вся цѣла, и побиты въ той столовой доскѣ во многихъ мѣстахъ желѣзные гвозди, а въ иныхъ мѣстахъ такими жъ малыми желѣзными гвоздьми прибиты обрѣзки бѣлаго желѣза, т. е. жести. Мѣрою та доска была въ длину аршина въ полчетверта, а шириною въ аршинъ съ небольшимъ, а нынѣ перерѣзана пополамъ, и сложены обѣ половины вмѣстѣ и поставлены въ церковной стѣнѣ за стекольчатой окончиною и желѣзною рѣшеткою заставлена наглухо.

Въ той же церкви того жъ числа видѣлъ ковчегъ стараго закону, въ которомъ была у Іудей манна. Тотъ ковчегъ сдѣланъ изъ досокъ простою плотничною работою, невеликъ, въ длину аршинъ, а въ ширину и въ высоту меньше аршина, поставленъ въ шкафѣ въ церковной стѣнѣ за желѣзною рѣшеткою. Подъ тѣмъ ковчегомъ видѣлъ положенный жезлъ Аароновъ переломленъ пополамъ, а сдѣланъ былъ изъ бѣлыхъ и черныхъ костей узоромъ на желѣзномъ прутѣ подобіемъ тѣмъ, какъ дѣлаютъ посохи Римскихъ архіереевъ.

Потомъ я отъ того костела поѣхалъ въ домъ одного Римскаго князя, въ которомъ видѣлъ изрядный огородъ. Въ томъ огородѣ изрядныя плодовитыя деревья и цвѣты и травы изрядныя разныхъ родовъ, посажены всѣ изрядною препорціею. Въ томъ же саду мно-

жество предивныхъ фонтанъ, которыя нечаянно обливаютъ входящихъ въ тотъ огородъ по дорогамъ, которыя подѣланы въ томъ огородѣ, и изъ дверей, которыя сдѣланы въ тотъ огородъ и изъ того огорода фонтаны, и въ палаты во всѣхъ мѣстахъ подѣланы предивныя фонтаны. Въ томъ же саду у стѣны сдѣланъ одинъ чердакъ небольшой обвѣшенъ сѣтками, и въ немъ много птицъ изрядныхъ. Передъ тѣмъ чердакомъ при дверяхъ лежитъ одинъ камень, и кто, хотя въ тотъ чердакъ войтить или посмотрѣть, и вступитъ ногою на тотъ камень, тогда тотъ камень мало поворотится, и потекутъ вверхъ изъ земли многія около того камня воды, которыя обольютъ того человѣка всего, который на тотъ камень вступитъ. И въ иныхъ мѣстахъ такіе же камни положены, около которыхъ нечаянно брызжутъ воды и обливаютъ вступившихъ на тѣ камни. Также во многихъ мѣстахъ кто похочетъ отворить которую дверь и тѣмъ отвореніемъ отопретъ фонтаны, изъ которыхъ всего его водами обольетъ. Потомъ пошелъ въ палаты, которыя построены въ томъ огородѣ, и вошелъ въ подземныя сѣни; тутъ видѣлъ каркадиловъ и змѣевъ зѣло великихъ, повѣшены для показанія въ тѣхъ сѣняхъ подъ сводомъ. Потомъ взошелъ въ среднія палаты, въ которыхъ сдѣланы у дверей затворы склянишные подобно тому, какъ дѣлаютъ окончины, а по сторонамъ тѣхъ дверей поставлены многія кресла, между которыми есть одни кресла сдѣланы фигурою; когда кто въ тѣхъ креслахъ сядетъ, и на тѣхъ креслахъ, гдѣ опираться руками, сдѣланы яблоки точеныя деревянныя, которыя вертятся и, когда кто похочетъ скрозь тѣ склянишныя двери посмотрѣть и тотъ, который сидитъ въ тѣхъ выщеписанныхъ креслахъ, которыя сдѣланы фигурою, вышеписаннымъ яблокомъ поворотитъ, и изъ тѣхъ вышеписанныхъ склянишныхъ дверей потечетъ между стеколъ изъ свинцу вода изъ многихъ мѣстъ и хотящаго въ тѣ двери смотрѣть нечаянно всего обольетъ. Потомъ взошелъ въ верхнія палаты, въ которыхъ видѣлъ много ружья-пищалей Турецкихъ и Московскихъ работъ и Нѣмецкихъ, между которымъ ружьемъ видѣлъ два карабина предивные въ серебряныхъ ложахъ; по тѣмъ по всѣмъ ложамъ множество яхонтовъ червчетыхъ поставлено въ золотѣ узоромъ. Также и иныхъ вещей въ томъ домѣ въ верхнихъ палатахъ видѣлъ множество, между которыми вещьми видѣлъ среди палаты на изрядной кровати лежитъ мумія, т. е. древнихъ лѣтъ человѣкъ, которыхъ находятъ въ песчаномъ морѣ: когда котораго человѣка въ песчаномъ морѣ засыплетъ пескомъ, тогда тотъ человѣкъ и съ платьемъ не можетъ сгнить даже до кончины свѣта. Тѣхъ людей съ великимъ трудомъ достаютъ дохтуры для того, что употребляютъ ихъ въ лекар-

ства, и такой мумій въ тѣхъ палатахъ на помяненной кровати лежитъ цѣлый человѣкъ и въ платьѣ, въ которомъ былъ засыпанъ въ песчаномъ морѣ, и одѣтъ одѣяломъ на той кровати, которое одѣяло сдѣлано изъ птичьяго перья зѣло изрядно. Въ той же палатѣ видѣлъ кожу человѣческую выдѣланную, которая цѣлая снята съ одного Турчанина и выдѣлана подобно тому, какъ выдѣлываютъ оленьи кожи. Та кожа толста, толше оленьи, подобна толщиною толстому сафьяну, а цвѣтомъ была какъ бумага, и лоскъ съ одной стороны какъ на бумагѣ, а съ другой стороны подобна оленьи кожѣ. Въ той же палатѣ видѣлъ множество птицъ и звѣрей и змѣй разныхъ родовъ засушенныхъ для показанія, также и костей цѣлыхъ мартышекъ и Индѣйскихъ мышей, которыя кости ихъ не развалились, только съ нихъ сняты кожи, и мясо и жилы отравлены. Тутъ же видѣлъ четыре птицы, которыя называются гамаяны, цѣлыя и въ перьяхъ, также и иныхъ разныхъ родовъ птицъ положены въ скляниншныхъ сосудахъ въ двойное вино и съ перьемъ для того, что всякое животное въ двойномъ винѣ не истлѣваетъ. Въ той же палатѣ видѣлъ кожу одного барана, который имѣлъ двѣ головы. Тамъ же видѣлъ теленковую кожу о двухъ головахъ и объ осми ногахъ и два хвоста: тѣ обѣ кожи, баранья и телячья, для смотрѣнія набиты сѣномъ и стоятъ власно какъ живы. Тамъ же видѣлъ древнихъ людей, которые назывались гиганты; зубъ зѣло великъ и кость отъ шеи такъ велика, какъ бы небольшой стулъ. Тутъ же видѣлъ иныхъ древнихъ лѣтъ предивныя вещи, которыхъ всѣхъ подробну описать вскорѣ трудно. Между тѣми вещами видѣлъ одинъ пенязь—той монеты, которую монету отъ проклятыхъ Жидовъ за Спасителя нашего Христа Іисуса взялъ проклятый сатанинъ угодникъ Іуда.

Потомъ изъ того дому пошелъ я до своей кареты, а карета моя стояла у воротъ того огорода, и меня изъ того огороду Римляне, проводя до кареты, отдали мнѣ виватъ, отперли фонтаны, изъ которыхъ потекли многія воды около моей кареты. Изъ того дому пріѣхалъ я въ вечеръ въ остарію, въ которой стоялъ. Въ томъ часѣ прислалъ ко мнѣ папа конюшаго своего кавалера Мальтійскаго комендатора, который называется Шпрето. Тотъ конюшій поздравилъ мнѣ отъ папы и говорилъ мнѣ, что папино величество велѣлъ меня спросить, которыхъ еще хочу въ Римѣ видѣть вещей, и чтобы тотъ его конюшій со мною ѣздилъ и все, чего я хочу видѣть, чтобъ мнѣ показывалъ. За ту папежскую милость я благодарствовалъ и чего хотѣлъ видѣть, о томъ ему сказалъ, и тотъ конюшій отъ меня того вечера поѣхалъ и обѣщалъ ко мнѣ быть поутру рано.

Того жъ вечера прислалъ ко мнѣ папежъ 20 сулей винъ розныхъ и пять сыровъ изрядныхъ по обыкновенію своему, какъ есть обычай папамъ изъ своего дому обсылать пріѣзжихъ знатныхъ форестировъ, за которыя присланныя вещи я присланнымъ отъ папы благодарствовалъ и подарилъ ихъ чѣмъ надлежало.

Августа въ 17-день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ помяненный Мальтійскій кавалеръ папежскій конюшій съ папежскими двумя каретами, въ которыхъ каретахъ я съ нимъ поѣхалъ гулять и пріѣхалъ прежде до одного шпиталя зѣло великаго, въ которомъ болящихъ есть 500 человѣкъ мужеска полу, а на другой сторонѣ въ томъ же шпиталѣ въ особыхъ палатахъ есть болящихъ женскаго полу 300 душъ. Сдѣланъ тотъ шпиталь подобно тому, что я прежде въ Римѣ видѣлъ, о которомъ писалъ въ сей книгѣ выше сего; только сей шпиталь съ вышеписаннымъ разнится въ томъ, что въ семъ шпиталѣ пріѣзжая Римскіе князи и сенаторы и всякіе честные люди и дѣти ихъ мужеска полу служатъ болящимъ изъ произволенія своего Христа ради, надѣвъ на себя худое платье, которое носятъ того шпиталя работники, и привозятъ изъ домовъ своихъ изрядныя яства въ тотъ шпиталь болящимъ и сахары и конфекты и фрукты на изрядныхъ серебрянныхъ блюдахъ изрядно убранные, и тѣми яствами и сахарами и конфектами и фруктами потчиваютъ болящихъ и служатъ имъ со всякимъ усердіемъ. Также и жены честныхъ людей и дочери-дѣвицы чинятъ сему подобно въ томъ же шпиталѣ болящимъ женамъ и дѣвицамъ, а дѣлаютъ такое милосердіе неимущимъ, желая себѣ милосердія Божія.

Изъ того шпиталя пріѣхалъ я въ костелъ, который называется Санъ-Янъ-Лютеранъ, о которомъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего, и показали мнѣ сего числа въ той церкви главы святыхъ апостолъ Петра и Павла. Тѣ ихъ святыя главы сдѣланы въ серебрѣ, и сдѣланы изъ серебра жъ образы ихъ поясные, и на тѣхъ ихъ образахъ поставлены пречестныя ихъ главы, и тѣ ихъ святые образы поставлены со пречестнѣйшими ихъ главами на томъ мѣстѣ, которое среди того костела сдѣлано высоко надъ престоломъ св. апостола Петра, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего. Смотря я тѣхъ верховныхъ апостолъ главъ, изъ той церкви пришелъ пѣшъ въ домъ царя Констянтина, для того что тотъ домъ отъ церкви зѣло близокъ. Тотъ домъ великій, сдѣланъ четвероуголенъ, по всѣмъ стѣнамъ построены великія палаты въ четыре житья вверхъ, которыхъ есть множество, сдѣланы изрядною архитектурою и знатно, что были подписаны стѣннымъ изряднымъ письмомъ Греческимъ

предивныхъ работъ древнихъ, которыя письма по стѣнамъ и нынѣ знатны. Сводовъ въ тѣхъ палатахъ нѣтъ, во всѣхъ накатные потолоки и отъ половъ до тѣхъ потолоковъ въ тѣхъ палатахъ зѣло высоко, сажень будетъ по семи трехаршиныхъ; также двери въ тѣхъ палатахъ и окна зѣло широки и высоки. Около тѣхъ палатъ изнутри дому вокругъ сдѣланы изрядные широкіе переходы съ перилами, по которымъ периламъ поставлены вмѣсто столбовъ вырѣзаны изъ бѣлаго камени мраморовaго подобія человѣческія мужеска полу и женскаго изрядною предивною работою. Также лѣстницы къ тѣмъ палатамъ подѣланы предивныя широкія зѣло господственны, также и въ палатахъ тѣхъ подѣланы сходы зѣло широкіе и рундуки къ поварнямъ предивные господственные. Входя я въ тѣ палаты, прежде вошелъ въ одни сѣни высокія и великія, изъ тѣхъ сѣней сдѣланы двери великія за дворъ царя Констянтина на площадь, и передъ тѣми дверьми за палатами сдѣланы малыя ганки съ перилами, а лѣстницы къ тѣмъ дверямъ съ площади нѣтъ. И когда въ Римѣ учинятъ вновь папу, тогда тотъ новый папа повиненъ пріѣхать въ тотъ царя Констянтина домъ; тогда тѣ помяненныя двери отворятъ, и папа сядетъ въ тѣхъ дверяхъ и подаетъ благословеніе народу, стоящему на площади при дворѣ царя Констянтина на колѣняхъ. Нынѣ въ томъ царя Констянтина домѣ живутъ сироты, неимущія отцовъ и матерей, дѣвки на корму папиномъ. Берутъ въ тотъ домъ дѣвокъ малыхъ отъ семи лѣтъ, а ниже семи лѣтъ не возьмутъ; и есть въ томъ домѣ жены старыя устроены для того, что тѣхъ вышеписанныхъ дѣвокъ учатъ всякому ремеслу—прясть, ткать, шить, чулки вязать, кружевъ плесть. Тѣхъ дѣвокъ въ томъ домѣ бываетъ больше 500 и непрестанно работаютъ, которая что̀ умѣетъ дѣлать и, что̀ которая сдѣлаетъ, то продаютъ; изъ той цѣны одну треть отдаютъ тѣмъ дѣвкамъ на ихъ потребы, другую треть имъ же на пищу, третьею третью покупаютъ ленъ и шерсть, изъ чего имъ дѣлать на продажу всякія вещи. А къ тому прибавливаетъ папа изъ своей казны, когда на ихъ потребу чего недостаетъ. И когда малолѣтнюю дѣвку въ тотъ домъ возьмутъ, тогда прежде учатъ ее грамотѣ, а потомъ учатъ ремеслу и никуда ихъ изъ того дому не выпускаютъ, а которая дойдетъ лѣтъ до рослыхъ, и той есть воля изъ того дому идтить хотя въ монастырь до закону или замужъ, которая какъ похочетъ.

Въ тѣхъ же вышеписанныхъ царя Констянтина палатахъ сдѣлана церковь Римская, въ которой по вся дни отправляютъ обѣдни для пребывающихъ тамъ женъ и дѣвокъ, чтобъ каждая на всякій

день слушала обѣдню для того, что у Римлянъ на одномъ престолѣ въ одинъ день можетъ быть много обѣдень, только разные попы служатъ, а одинъ попъ двухъ обѣдень на одинъ день служить не можетъ кромѣ праздника Рождества Христова.

Изъ того дому царя Констянтина пріѣхалъ я къ церкви, которая называется Санта Марія Маіоръ, о которой я въ сей книгѣ писалъ выше сего. Въ той церкви показали мнѣ предивное сокровище — колыбель святую, въ которой Творецъ всего свѣта, Господь нашъ Іисусъ Христосъ не возгнушался лежать съ пречистою Своею плотію по рождествѣ Своемъ во младенчествѣ. Та колыбель сдѣлана изъ простого дерева самою простою плотничною работою подобіемъ тѣмъ, какъ нынѣ обрѣтаются въ деревняхъ малыя колыбели у неимущаго простого народу; только знатно, что та колыбель была повѣшена на четырехъ ремняхъ, потому что по сторонамъ прорѣзаны на ней такія мѣста, въ которыя мѣста были проняты ремни или тесьмы; а въ которыхъ мѣстахъ колыбель пораскололасъ, въ тѣхъ мѣстахъ знатно, что была сбита желѣзомъ простой же работы кузнецкой и въ иныхъ мѣстахъ повязана тонкими снурками, и лоскутки нѣкоторыхъ небогатыхъ матерій снурками жъ тонкими привязаны, видомъ лазоревые, какъ крашенина. Въ той святой колыбели есть сѣно, которое было подъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и пелены нѣкоторыя малыя въ той колыбели есть, которыми пречистое божественное тѣло Христово было повито; а поставлена та колыбель въ серебрянный ящикъ, у котораго наверху сдѣланъ Предвѣчный Младенецъ изъ серебра предивною работою, и съ тѣмъ серебряннымъ ящикомъ ставится та святая колыбель въ деревянный ящикъ обитый лазоревымъ бархатомъ, и тотъ ящикъ поставленъ на каѳедрѣ высоко на четырехъ столбахъ, которая каѳедра сдѣлана у лѣваго крылоса изрядною работою. Противъ той каѳедры въ той же церкви у праваго крылоса каѳедра слово въ слово такъ, какъ та вышепомяненная каѳедра, на которой стоитъ святая Христова колыбель, и на сей помяненной каѳедрѣ, которая сдѣлана у праваго крылоса, положены святыя мощи многихъ святыхъ, которыя мнѣ всѣ показывали; а кто о тѣхъ святыхъ мощахъ хочетъ подлинно вѣдать, которыхъ они святыхъ, тѣхъ я отсылаю до читанія Римской гисторіи печатной, а здѣсь для продолженія времени подлинно о томъ описывать оставляю. Въ томъ же костелѣ на правой сторонѣ въ придѣлѣ подъ алтаремъ есть ясли—тѣ, которыя были въ вертепѣ при рождествѣ Христовѣ; въ тѣхъ ясляхъ не возгнушался Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотію возлещи, а нынѣ

тѣхъ яслей никто видѣти не можетъ, для того что задѣланы подъ алтаремъ наглухо, и около того алтаря горитъ масло въ серебрянныхъ лампадахъ. Въ той же церкви въ придѣлѣ на лѣвой сторонѣ есть поставленъ надъ алтаремъ образъ Пресвятыя Богородицы, на рукахъ имѣетъ Предвѣчнаго Младенца, Господа нашего Іисуса Христа, а написанъ тотъ Пречистыя Дѣвы образъ Лукою евангелистомъ въ Римѣ. Того святого образа сподобился я смотрѣть близко и, взявъ въ той церкви печатный образъ на бумагѣ подобенъ тому образу Пресвятыя Богородицы, потомъ изъ той церкви поѣхалъ я во время обѣда къ себѣ въ остарію.

Того жъ числа послѣ обѣда прислалъ ко мнѣ папа карету на четырехъ коняхъ и приказалъ ко мнѣ, чтобъ я въ той каретѣ поѣхалъ смотрѣть того мѣста, гдѣ усѣчена глава св. апостола Петра; и мы въ той каретѣ поѣхали къ тому помяненному мѣсту и, выѣхавъ за Римъ, видѣлъ то мѣсто, гдѣ святые апостоли Петръ съ Павломъ прощались, когда веденъ былъ на смерть. На томъ мѣстѣ нынѣ поставлена каплица, и надъ дверьми той церкви поставленъ образъ св. апостолъ Петра и Павла вырѣзанъ на алебастрѣ тѣмъ подобіемъ, какъ они, святые апостоли, прощаясь межъ собою, обнимали другъ друга, цѣловали, плакавъ и радуясь, что умираетъ за проповѣдь Слова Божія.

Потомъ пріѣхалъ я къ одной церкви Римскаго закону, которая была прежде сего Греческая. Та церковь зѣло велика, въ ней великихъ **90** столбовъ каменныхъ, придѣловъ къ той церкви придѣлано немало. Алтарь въ той церкви немалый подписанъ весь мусіею древнимъ Греческимъ письмомъ. Противъ того великаго алтаря сдѣлана каѳедра изряднымъ мастерствомъ, и вокругъ той каѳедры подѣланы перила изрядныя, по которымъ стоятъ лампады серебрянныя, и въ иныхъ всегда горитъ масло. Подъ тою каѳедрою положены нѣкоторыя части святыхъ мощей великаго верховнаго апостола Павла, а сдѣлана та каѳедра на томъ мѣстѣ, для того что прежде сего, когда апостолъ Павелъ былъ въ Римѣ, стоялъ на томъ мѣстѣ и училъ народы вѣровать въ Христа Бога.

Въ той же церкви видѣлъ крестъ, на которомъ есть тѣло Іисусово вырѣзано изъ дерева изрядною работою древнею и нынѣ видимо ветхо, и сказываютъ Римляне, что отъ того святаго креста былъ гласъ къ одной женѣ послѣ разорванія вѣры Греческой съ Римскою, которая жена была Римской вѣры и называлась Бридзида и была закону Бенедиктинскаго. Ту жену и нынѣ имѣютъ Римляне за святую, и тѣло ея лежитъ въ землѣ въ той церкви.

Потомъ изъ той церкви поѣхавъ, пріѣхалъ я къ тому мѣсту, гдѣ усѣчена честная глава великаго свѣтильника и учителя вселенной верховнаго апостола Павла, и вошелъ прежде въ церковь Римскую зѣло великую, въ которой никогда убору нѣтъ. Въ той церкви есть образъ святаго Анастасія, который во время иконоборной ереси на соборѣ кладенъ въ огонь и, невредимъ бывъ многое время въ огнѣ, вынятъ изъ огня; и нынѣ тотъ образъ является ветхъ. Въ той церкви есть и мощей святыхъ немало, которыхъ подлинно описывать за продолженіемъ исторіи оставляю.

Изъ той церкви пришелъ въ ту палату, которая сдѣлана надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ глава апостола Павла усѣчена. Та палата немалая и зѣло широка, на правой сторонѣ той палаты сдѣланъ алтарь Римскій во имя св. апостола Павла, а на лѣвой сторонѣ противъ того алтаря сдѣланъ алтарь же Римскій во имя апостола Петра, и надъ тѣми алтарями поставлены св. апостолъ Петра и Павла образы тѣмъ подобіемъ, какъ тѣ св. апостоли за Христа пострадали, писаны по полотну такимъ предивнымъ живописнымъ мастерствомъ, котораго мастерства на всемъ свѣтѣ быть лучше невозможно. Подлѣ алтаря св. апостола Павла поставленъ тотъ столбъ, на которомъ отсѣчена св. его глава. Тотъ столбъ мраморовый не добре высокъ и нетолстъ, а нынѣ около его обдѣлано деревомъ изрядною столярною работою, и на одной сторонѣ на томъ деревѣ сдѣлано окно, въ которое тотъ столбъ можетъ быть видимъ; и еще около того столба сверхъ дерева поставлены рѣшетки желѣзныя. Отъ того столба съ одну сажень есть одинъ источникъ, въ которомъ вода изрядная, которую когда кто пьетъ, и та вода отзывается молокомъ. Отъ того источника сажени съ три другой источникъ, въ которомъ всегда есть теплая вода. Отъ того теплой воды источника сажени съ три третій источникъ, въ которомъ холодная вода. Тѣ всѣ три источника рядомъ, и никогда изъ нихъ вода не оскудѣваетъ, хотя бы кто множество бочекъ взялъ воды изъ тѣхъ источниковъ. И учинились тѣ источники въ то время, когда повелѣніемъ проклятаго Нерона, кесаря Римскаго, отсѣчена честная глава св. апостола Павла и, упадчи, молвила „Іисусъ“. И на томъ мѣстѣ въ тотъ часъ искипѣлъ первый источникъ воды, которая отзывается молокомъ. Потомъ та апостольская глава отсѣченная скочила на другое мѣсто и рекла тожъ „Іисусъ“, и на томъ мѣстѣ паки искипѣлъ источникъ теплой воды. Паки съ того мѣста тажъ апостольска св. глава прескочила на третье мѣсто и рекла паки „Іисусъ“, и на томъ мѣстѣ искипѣлъ источникъ студеной воды. И нынѣ

надъ тѣми тремя источниками сдѣланы изрядные анкеры изъ розныхъ мраморовъ предивнымъ мастерствомъ, и у всякаго источника сдѣланы черпалки мѣдныя на желѣзныхъ чѣпяхъ, которыми приходящіе люди къ тѣмъ источникамъ пьютъ изъ нихъ воды, и называютъ Италiяне тѣ источники Трефонтане. Отъ тѣхъ источниковъ поѣхавъ, я пріѣхалъ къ одной церкви круглой, которая сдѣлана во имя святаго Римскаго Бернарда, и говорятъ Римляне, что-де молясь св. Бернардъ на томъ мѣстѣ и служа обѣдни, извелъ молитвою своею одну нѣкоторую душу изъ огня чистительнаго, который католики признаютъ. Подъ той церковью лежатъ мощи св. мучениковъ 10000, которые замучены съ Зенономъ, и къ тѣмъ мученическимъ мощамъ изъ той церкви внизъ подѣланы сходы; и подъ той церковью сдѣлана малая каплица; подлѣ той каплицы въ придѣлѣ лежатъ тѣ мученическія мощи затворены и запечатаны папиною печатью, и никому тѣхъ св. мощей не кажутъ. Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до Риму и, пріѣхавъ къ Риму къ городовымъ воротамъ, видѣлъ у тѣхъ воротъ въ городовой стѣнѣ построена немалая палата, на которой зѣло высокая четвероугольная шатровая кровля покрыта свинцомъ. Въ той палатѣ погребенъ одинъ Римскій купецъ зѣло богатый человѣкъ, который, умирая, велѣлъ себя погресть въ томъ мѣстѣ, чтобъ тѣла его половина была въ Римѣ, а другая за городомъ Римомъ, и по той его волѣ, такъ его погребши, сдѣлали надъ его тѣломъ ту помяненную палату. Потомъ, въѣхавъ въ Римъ, пріѣхалъ къ одной остаріи, которая сдѣлана близко Римской городовой стѣны внутри города подлѣ горъ, которыя горы сдѣланы въ Римѣ изъ ценинныхъ черепковъ такимъ случаемъ, что есть въ Римѣ устроены такіе люди, которые ходятъ по всѣмъ домамъ Римскимъ и, сбирая разбитые ценинные суды, отвозятъ на ту вышепомяненную гору и высыпали ценинными черепками ту гору зѣло высоко, а нынѣ сыплютъ въ другихъ мѣстахъ тѣжъ черепки ценинные близко той же вышеписанной горы; и уже насыпаны и другія горы немалыя тѣхъ ценинныхъ черепковъ. Подъ той черепковой горою подѣланы великіе погребы каменные, въ которыхъ непрестанно великій холодъ отъ ценинныхъ черепковъ больше того, нежели отъ льду или отъ снѣгу, и въ тѣхъ погребахъ стоитъ вино изрядное, какого вина лучше въ Римѣ нѣтъ. И въ ту остарію для гулянья по вся дни пріѣзжаютъ Римскіе жители честные люди и купцы съ женами и съ дѣтьми. И близко тѣхъ черепковыхъ горъ поставлены многіе столы и скамьи, гдѣ пріѣзжіе всякіе сидятъ для охлажденія отъ великихъ жаровъ и изъ вышеписанныхъ погребовъ пьютъ вина изрядныя; а которые похотятъ, тѣ и ѣдятъ изъ той

остаріи, и для такихъ пріѣзжихъ держатъ въ остаріи изрядныя яства. И пріѣхавъ я въ ту остарію, гулялъ и пилъ изрядное вино и фрукты всякіе ѣлъ. Потомъ пріѣхалъ я къ себѣ въ остарію и раздѣлался съ хозяиномъ той остаріи во всемъ, заплатилъ ему за постоялое и за пищу, для того что намѣрился Августа въ 18-й день изъ Риму отъѣзжать.

Того жъ вечера былъ я въ домѣ папиномъ, въ которомъ онъ лѣтомъ живетъ. Тотъ его домъ зѣло великъ, и множественное въ немъ число палатъ въ четыре жилья въ высоту, и около того папежскаго дому его жъ особливые домы конюшенные и другіе, въ которыхъ живутъ солдаты для сторожи, въ другихъ его жъ палатахъ живутъ офицеры. Въ томъ же домѣ въ особыхъ палатахъ живутъ кавалерія, т. е. рейтарія его жъ папежская, также и мастеровые многіе люди живутъ въ его жъ домѣ.

И около того его дому зѣло великіе и изрядные сады его жъ папежскіе. Тѣ палаты, въ которыхъ живетъ самъ папа, предивныя со изрядными уборы, и домъ его сдѣланъ зѣло господственъ и преестественно великъ. Въ томъ его домѣ есть каплицы, въ которыхъ по вся дни отправляютъ обѣдни, гдѣ слушаетъ самъ папа, а особно есть въ самыхъ его палатахъ малая каплица, гдѣ всегда папа слушаетъ обѣдни. Изъ того дому папина пріѣхалъ я къ себѣ въ остарію и убрался совсѣмъ, какъ могу ѣхать въ дорогу и фурману своему приказалъ, чтобъ ко мнѣ въ остарію пріѣхалъ съ коляскою Августа въ 18-й день поутру рано.

ОПИСАНІЕ РИМУ.

Городъ Римъ есть мѣсто великое, а не зѣло многолюдное, стоитъ близко горъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ въ срединѣ себя малыя пологія горы, по которымъ суть селитьба.

Скрозь Римъ течетъ рѣка Тиверь немалая и глубокая, крутобегая, всегда течетъ мутна власно какъ бы смѣшана съ глиною, и жители Римскіе той воды изъ Тиверя не употребляютъ въ пищу и питье для ея мутности и имѣютъ себѣ въ каждомъ домѣ фонтаны. Та рѣка течетъ отъ Риму 30 миль Ит. и впадаетъ въ море Андріатицкое. По той рѣкѣ отъ моря приходятъ суды невеликія со всякими торговыми вещьми. Около Риму городовыя стѣны каменныя древней работы не зѣло высоки и толсты, и во многихъ мѣстахъ развалилось. Башни невелики, только зѣло часты, воротъ проѣзжихъ есть въ Римъ немало. Первые, которые называются Портопопули, потомъ ворота, которыя называются Санъ-Янъ-Лютеранъ,

близко дому царя Константина, потомъ ворота, которые называются Пинчана, потомъ ворота, которые называются Салюре, потомъ ворота, которые называются Ди-Сан-Петро, потомъ ворота, которые называются Ди-Сан-Павло, потомъ еще двои вороты.

Въ Римѣ есть два дома папежскихъ, о которыхъ я подлинно писалъ въ сей книгѣ выше сего. Тѣ его домы зѣло великіе; въ одномъ домѣ, которой близко церкви св. апостолъ Петра и Павла, одиннадцать тысячъ палатъ жилыхъ; въ другомъ домѣ живетъ папа лѣтомъ, въ немъ шесть тысячъ палатъ жилыхъ.

Въ Римѣ есть монастырей разныхъ законовъ и церквей приходскихъ всего двѣ тысячи, а всѣ предивно изрядно построены, и украшеніе въ нихъ удивительное и снаружи преславнымъ мастерствомъ построены рѣзьбами дивными алебастровыми и мраморами цвѣтными узорочными убраны.

Въ Римѣ по многимъ мѣстамъ, а паче при костелахъ и на площадяхъ есть столбы высокіе изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, древнихъ и новыхъ работъ, между которыми сдѣланъ одинъ столбъ изрядный, къ которому придѣланы три улицы великія; изъ тѣхъ трехъ улицъ тотъ столбъ и изъ самыхъ концовъ чрезъ всѣ тѣ улицы видѣть. Также площадей зѣло много изрядныхъ намощенныхъ каменемъ. Въ Римѣ есть одна площадь великая и зѣло изрядная на высокомъ мѣстѣ, къ которой сдѣланы зѣло высокіе въѣзды каменные, которые можно назвать лѣстницами, и на въѣздѣ съ той лѣстницы на площадь поставлены два подобія конскія, сдѣланы изъ бѣлаго камени древней изрядной работы; среди того пляца или площади поставлено на столбѣ подобіе конское жъ сдѣлано изъ мѣди древлѣ при царѣ Констянтинѣ зѣло преудивительной работою. Близко той площади есть палаты предивныя, въ которыхъ сидятъ для совѣтованія о государственныхъ дѣлахъ Римскіе князи и сенатори.

Въ Римѣ есть юстиція т. е. приказы великіе, которые управляетъ воевода Римскій. Тѣ приказы устроены изрядно, въ которыхъ есть судьи и писарей многолюдно и о всякихъ дѣлахъ докладываютъ воеводу Римскаго, а воевода которыя можетъ дѣла дѣлаетъ самъ, а о великихъ дѣлахъ докладываетъ папежа.

При папежскомъ домѣ всегда бываетъ 500 человѣкъ солдатъ для сторожи, а тѣ солдаты также есть и рейтары, всѣ Цесарцы, живутъ на папежской платѣ, и у тѣхъ солдатъ, и у рейтаръ начальные люди всѣ Цесарцы жъ на папежской платѣ.

Сенатори и князи Римскіе и кардиналы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ въ праздничные дни о шести лошадяхъ, а за просто о

двухъ лошадяхъ зѣло господовато и кареты зѣло предивныя и богатыя, также и лошади узорочныя и шоры преславныя; и за ними ѣздятъ слуги ихъ въ каретахъ же, а иные люди ходятъ за ними пѣши многолюдствомъ. Также княжескія и сенаторскія жены и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ, и людей пѣшихъ за ними ходитъ немало. Также и купцы и жены ихъ и дѣти ѣздятъ въ каретахъ, а пѣши честные люди и купцы богатые и жены ихъ и дѣти въ Римѣ не ходятъ и то имѣютъ подъ зазоромъ. Мущины платье носятъ своею модою, больше черное, а наипаче любятъ Французское платье и употребляютъ его многіе, а женскій полъ въ Римѣ убираются изрядно особою модою, и народъ въ Римѣ мужеска и женска полу благообразенъ и зѣло политиченъ. Солдатовъ въ Римѣ всѣхъ на папежской платѣ всегда бываетъ 5000 человѣкъ для карауловъ.

Въ Римѣ есть одинъ монастырь, въ которомъ живутъ законники Езувиты разныхъ народовъ: Итальянцы, Гишпанцы, Французы, Цесарцы, Агличане и Голандцы и Шведы и Турчане, которые застали католиками, и Венгры и Греки уніаты и Поляки и Славяне, также Турки, Татары, Арапы, Армяне, Персы, Хинцы, Бухарцы, Калмыки, которые застали католиками жъ. А держитъ ихъ папа на своей платѣ для того, когда котораго ни есть народу человѣкъ католицкой вѣры или изъ кальвиновъ или лютерановъ или изъ басурмановъ или изъ болванохвальцевъ, заставъ католикомъ, похочетъ исповѣдатися, а Итальянскаго и Латинскаго и никакого кромѣ своего природнаго языка не знаетъ, тогда изъ того монастыря возьмутъ одного Езувита того языка, котораго тотъ человѣкъ, который желаетъ исповѣданія; и велятъ тому Езувиту того человѣка исповѣдать природнымъ его языкомъ, чтобъ ему можно было совершенно о грѣсѣхъ своихъ каятися и чтобъ исповѣдникъ совершенно зналъ его покаяніе, чтобъ могъ его о грѣсѣхъ его судити истиною.

Въ Римѣ суть двѣ академіи великія, въ которыхъ множество есть учениковъ разныхъ народовъ, а учители суть въ тѣхъ академіяхъ Езувиты.

Хлѣбъ въ Римѣ изрядный бѣлый пшеничный, и мясо и рыба и всякій харчъ недорогъ, и фруктовъ всякихъ множество и зѣло дешевы. Народъ Римскій къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло ласковъ и привѣтенъ, а паче къ Московскимъ людямъ безмѣрно пріятны.

Нынѣ еще значится стараго Риму околичность, по которымъ мѣстамъ былъ прежній Римъ сдѣланъ, и знатно, что былъ старый Римъ неудобь-сказаемаго величества. Которыя древнія палаты Рим-

скія были древлѣ въ самомъ Римѣ, до тѣхъ палатъ нынѣ отъ Риму есть миль по 12 и по 15 и больше во всѣ стороны; и которыя мѣста были древлѣ въ срединѣ Рима, на тѣхъ мѣстахъ нынѣ великія пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы и винограды заведены многіе, гдѣ и до днесь есть древняго каменнаго зданія разваленныя палаты и столбы во многихъ мѣстахъ. А около нынѣшняго Риму зѣло много домовъ Римскихъ жителей, построенныхъ для гулянія, при которыхъ есть изрядные и великіе сады; въ тѣхъ садахъ множество деревъ плодовитыхъ: лимоновъ, цукатовъ, орѣховъ миндальныхъ, померанцевъ, винныхъ ягодъ, шкотовъ, ситроновъ, каштановъ, персовъ, орѣховъ грецкихъ, райскихъ яблокъ, черешни, вишенъ, грушъ, дуль, яблокъ, сливъ разныхъ родовъ, черносливу и иныхъ всякихъ плодовитыхъ деревъ, промежъ которыми сажены деревья кипарисныя великія для украшенія тѣхъ садовъ; также много виноградовъ розныхъ бѣлыхъ и красныхъ, и убраны тѣ сады травами предивными, которыя растутъ фигурами дивными и всякими узорами, а промежъ тѣхъ травъ сажены цвѣты изрядные разныхъ родовъ; также подѣланы горшки зѣло великіе и предивные, въ которыхъ растутъ деревья плодовитыя великія и цвѣты преславные; поставлены тѣ горшки въ садахъ между деревью и травъ предивными препорціями. Потомъ въ тѣхъ садахъ преславныя фонтаны, изъ которыхъ непрестанно истекаютъ воды предивныя чистыя и холодныя; а какими узорочными фигурами тѣ фонтаны подѣланы, того за множествомъ ихъ никто подлинно описать не можетъ, а ежели бы кто хотѣлъ видѣть всѣ фонтаны въ Римѣ, тому бы потребно жить два или три мѣсяца и ничего иного не смотрѣть, только бъ однихъ фонтанъ, и насилу бъ могъ всѣ фонтаны осмотрѣть.

Воздухъ въ Римѣ тягостный ко пребыванію людскому, а наипаче въ лѣтѣ, и для того среди лѣта, когда солнце бываетъ въ Леонѣ, т. е. во Львѣ, что́ Итальяне называютъ „каникула", т. е. Славянскимъ языкомъ „собачьи дни", выѣзжаютъ изъ Риму многіе Римскіе жители въ постороннія мѣста и не пріѣзжаютъ въ Римъ до того времени, когда солнце изъ Виргины, т. е. Дѣвицы, вступитъ въ Либры, т. е. въ Вѣсы; тогда уже бываетъ въ Римѣ воздухъ холодный и людямъ здоровый.

Оперовъ и комедій свѣтскихъ въ Римѣ нынѣшній папа чинить заказалъ кромѣ духовныхъ и тѣ чтобъ не великія были.

Нынѣшній папа которыя каплицы, т. е. церкви, имѣетъ въ своемъ домѣ, гдѣ по вся дни слушаетъ обѣдни, изъ тѣхъ органы и всякую музыку вынесъ и партеснаго пѣнія пѣть у себя въ домѣ и во всемъ Римѣ отнюдь никому не велитъ, а велитъ пѣть простое пѣ-

ніе, а наипаче заказалъ, чтобъ въ дѣвическихъ монастыряхъ дѣвки-законницы отнюдь не пѣли, а пѣли бъ попы, которые въ тѣхъ монастыряхъ служатъ, также на комедіяхъ и на операхъ чтобъ отнюдь дѣвки никогда не пѣли.

Однакожъ музыка въ Римѣ спѣванная и игранная есть изрядная мужеска полу и по праздникамъ у приходскихъ церквей и въ комвентахъ, т. е. въ монастыряхъ, выпрося у папы лиценцію, т. е. соизволеніе, по сему поютъ и партесы, только не часто.

Когда папа хочетъ въ Римѣ куда идтить, въ которой церкви праздникъ или въ шпиталь или въ домъ царя Константина, гдѣ живутъ сироты, тогда его носятъ въ одной сѣдіи. Та сѣдія сдѣлана подобна коляскѣ безъ колесъ и безъ станка изрядною работою; а когда похочетъ, тогда ѣздитъ въ каретѣ, а ѣздитъ нынѣшній папа во всякой недѣлѣ въ субботу въ домъ царя Константина, въ которомъ держитъ на своей платѣ бѣдныхъ сиротъ-дѣвокъ Христа ради. Другой домъ сдѣлалъ нынѣшній же папа за рѣкою Тиверемъ изрядною архитектурою, на которомъ есть множество палатъ изрядныхъ; въ тѣхъ палатахъ живутъ на папиной же платѣ сироты мужеска полу, и учатъ ихъ прежде грамотѣ, и какъ придетъ до 9 лѣтъ, тогда учатъ ихъ разнымъ ремесламъ—портному, сапожному, столярному, золотарному, серебрянному и инымъ всякимъ мастерствамъ, и то ихъ дѣло продаютъ и дѣлятъ на три части, такъ же какъ и у дѣвокъ, которыя живутъ въ домѣ царя Константина.

За Тиверемъ же рѣкою построенъ вновь домъ великій, на которомъ есть множество палатъ великихъ; а сдѣланъ тотъ домъ для того, когда приплывутъ въ Римъ рѣкою Тиверемъ отъ моря какіе бастименты, т. е. суды отъ кораблей или отъ галеръ съ товарами, и тѣ товары покладаютъ въ томъ домѣ и продаютъ по волѣ, чтобъ тѣмъ судамъ, въ которыхъ тотъ товаръ въ Римъ привозятъ, ни малаго отнюдь задержанія не было ни одного.

Женскій народъ въ Римѣ зазоренъ и не наглъ и блудный грѣхъ держитъ подъ великимъ смертнымъ грѣхомъ и подъ зазоромъ, а наипаче подъ страхомъ; также пьянство въ Римѣ подъ великимъ зазоромъ: не токмо въ честныхъ людяхъ, и между подлымъ народомъ пьянствомъ гнушаются. Вино двойное продаютъ въ Римѣ на всякій день поутру рано, а въ отдачу часовъ ночныхъ носятъ по улицамъ, для того что всякій Римскій житель на всякій день зѣло рано до свѣту или на разсвѣтѣ имѣетъ выпить двойного вина малый рюмокъ, а наипаче тѣ люди двойного вина поутру рано употребляютъ по-малу, которые хотятъ ѣхать изъ Риму на поля. А чинятъ то Римскіе жители для воздуху злого, чтобъ духъ вина двойного от-

гонялъ заразительный воздухъ, а въ часъ дни или позже отнюдь въ Римѣ не бываетъ двойного вина продажнаго по улицамъ, для того что въ тѣ часы никто его не пьетъ.

Всегда въ Римѣ живутъ послы Цесарскій, Гишпанскій, Французскій, Венецкій и иныхъ христіанскихъ государствъ и домы имѣютъ великіе и зѣло предивные, на которыхъ множество палатъ съ преудивительными уборами; также тѣ послы имѣютъ у себя кареты и возники и шоры преузорочные и ѣздятъ зѣло славно и многолюдно во изрядныхъ уборахъ. Между тѣми послами у Гишпанскаго посла одна карета преестественно хороша и богата, цѣнятъ ее въ 8000 шкудовъ Римскихъ, а на Московскія деньги будетъ слишкомъ 5000 рублей, и велика та карета зѣло, могутъ въ ней сидѣть десять человѣкъ безъ нужды, а какою работою и какимъ богатствомъ сдѣлана, того подлинно описать трудно. Тотъ Гишпанскій посолъ въ мою бытность въ Римѣ умеръ.

Въ Римѣ есть библіотеки изрядныя во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ библіотекахъ множество всякихъ книгъ розныхъ языковъ. Въ тѣхъ же библіотекахъ много есть глобусовъ земленоводныхъ и небесныхъ и шверъ армилярисъ *), также и иныхъ всякихъ математичныхъ инструментовъ.

Въ Римѣ во многихъ мѣстахъ печаютъ книги на Латинскомъ и на Греческомъ и на Итальянскомъ языкахъ, также печатаютъ глобусы небесные и земленоводные и карты космографичныя и иные всякіе листы и книги архитектурныя изрядныя домовныя и фонтальныя и иныхъ всякихъ предивныхъ вещей печатаютъ куншты, т. е. образцы всякіе.

Въ Римѣ держитъ папа галеры воинскія, которыя ходятъ по вся годы въ Морею на Востокъ и стоятъ въ Мореѣ во все лѣто купно съ Мальтійскими галерами и съ Венеціанскими противъ Турковъ. Папа Римскій беретъ отъ Гишпанскаго короля многую казну за то, что Неаполь и вся Цицилія надлежатъ быть папины области, а онъ уступилъ ихъ королю Гишпанскому и за то отъ него по вся годы беретъ великую казну.

Табаку дымового Римскіе жители честные не употребляютъ и тѣмъ гнушаются, а употребляютъ непрестанно табакъ носовой, который въ Римъ привозятъ изъ Мальту, изъ Гишпани, изъ Болони и изъ иныхъ мѣстъ и купятъ добрый носовой табакъ зѣло дорого—по золотому червонному фунтъ. И духовные всѣ въ Римѣ табакъ носовой непрестанно употребляютъ, и кардиналы и арциби-

---

*) Такъ. *П. Б.*

скупы и законники всѣ безъ того быть не могутъ. Князи Римскіе и всякіе честные люди и купцы зѣло богаты, имѣютъ вотчины великія и винограды и сады, съ которыхъ берутъ великія казны.

Въ Римѣ бываетъ каранавалу только 15 дней, и въ тотъ каранавалъ только ходятъ въ машкарахъ по три часа въ день и обыкновеніе имѣютъ такое, что честныхъ людей жены и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ изрядныхъ каретахъ, убрався предивно, и возятъ съ собою въ каретахъ мелкихъ сахаровъ много и, когда съ кѣмъ встрѣтятся со знакомымъ или и съ незнакомымъ, тогда другъ въ друга мечутъ сахарами и тѣмъ веселятся, и столько много насыплется сахаровъ по Римскимъ улицамъ власно какъ бы снѣгомъ были прикрыты. Тотъ сахаръ подбираютъ неимущіе, и никто имъ въ томъ не возбраняетъ. Въ тожъ время каранавала дѣлаютъ оцеры и комеди небольшія, и то духовныя, для того что о томъ нынѣ отъ папы заказано.

Римляне носятъ волосы накладные короткіе и легкіе для великихъ жаровъ лѣтнихъ, легчатъ себѣ, а въ зимѣ студености великой въ Римѣ не бываетъ, и для того что въ Римѣ нигдѣ въ палатахъ печей нѣтъ и не дѣлаютъ, не во многихъ мѣстахъ въ Римѣ есть камины; а дрова въ Римѣ купятъ дорого, для того что возятъ дрова въ Римъ изъ дальнихъ мѣстъ, а въ ближнихъ отъ Риму дровъ взять негдѣ, потому что лѣсовъ никакихъ нѣтъ, а которые и есть не во многихъ мѣстахъ, и тѣ мелкіе.

Въ Римѣ есть одна Греческая церковь, которая мало что не пустѣетъ для изгнанія отъ Римлянъ; для того что Римляне желаютъ того, чтобъ всѣ Греки были съ ними во единеніи вѣры.

Близко той Греческой церкви есть въ Римѣ церковь Армянская, которая суть соединена во всемъ съ западной церковью. Въ Римѣ есть 15000 Жидовъ, которые суть зѣло бѣдны, для того что имъ заказано отъ папы, чтобъ ни одинъ Жидъ никакими новыми вещьми не торговалъ, а торговали бы Жиды всѣ ветошьми, и то недорогими, и во всемъ есть Жидамъ, живущимъ въ Римѣ, отъ Римскихъ жителей тѣснота и обиды. А во время Страстной недѣли на всякій день приходитъ одинъ казнодей въ то мѣсто, гдѣ Жиды живутъ и взошедъ на каѳедру сказываетъ казаніе, а Жиды всѣ того поученія слушать подъ неволею повинны; а которые того поученія слушать не хотятъ, тѣхъ солдаты Римскіе бьютъ и принуждаютъ, чтобъ всѣ шли и того казанія слушали, и такъ на всякій годъ человѣка по два и по три Жидовъ, раскаявся о своей злобѣ, входятъ во христіанство и бываютъ католиками.

Въ Римѣ торговыхъ пріѣзжихъ людей всякихъ вѣръ много, христіанскихъ и басурманскихъ и изъ самыхъ дальнихъ краевъ, изъ Хины и изъ Индіи и съ Перси пріѣзжаютъ съ товарами.

Звѣрей дикихъ, львовъ, слоновъ, бобровъ, барсовъ и иныхъ всякихъ у папы нѣтъ и не бываетъ.

Въ Римѣ у княжескихъ и у сенаторскихъ и у кардинальскихъ и у арцибискупскихъ и у всякихъ честныхъ людей домовъ надъ воротами ставятъ по два герба: на правой сторонѣ гербъ папинъ, а на лѣвой сторонѣ гербъ господина дому. Также и у пословъ, которые въ Римѣ живутъ, розныхъ государствъ, ставятъ у домовъ ихъ надъ воротами по два жъ герба, на правой сторонѣ гербъ папежскій, а на лѣвой сторонѣ гербъ того государства, котораго тотъ посолъ.

Лошадей великихъ каретныхъ возниковъ въ Римѣ много изрядныхъ, а Турецкихъ аргамаковъ и коней Ногайскихъ въ Римѣ нѣтъ, для того что Римскіе жители честные и подлые люди верховыхъ лошадей не держатъ, а имѣютъ у себя Нѣмецкія лошади каретныя и ѣздятъ въ каретахъ и въ колыскахъ; а кому случится и верхомъ ѣхать, и тѣ ѣздятъ на Нѣмецкихъ же на лошадяхъ.

Въ самомъ Римѣ и около Риму множество лошаковъ и муловъ прѣдивныхъ и буйволовъ, на которыхъ подлый народъ ѣздитъ и всякія работы отправляютъ и въ дороги ѣздятъ на нихъ же.

Въ самомъ Римѣ и около Риму много животины рогатой—быковъ, коровъ великихъ, а шерстью всѣ половые; также множество барановъ и овецъ великихъ, которые имѣютъ на себѣ шерсть долгую и хвосты безмѣрно долгіе, а всѣ бѣлые, а черныхъ нѣтъ. Также множество свиней великихъ и толстыхъ, а всѣ черныя, а иными шерстьми нѣтъ. Также множество козъ великихъ; также множество куръ Индѣйскихъ, которыхъ въ Римъ гоняютъ великими стадами, сотъ по пяти и по тысячи и больше въ одномъ стадѣ Индѣйскихъ куръ бываетъ; а гусей и утокъ въ Римѣ не зѣло много, а Русскихъ куръ множество, а въ остаріяхъ больше жарятъ про форестировъ голубей и въ похлебкахъ подаютъ голуби жъ больше чѣмъ куръ. Въ Римѣ у Римскихъ жителей у честныхъ всякихъ людей въ домахъ ихъ и въ остаріяхъ про форестировъ держатъ изрядныя яствы—жаркія и похлебки и пироги Французскіе и всякія яствы предивныя. Форестиры въ Римѣ знатные люди и честные пѣши мало ходятъ, нанимаютъ кареты и коляски и ѣздятъ въ каретахъ и колыскахъ, куды хотятъ, а иные въ Римѣ и пѣши ходятъ, которыхъ мало знаютъ. А кто хочетъ въ Римѣ нанять себѣ на цѣлый день карету изрядную на двухъ добрыхъ возникахъ, и

за ту карету потребно заплатить золотой червонный и ѣздить въ ней день цѣлый гдѣ изволитъ; а когда въ Римѣ бываетъ много форестировъ зимою, а наипаче во время карапавалу, тогда платятъ за карету добрую на цѣлый день по два допія Гишпанскихъ, а Московскихъ будетъ 4 рубля слишкомъ. Для того въ то время за кареты въ Римѣ дорого платятъ, что форестировъ бываетъ много въ Римѣ, а всякій хочетъ ѣздить уборно и видѣть во время каранавала обыкновеніе Римскихъ жителей.

Въ Римѣ говорятъ Итальянскимъ языкомъ изрядно, чисто, многихъ Итальянскихъ мѣстъ лучше.

Остаріи въ Римѣ, въ которыхъ ставятся форестиры, зѣло богаты и уборны; палаты въ нихъ обиты кожами золочеными и убраны изрядными картинами; кровати изрядныя золоченыя, завѣсы атласныя и камчатныя хорошія, постели также хорошія, простыни всегда бѣлыя съ кружевами изрядными, и когда хозяинъ остаріи кормитъ форестеровъ, тогда на столахъ бываютъ скатерти изрядныя бѣлыя и полотенца ручныя бѣлыя жъ по вся дни, блюда и тарелки оловянныя изрядныя, чистыя, ножи съ серебрянными череньями, а вилки и ложки и солонка серебрянныя, все изрядно и чисто всегда бываетъ. Суды, изъ которыхъ пьютъ, склянишныя предивныя и чистыя, рукомойники и лохани ценинные чистые жъ всегда. И которые форестиры стоятъ въ которой остаріи, и на всякій день платятъ по семи павловъ Римской монеты со всякаго человѣка и того будетъ на Московскія деньги полтина, и за ту полтину въ той остаріи дадутъ ему обѣдъ и ужину изрядную, также палату ему дадутъ уборную изрядную со столомъ, креслами и со стулами и кроватъ ему изрядная съ завѣсомъ и съ постелью и съ простынями чистыми, а поутру на всякій день камареръ, т. е. тотъ человѣкъ, который ему будетъ въ той остаріи служить, за той же платою подаетъ ему обуться и умыться; и мыло и полотенце—все отъ хозяина той остаріи; и ввечеру во всякую камору, въ которыхъ форестиры стоятъ, повиненъ господинъ остаріи давать свѣчи сальныя въ чистыхъ хорошихъ шандалахъ; а когда лягутъ спать, тогда камареры поставятъ во всякой палатѣ лампады съ деревяннымъ масломъ, чтобъ во всю ночь во всякой палатѣ былъ огонь, а то все дѣлаютъ за той же платою.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ князю Сергѣю Николаевичу Долгорукову.

Это одно изъ раннихъ писемъ славнаго графа Растопчина. Оно писано когда ему шелъ 22-й годъ отъ роду и для довершенія своего образованія онъ находился въ Берлинѣ, гдѣ посланникомъ нашимъ былъ тогда графъ С. П. Румянцовъ, предшественникъ котораго (24 года сряду остававшійся представителемъ Россіи при Фридрихѣ Великомъ), князь Владиміръ Сергѣевичъ Долгоруковъ, еще не успѣлъ уѣхать въ Россію. Письмо писано къ родному его племяннику. Оба они вѣроятно находились гдѣ нибудь на дачѣ подъ Берлиномъ. Письмо живо и характерно, какъ и все, выходившее изъ подъ Ростопчинскаго пера. *П. Б.*

Ce 6 août 1786.
Berlin.

Mon prince.

J'ai reçu hier votre lettre et celle que le prince votre oncle a voulu me faire l'honneur d'écrire. Je suis très sensible à ses bontés et si je ne viens pas aujourd'hui à mon choix, c'est uniquement pour avoir plus que deux jours à rester avec vous et à lui prouver ma reconnaissance.

Vous m'avez envoyé une lettre de madame votre mère. Vous ne sauriez quel plaisir elle m'a fait. Elle me fait savoir qu'elle se porte bien et me donne beaucoup de conseils que je vous ferai voir à notre entrevue. J'ai reçu encore d'elle par la dernière poste une grande lettre qui sert à augmenter ma reconnaissance et mes regrets.

Ne soyez pas fâché si je vous désobéis en remettant mon voyage à mon choix. D'abord il vaut mieux que j'attende quelques jours et que je vienne en passer quatre ou cinq, si ou le peut et si cela ne vous sera pas désagréable. Vous voyez que je suis un peu sur les compliments avec vous; quoique cela ne soit pas mon caractère, mais dans le com-

mencement il faut toujours des assurances où il y ait de la grâce au défaut du bon sens. Je me suis presque tout-à-fait arrangé avec les maîtres qui auront l'honneur de m'inculquer leurs profondes connaissances. Je n'ai pas voulu pour les mathématiques d'autre maître que Castillon le fils; j'irai prendre mes leçons chez lui trois fois par semaine, et outre cela je prendrai des leçons de la fortification. J'ai arrangé de manière mes leçons qu'elles commencent à 7 heures du matin et durent jusqu'à une heure; alors je songe au dîner et je recommence à 3 heures jusqu'à 7. Vous voyez que je mets du tems pour apprendre. Dieu sait si cela réussira. Adieu. Faites moi savoir quand je dois venir vous assurer de l'attachement sincère et de l'amitié avec laquelle j'ai l'honneur d'être, mon prince, votre très-humble el très-obéissant serviteur

Rastopchinn.

P. S. Présentez mes respects au prince votre oncle; je me prive de l'honneur de lui écrire pour ne pas lui donner la peine de faire la réponse et le fatiguer par ma lettre qui ne pourra pas exprimer que je voudrais. J'ai l'honneur de saluer respectueusement vos hôtes et je vous envoye des vers tous nouveaux de ma fabrique qui n'est pas royale.

ROMANCE.

Air: „Je suis Lindor".

J'ai vu la cour, la ville et le village,
J'ai parcouru les palais fastueux,
Je n'ai rien vu; rien n'offrait à mes yeux,
O ma Chloé, tes traits ni ton image.

On peut encore, au sein de l'abondance,
Former des voeux, regretter et gémir;
Près de Chloé j'ai trouvé le plaisir,
Et son amour me tient lieu de l'opulence.

Pour toi, Chloé, ces campagnes fleuries,
Ces bois, ces prés, ces fleurs et ces ruisseaux,
Ces orangers, ces concerts des oiseaux
Entretiendront mes douces rêveries.

C'est la nature au lever de l'Aurore
Que dans Chloé ma voix célebrera;
Je chanterai, l'amour m'inspirera,
Et ma Chloé sera plus belle encore.

——

Te souvient-il, jeune bergère,
Te souvient-il de ces beaux jours,
Où sur un trône de fougère
Tous deux nous connûmes l'amour?
L'Aurore venait de paraître,
L'oiseau matinal sous le hêtre
Célébrait tes charmes naissants,
Et de Flore l'amant fidèle,
Zephire ramenait sur son aile
Les ris, les jeus et le printems.

——

D'un ruisseau l'onde claire et pure
Roulait sur un tapis de fleurs;
Le calme heureux de la nature
Se refléchissait dans nos coeurs.
Nous étions seuls dans le bocage.
Tes attraits, nos désirs, notre âge,
Tout nous disait: soyez heureux!
Nos coeurs l'étaient par notre ivresse.
Désirs, pudeur, amour, jeunesse,
Tout a favorisé nos voeux.

(Съ подлинника, сообщеннаго въ „Русскій Архивъ" внукою князя С. Н. Долгорукова, Александрою Александровною Львовою, урожденною княжною Долгоруковой).

Переводъ. 6 Августа 1786. Берлинъ. Князь! Я получилъ вчера письмо ваше и письмо, которымъ князю вашему дядюшкѣ угодно было почтить меня. Я очень чувствителенъ къ его милостямъ и если не отправляюсь сегодня по моему выбору, то единственно для того, чтобы еще два лишнихъ дня побыть съ вами и засвидѣтельствовать ему мою благодарность. — Вы мнѣ прислали письмо вашей матушки *). Не можете представить, какое удовольствіе оно мнѣ доставило. Она увѣдомляетъ меня, что здорова и даетъ мнѣ много совѣтовъ, которые я вамъ сообщу при свиданіи. Съ послѣднею почтою я получилъ отъ

*) Мать князя С. Н. Долгорукова, Наталья Сергѣевна, была урожденная Салтыкова.

нея еще большое письмо, которое послужило къ усиленію моей признательности и моихъ сожалѣній. — Не гнѣвайтесь, что я васъ не послушался и отложилъ путешествіе по моему выбору. Лучше мнѣ подождать нѣсколько дней и изъ нихъ на четыре или на пять съѣздить къ вамъ, если это возможно и вамъ не непріятно. Вы видите, что я съ вами держусь-таки свѣтскихъ любезностей. Это не въ моемъ правѣ, но при началѣ всегда необходимы увѣренія, съ нѣжностями, въ ущербъ здравому смыслу.—Я почти вполнѣ устроился съ учителями, которые будутъ имѣть честь набивать меня своими глубокими познаніями. Для математики я захотѣлъ непремѣнно учиться у Кастильона-сына [1]): буду ходить къ нему на уроки по три раза въ недѣлю, и кромѣ того стану брать уроки фортификаціи. Я распредѣлилъ такъ мои уроки, что они будутъ начинаться съ семи часовъ утра и продолжаться до часу; затѣмъ обѣдъ и снова за работу съ 3 до 7. Вы видите, что на ученье я не щажу времени. Богъ вѣсть, удастся ли это. Простите. Дайте мнѣ знать, когда мнѣ къ вамъ быть, чтобы увѣрить васъ въ искренней привязанности и дружбѣ, съ коими имѣю честь быть вашимъ, князь, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Растопчинъ. P. S. Передайте мое почтеніе князю, вашему дядюшкѣ; я лишаю себя чести писать къ нему, чтобы не затруднить его отвѣтомъ и не утомить письмомъ моимъ, которое не выразитъ того, чтò бы я желалъ. Имѣю честь почтительно привѣтствовать вашихъ хозяевъ и посылаю вамъ съ моей фабрики, которая не королевская [2]), самыхъ новыхъ стиховъ [3]).

---

1) Объ урокахъ у Кастильона-сына графъ Растопчинъ упоминаетъ въ своемъ Берлинскомъ дневникѣ, напечатанномъ въ рѣдкой книгѣ: Matériaux pour la biographie future du comte Th. Rastaptchine, rassemblés par son fils. Bruxelles 1864, стр. 8, 23 и др. *П. Б.*

2) Выраженіе это вѣроятно относится къ стихотвореніямъ короля Фридриха Великаго (который въ это именно время умиралъ въ Потсдамѣ). *П. Б.*

3) Стихи эти оставляются безъ перевода. *П. Б.*

КЪ ИСТОРІИ ВТОРИЧНАГО ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ МИТАВѢ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XVIII-ГО.

Второй братъ короля Французскаго Людовика XVI, Станиславъ-Ксаверій графъ Прованскій, бѣжалъ изъ Франціи 9 Іюня 1791 года. Послѣ казни Людовика XVI, онъ провозгласилъ себя регентомъ Франціи, а когда въ 1795 году умеръ малолѣтній Людовикъ XVII, онъ объявилъ себя королемъ подъ именемъ Людовика XVIII.

Новый король безъ королевства велъ скитальческую жизнь по Европѣ: онъ не могъ нигдѣ долго оставаться на одномъ мѣстѣ; его отовсюду вытѣсняли, то вслѣдствіе требованій Французскаго республиканскаго правительства, то вслѣдствіе дипломатическихъ интригъ. Въ 1796 году онъ былъ выпровоженъ изъ Венеціи и временно поселился въ Бланкенбургѣ, городкѣ въ Брауншвейгскихъ владѣніяхъ. Здѣсь онъ проживалъ въ самомъ печальномъ положеніи, перебиваясь изо дня въ день и ежеминутно ожидая, что его удалятъ изъ Бланкенбурга, какъ удалили изъ Венеціи. Но вотъ пришла вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины II, послѣдовавшей 6 Ноября 1796 года, и о воцареніи въ Россіи Павла Петровича, на покровительство котораго Людовикъ XVIII имѣлъ основанія разсчитывать. Дѣйствительно, императоръ Павелъ Петровичъ при самомъ воцареніи выразилъ свое вниманіе къ королю-претенденту и отнесся покровительственно къ Французскимъ бѣглецамъ. Очень многіе изъ нихъ поступили въ Русскую службу генералами (герцогъ Броліо былъ принятъ даже генералъ-фельдмаршаломъ), а съ Августа 1797 года дворянско-Французскій корпусъ принца Конде находился на Русскомъ содержаніи. Корпусъ этотъ, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, въ числѣ 7000 человѣкъ, былъ приведенъ въ Россію подполковникомъ княземъ Горчаковымъ, по высочайшему при-

казу отъ 27 Ноября 1797 года принятъ въ Русскую службу и размѣщенъ въ городахъ Волынской губерніи: Владимирѣ, Луцкѣ и Ковелѣ. Императоръ не оставилъ безъ поддержки и короля-претендента: онъ послалъ ему 200000 р. и предложилъ поселиться въ Іеверѣ, наслѣдственномъ имѣніи покойной императрицы Екатерины, недалеко отъ Голландіи. Людовикъ XVIII не согласился переѣхать въ Іеверъ, боясь близости республиканскихъ войскъ, а просилъ Императора поселить его въ Россіи. Вслѣдствіе этой просьбы, Императоръ пригласилъ его въ Декабрѣ 1797 года поселиться въ Митавѣ, во дворцѣ (замкѣ), нѣкогда построенномъ на Русскія деньги герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ Бирономъ.

Людовикъ XVIII охотно принялъ приглашеніе и съ супругою (дочерью короля Сардинскаго, Маріею-Жозефиною-Луизою), племянникомъ герцогомъ Ангулемскимъ и многочисленною свитою прибылъ въ Митаву 9 Марта 1798 г. На переѣздъ Государь прислалъ Людовику XVIII 60000 р , приказалъ генералъ - лейтенанту Ферзену встрѣтить его на границѣ и проводить въ Митаву, а полковнику Лаврову привести въ Митаву же 100 человѣкъ изъ корпуса Конде для службы при особѣ короля въ видѣ тѣлохранителей (gardes-du-corps). Курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ это время былъ Дризенъ, а вице-губернаторомъ Н. И. Арсеньевъ [1]). Дризену и было предписано приготовить въ замкѣ помѣщеніе для короля и его свиты [2]). Митавскій костелъ былъ предоставленъ въ распоряженіе короля, а затѣмъ 6 Іюля 1798 года Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ отпускать изъ государственнаго казначейства по 200000 р. ежегодно „на содержаніе Французскаго короля съ фамиліею и принадлежащими ему людьми, выдавая сіи деньги при началѣ каждаго полугодоваго срока по ровной части“.

Людовику XVIII слѣдовало бы благодарить Господа Бога, что послѣ семилѣтнихъ скитаній явилась ему возможность жить въ полнѣйшей безопасности, въ даровомъ обширномъ помѣщеніи, и получать огромныя для того времени деньги на свое содержаніе; но не такой былъ человѣкъ Людовикъ XVIII, чтобъ остаться довольнымъ щедростію и гостепріимствомъ Россійскаго императора. Претензіонный, страшно-эгоистичный, онъ положительно привередни-

---

[1]) Николай Ивановичъ, родной дѣдъ нынѣшняго директора Морскаго училища, Дмитрія Сергѣевича Арсеньева.

[2]) Мебель, комнатныя украшенія, постели и пр. были доставлены изъ Петербурга изъ тамошнихъ дворцовъ; отопленіе и освѣщеніе замка казна приняла на свой счетъ.

чалъ въ Митавѣ, жалуясь, что-де хотя покои для него, королевы и герцога были и пышно меблированы, но свита размѣщена плохо, ничего ей не дали на первое обзаведеніе, не назначили особаго содержанія для 100 гвардейцевъ и пр., ни топлива имъ не отпустили, ни фуража и пр. и пр. (король-претендентъ все какъ-то забывалъ, что ему Русская казна отпускала въ годъ 200000 р. именно на содержаніе его и свиты). Вотъ-де пришлось мебель и обзаведеніе для свиты покупать на свой счетъ!

Подобныя жалобы, болѣе чѣмъ не основательныя, доходили до вспыльчиваго Императора и, конечно, не служили къ пользѣ претендента. 4 Іюня 1799 года въ Митаву прибыла дочь Людовика XVI, принцесса Марія-Терезія-Шарлота, и 10 Іюня въ домовой церкви Митавскаго замка была повѣнчана съ герцогомъ Ангулемскимъ, старшимъ сыномъ королевскаго брата, графа д'Артуа (впослѣдствіи короля Карла X).

Событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ, и императоръ Павелъ Петровичъ, столь благосклонный къ эмигрантамъ вначалѣ, скоро разочаровался въ нихъ. Французско-дворянскій корпусъ Конде оказался такимъ сбродомъ своевольниковъ, что Императоръ вынужденъ былъ отдать приказъ отъ 21 Февраля 1798 года, коимъ повелѣвалось предавать военному суду по Русскому уставу своевольниковъ корпуса Конде, „отъ коихъ неоднократно и смертоубійства происходили".

Въ 1799 г. наступила знаменитая Итальянская кампанія Суворова, а съ нею и новыя разочарованія Павла. Раздраженный двоедушіемъ и своекорыстіемъ Австріи, едва было не погубившей Суворова, Государь прервалъ всякія связи съ этою державою, чѣмъ весьма искусно воспользовался Наполеонъ, тогдашній первый консулъ Французской республики. Онъ съумѣлъ преклонить на свою сторону императора Павла, завязалъ съ нимъ сношенія, и Императоръ призналъ неудобнымъ держать у себя короля-претендента. Генералу Ферзену, тому самому, который встрѣчалъ и провожалъ Людовика XVIII, было приказано въ Январѣ 1801 года объявить сему послѣднему, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Митавы въ первый же слѣдующій день послѣ сообщенія ему этого императорскаго приказанія. У претендента не было денегъ на отъѣздъ, но тутъ помогъ вице-губернаторъ Арсеньевъ, снабдивъ его свидѣтельствомъ, что онъ не дополучилъ изъ казны 100000 рубл., слѣдовавшихъ ему за истекшеее полугодіе (что̀ было дѣйствительно правда), и по этому свидѣтельству Рижскіе банкиры выдали Людовику XVIII на дорогу 3604 червонца. Король-претендентъ оставилъ Митаву 10 Ян-

варя 1801 года и поселился подъ именемъ графа Делиля на жительство въ Варшавѣ, въ то время принадлежавшей Пруссіи. Выдача Русской пенсіи была прекращена, а чрезъ мѣсяцъ ни одного Француза изъ его свиты уже не было въ Митавѣ *).

Прошло еще три года, и событія, одно другаго поразительнѣе, слѣдовали съ быстротою чрезвычайною. Императоръ Павелъ Петровичъ кончилъ свои дни въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года, на Всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Александръ Павловичъ, не замедлившій (4 Іюля 1801 года) высказать державамъ основанія своей будущей иностранной политики. Первый консулъ 29 Апрѣля 1802 г. уничтожилъ всѣ законы, какіе были изданы противъ эмигрантовъ, но изъ общей амнистіи исключилъ эмигрировавшихъ Бурбоновъ и Французовъ, которые или командовали войсками дѣйствовавшими противъ Франціи, или служили при Бурбонскихъ принцахъ. 22 Марта 1804 года разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, а 18 Мая 1804 года первый консулъ былъ провозглашенъ императоромъ Французовъ; Французская республика превратилась въ имперію. Казнь герцога Энгіенскаго показала всѣмъ Бурбонамъ, какая участь ихъ ждетъ, если который попадется въ руки новаго императора. Людовикъ XVIII съ фамиліей не замедлили протестовать предъ всѣми дворами и противъ беззаконной казни герцога Энгіенскаго, и противъ принятія Наполеономъ титула императора. Въ отвѣтъ на эти протесты Наполеонъ потребовалъ отъ Прусскаго правительства удалить изъ Пруссіи графа Делиля. Людовикъ XVIII очень хорошо видѣлъ, что тогдашнее Прусское правительство, раболѣпствовавшее предъ новымъ императоромъ, готово не только удалить его изъ Варшавы, но, пожалуй, и выдать Наполеону со всею фамиліею. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился въ Октябрѣ 1804 года обратиться къ Россійскому императору съ просьбою объ убѣжищѣ. Государь уважилъ просьбу и предложилъ Людовику XVIII поселиться въ Кіевѣ. Въ то время стояла распутица, и добраться изъ Варшавы до Кіева было нелегко; потому королю-претенденту было дано знать, что онъ можетъ, буде желаетъ, поселиться въ Митавскомъ замкѣ, въ которомъ онъ уже жилъ въ 1798—1801 годахъ. Король, конечно, согласился лучше жить въ знакомомъ городѣ, чѣмъ ѣхать въ отдаленный Кіевъ.

---

*) Подробности о первомъ пребываніи Людовика XVIII въ Митавѣ см. въ статьѣ Д. Д. Рябинина „Людовикъ XVIII въ Россіи", помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ 1877 г. III, 48.

Ни тогдашній Рижскій военный губернаторъ графъ Буксгевденъ, ни Курляндскій гражданскій губернаторъ, Ник. Иван. Арсеньевъ ничего не знали о предстоящемъ пріѣздѣ Людовика XVIII въ Митаву. Но вотъ 7 Декабря 1804 года Арсеньевъ получилъ отъ графа Даваре письмо, въ переводѣ съ Французскаго, гласившее такъ:

Честь имѣю сообщить вашему превосходительству, что Его Величество Государь Императоръ письмомъ отъ 26 Ноября далъ знать графу Делилю (le comte de L'isle), что распоряженія о пріемѣ графа въ Митавскомъ замкѣ уже сдѣланы. Вслѣдствіе этого позволяю себѣ просить ваше превосходительство, отъ имени моего государя (de la part de mon maître), войти въ сношеніе со мною объ ускореніи времени, когда бы графъ Делиль могъ пріѣхать въ Митаву и воспользоваться милостивыми распоряженіями вашего августѣйшаго Монарха. Я счастливъ представившимся случаемъ возобновить увѣренія въ чувствахъ высокаго почтенія, съ какимъ имѣю честь быть, господинъ губернаторъ, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою графъ Даваре *).

Получивъ это письмо, Н. И. Арсеньевъ представилъ его 9 Декабря 1804 года въ подлинникѣ въ Ригу къ Рижскому военному губернатору и главноуправляющему гражданскою частію въ трехъ Ливонскихъ губерніяхъ, графу Буксгевдену. „Ожидаю отвѣта, писалъ онъ графу, дабы по желанію графа Делиля сдѣлать для пріема его нужныя распоряженія".

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, получившій отъ Даваре письмо такого же содержанія, какое получилъ Арсеньевъ, на другой день, 10 Декабря, написалъ въ Митаву къ Арсеньеву слѣдующее:

„Милостивый государь мой Николай Ивановичъ! На письмо вашего превосходительства съ доставленіемъ таковаго жъ отъ графа Даваре присланнаго, отзываюсь, что и я отъ него же графа Даваре получилъ увѣдомленіе, что Государь Императоръ высочайше указать изволилъ отвести Митавскій замокъ для пребыванія его величества короля Французскаго, предполагающаго изъ Варшавы переселиться со свитою своею въ Митаву; а поелику я не имѣю отъ Его Императорскаго Величества высочайшаго о томъ повелѣнія, то и не могу препоручить вашему превосходительству о принятіи короля Французскаго въ Митавскомъ замкѣ. Въ такомъ случаѣ покорно васъ прошу во первыхъ, подъ видомъ нужныхъ въ замкѣ поправленій и подъ предлогомъ, что тамъ расположенныхъ людей

---

*) Графъ Даваре (Antoine-Louis-François, comte d'Avaray), одинъ изъ самыхъ преданныхъ Людовику XVIII эмигрантовъ, сопутствовавшій ему всюду, познакомился съ Н. И. Арсеньевымъ во время первой бытности короля-претендента въ Митавѣ. Это былъ едвали не единственный человѣкъ въ мірѣ, кого любилъ эгоистичный по натурѣ Людовикъ XVIII. Онъ родился въ 1748 году и умеръ въ 1810 году, не дождавшись реставраціи.

вывесть остается въ прочія мѣста, отлагать переѣздъ его величества короля Французскаго отъ времени до времени, пока не изволите получить отъ меня или изъ Петербурга о томъ предписаніе; во вторыхъ, въ самомъ дѣлѣ замокъ привесть въ должную опрятность, разумѣя относительно чистоты, но безъ ущерба казны; и въ третьихъ, на случай моего пріѣзда въ Митаву (необходимаго особливо по имѣющему быть тамъ ландтагу дворянъ) отвесть его величеству покои, но и выгадать покои для моего пріѣзда и пребыванія: ибо если не останутся для меня въ замкѣ покои, въ такомъ случаѣ долженъ будетъ изготовить оные городъ, который, однакоже, желательно отъ того избавить и оному чрезъ наемъ квартиры не навлечь бы излишней траты.

Недоумѣніе графа Буксгевдена продолжалось недолго. На другой же день послѣ отправленія въ Митаву своего письма, онъ получилъ изъ Петербурга слѣдующій отъ 6 Декабря 1804 года за № 5467 отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея:

Графъ де-Лиль испрашивалъ высочайшаго соизволенія основать пребываніе его въ Россіи. Его Императорское Величество соизволилъ предложить ему для жительства его городъ Кіевъ; а между тѣмъ буде по настоящему зимнему времени пожелаетъ онъ остаться въ Курляндіи, то Государь Императоръ изъявилъ ему соизволеніе, чтобъ занялъ онъ Митавскій замокъ. Я имѣю честь сообщить вашему сіятельству о сей высочайшей волѣ для учиненія надлежащихъ распоряженій, дабы согласно высочайшему предназначенію Митавскій замокъ для принятія графа де-Лиля былъ изготовленъ.

Сообщивъ 13 Декабря 1804 года за № 3351 содержаніе этого отзыва Н. И. Арсеньеву, графъ Буксгевденъ писалъ ему: „Извольте приказать замокъ тотъ для принятія графа Делиля приготовить и о томъ, равно о количествѣ комнатъ къ принятію графа Делиля предполагаемыхъ, меня увѣдомить обстоятельно“.

Вскорѣ послѣ того, именно 20 Декабря 1804 года, графъ Буксгевденъ получилъ отъ графа Даваре списокъ лицамъ, которыя имѣютъ прибыть въ Митаву съ графомъ Делилемъ и герцогомъ и герцогинею Ангулемскими. Всѣхъ лицъ поименовано 35. Изъ нихъ первенствующими были: архіепископъ Реймскій, абатъ Эджевортъ, герцоги: д'Омонъ, де-Грамонъ, де-Пьенъ, д'Авре, де-Флери; графы: де-ла-Шапель, де-Дамасъ, Этьенъ де-Дамасъ, д'Аваре; виконтъ д'Агу; гг. де-Вассе и де-Бонне. Особы женскаго пола: герцогиня де-Серанъ, графиня де-Нарбонъ (дочь ея), графиня де-Дамасъ, дѣвица де-Шуази *).

*) Изъ поименованныхъ лицъ абатъ Эджевортъ де-Фирмонъ извѣстенъ тѣмъ, что 21 Января 1793 года напутствовалъ Людовика XVI предъ его казнію и сопровождалъ его на эшафотъ. Онъ состоялъ при Людовикѣ XVIII и въ первую его бытность въ Митавѣ; умеръ въ Митавѣ 10 Мая 1807 года не задолго до

Получивъ этотъ списокъ, графъ Буксгевденъ въ тотъ же день, 20 Декабря, донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что положеннаго для отопленія замка, въ которомъ никто не жилъ, количества дровъ не достанетъ на полное отопленіе всѣхъ комнатъ, потому слѣдуетъ-ли дрова отпускать отъ казны или же предоставить отопленіе комнатъ на счетъ самого короля. Отвѣтъ министра послѣдовалъ 31 Декабря за № 5951: „Его Величество указать изволилъ отнестись къ г. министру финансовъ, чтобы въ разсужденіи отапливанія Митавскаго замка поступаемо было и нынѣ на томъ основаніи, какъ сіе происходило во время пребыванія тамъ Людовика XVIII" (дрова отпускались въ то время изъ казенныхъ лѣсовъ).

На этотъ разъ и рѣчи никакой не заходило объ отпускѣ изъ казны какихъ бы то ни было денежныхъ суммъ на содержаніе короля-претендента и его свиты.

Въ то время, какъ происходила эта переписка, Наполеонъ настоятельно требовалъ отъ Прусскаго правительства, чтобы оно не держало въ предѣлахъ Пруссіи Бурбоновъ. Людовикъ XVIII съ цѣлію повидаться съ братомъ, графомъ д'Артуа, еще въ Октябрѣ 1804 года изъ Варшавы отправился въ Шведскій городъ Кольмаръ. Здѣсь король Густавъ IV Шведскій устроилъ ему торжественно-пышный пріемъ, здѣсь состоялось свиданіе между братьями, но здѣсь же Людовикъ XVIII получилъ офиціальное запрещеніе возвращаться въ Варшаву. Въ Декабрѣ братья разстались: графъ д'Артуа поѣхалъ въ Англію, а графъ Делиль въ Ригу, чтобы отсюда проѣхать въ Митаву, куда онъ со свитою прибылъ 3 Января 1805 года. Супруга его и герцогиня Ангулемская*) остались за распутицею въ Варшавѣ.

Н. И. Арсеньевъ, донеся 5 Января за № 24 графу Буксгевдену о прибытіи въ Митаву графа Делиля и герцога Ангулемскаго, присовокупилъ, что для помѣщенія ихъ со свитою очищено въ Митавскомъ замкѣ въ бель-этажѣ 72 комнаты, въ нижнемъ этажѣ 9 комнатъ и кухня, въ погребахъ 2 комнаты, въ деревянной пристройкѣ 5 комнатъ, а всего 88 комнатъ.

выѣзда изъ этого города Людовика XVIII. Герцоги д'Омонъ, де-Флери и де-Пьенъ и виконтъ д'Агу состояли при Людовикѣ XVIII и въ первую его бытность въ Митавѣ. Имъ слѣдовательно, былъ уже знакомъ и городъ, и замокъ.

*) Герцогиня Ангулемская отличалась мужествомъ и твердостью воли. Про нее Наполеонъ говоритъ, что „это единственный мужчина женскаго пола въ семьѣ женщинъ мужескаго пола (Бурбоновъ)". Она овдовѣла въ 1844 г. и умерла 7 Октября 1851 г. во Фроштдорфѣ (въ Илиріи).

Повидимому, какъ не размѣститься въ 88 комнатахъ; но оказалось, что ихъ мало. Вотъ что писалъ графу Буксгевдену министръ внутреннихъ дѣлъ:

1) *Отъ 11 Января 1805 года за № 175.* Графъ Блакасъ, находящійся здѣсь по дѣламъ графа де-Лиля, представлялъ мнѣ, что въ Митавскомъ замкѣ не имѣетъ онъ того помѣщенія, которое прежде онъ имѣлъ, не пользуяся также 8-ю квартирами, кои разные чиновники свиты его занимали, что потому долженъ будетъ онъ нанимать теперь квартиры въ городѣ, не имѣя никакихъ почти на сіе по недостаточнымъ доходамъ способовъ; что кромѣ сего въ замкѣ нужны многія починки и что недостаетъ также въ немъ многихъ мебелей, которыя долженъ былъ онъ сбыть съ рукъ за весьма низкую цѣну при скоропостижномъ выѣздѣ своемъ изъ Митавы въ 1801 году. На докладъ мой о сихъ отзывахъ графа Блакаса Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть, чтобъ я снесся съ вашимъ сіятельствомъ: 1) О тѣхъ 8-ми квартирахъ, коими графъ де-Лиль пользовался прежде, и какія могутъ быть препятствія, чтобъ онѣ на прежнемъ основаніи не были ему предоставлены? 2) Какія исправленія въ замкѣ нужны быть могутъ? Его Величество, считая, что замокъ сей находится всегда въ исправности надлежащей, не полагаетъ, чтобъ какія-либо важныя исправленія нужны быть могли и, что вы, милостивый государь мой, легко можете хозяйственно распорядиться о приведеніи оныхъ въ дѣйство. Государь Императоръ тѣмъ наипаче излишнимъ признавать изволитъ дѣлать какія-либо значущія издержки, что пребываніе графа де-Лиля въ Митавѣ предполагается только на самое короткое время. 3) Что касается до мебелей, то какъ замокъ Митавскій оными запасенъ, то и желательно было ы, чтобъ и на сіе не чинимо было новыхъ издержекъ; однакожъ, не угодно ли будетъ вашему сіятельству и по сему случаю поручить кому за благо признаете узнать, какія мебели нужны быть могутъ, и что онѣ статутъ, если бы сдѣлать ихъ было приказано за благо, увѣдомивъ меня о семъ, дабы я представить все сіе могъ на высочайшее усмотрѣніе.

2) *Отъ 27 Января 1805 года за № 435.* Вслѣдъ за отношеніемъ моимъ къ вашему сіятельству отъ 11 Января о приготовленіи для пребыванія графа де-Лиля Митавскаго замка, я получилъ теперь отъ господина товарища министра иностранныхъ дѣлъ (князя Адама Чарторыжскаго) отношеніе, въ коемъ онъ сообщилъ мнѣ высочайшее повелѣніе, дабы учинены были распоряженія къ исправленію всего въ ономъ замкѣ, что по жительству тамъ графа де-Лиля необходимо будетъ нужно. Хотя я предполагаю, что ваше сіятельство уже приняли для сего мѣры, тѣмъ не меньше имѣю обязанностію увѣдомить васъ, милостивый государь мой, о сей волѣ монаршей. Относительно до отапливанія замка князь Чарторыжскій меня извѣстилъ о высочайшемъ повелѣніи, чтобы потребное количество дровъ туда было доставлено. Вмѣстѣ съ симъ я не оставилъ дать знать о семъ обстоятельствѣ господину министру финансовъ. Какъ ваше сіятельство въ замкѣ занятомъ графомъ де-Лилемъ оставили нѣкоторое отдѣленіе на случай вашего въ Митаву пріѣзда, то господинъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ ко мнѣ пишетъ, что Государь Императоръ, желая доставить графу де-Лилю всякія возможныя удобности въ его помѣщеніи, высочай-

ше мнѣ повелѣлъ отнестись къ вамъ, милостивый государь мой, что Его Величеству угодно бы было, дабы и сіе отдѣленіе было очищено и предоставлено ему для помѣщенія со всею его свитою *).

Поселившись съ 3 Января 1805 года въ Митавскомъ замкѣ, Людовикъ XVIII уже не имѣлъ того приволья, съ какимъ онъ жилъ тутъ съ 1798 по 1801 годъ. Во первыхъ, на содержаніе его и его свиты отъ казны не шло уже ни копѣйки денегъ: онъ долженъ былъ жить и содержать свиту на свой счетъ; во вторыхъ, казна не желала уже входить въ лишніе расходы ни на перестройки въ замкѣ, ни на меблировку, ни на обстановку помѣщеній; напротивъ, министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ Буксгевдену по отношенію Митавскаго замка соблюдать строгую экономію, лишняго не дѣлать, лишней мебели не заводить и пр. Содержать замокъ въ исправности всетаки было нужно; но тутъ-то и обнаружилось, что по отношенію содержанія въ исправности замка порядка не было: смотрителя зданія не состояло, сторожей никакихъ не нанималось. Мебель для замка въ 1798 году, въ первую бытность Людовика XVIII, была доставлена изъ Петербурга отъ дворцоваго вѣдомства; но описей доставленнымъ вещамъ не было, по крайней мѣрѣ въ Казенной Палатѣ никакихъ описей не оказалось, такъ что оставалось совершенно неизвѣстнымъ, сколько именно и какія вещи должны были находиться въ замкѣ. На ремонтное содержаніе замка никакихъ денегъ не отпускалось въ теченіе пяти лѣтъ, а между тѣмъ починки были совершенно необходимы, потому что нельзя же было жить въ комнатахъ, въ которыхъ печи не исправны, въ которыхъ, напр. окна выбиты и пр. Объ устраненіи всѣхъ этихъ непорядковъ графъ Буксгевденъ и началъ ходатайствовать.

Прежде всего онъ 11 Февраля 1805 года за № 338 донесъ графу Кочубею, что въ замкѣ дѣйствительно недостаетъ мебели; въ скоромъ времени въ Митаву должны прибыть графиня Делиль и герцогиня Ангулемская, недостатокъ мебели будетъ тогда еще ощутительнѣе; потому онъ, графъ Буксгевденъ, и распорядился купить въ Ригѣ мебель по реестру, полученному отъ графа Делиля, на 903 руб. и 1362 талера и 20 марокъ. Затѣмъ совершенно необходимо опредѣлить для надзора за замкомъ смотрителя (шлосфохта) и двухъ служителей, съ жалованьемъ смотрителю по 200 талеровъ въ годъ и служителямъ по 60 талеровъ въ годъ каждому. Необходимо также назначить къ ежегодному отпуску по 1000 р. на

*) Было очищено, а для жительства графа Буксгевдена, въ случаѣ его пріѣзда въ Москву, совѣтникъ Губернскаго Правленія предложилъ семь комнатъ въ своемъ домѣ безплатно. Городъ чрезъ это освободился отъ необходимости отводить и нанимать для графа квартиру.

ремонтное содержаніе замка въ исправности; но пока онъ, графъ Буксгевденъ, уже распорядился произвести необходимѣйшихъ починокъ въ замкѣ на 239 талеровъ.

Графъ Кочубей, вслѣдствіе этого представленія, увѣдомилъ графа Буксгевдена отъ 24 Февраля 1805 года за № 792, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ деньги за мебель и за починки въ замкѣ уплатить изъ суммъ Кабинета. Затѣмъ было разрѣшено отпускать съ 1 Марта 1805 года изъ суммъ Курляндской казенной палаты по 1000 рублей въ годъ на ремонтъ замка, и по 200 талеровъ въ годъ на жалованье смотрителю и по 60 талеровъ двумъ служителямъ. Смотрителемъ замка опредѣлили поручика фонъ-Рейбница, который подъискалъ себѣ двухъ служителей.

Въ Петербургѣ между тѣмъ отыскали вѣдомости мебели и вещамъ, которыя были отправлены въ 1798 году въ Митаву для Митавскаго замка и для замка Вирцау, также предоставленнаго въ пользованіе Людовику XVIII. Вѣдомости эти графъ Буксгевденъ отослалъ къ Курляндскому губернатору Арсеньеву для повѣрки и сличенія что̀ имѣется на лицо и чего нѣтъ. Арсеньевъ 18 Апрѣля 1805 года за № 249 донесъ графу, что Вирцаускій замокъ со всею мебелью и вещами предоставленъ по высочайшему повелѣнію отъ 25 Сентября 1801 года герцогу Людвигу Виртембергскому для его жительства тамъ, что мебель и вещи въ этомъ замкѣ цѣлы и находятся въ такомъ именно количествѣ, какъ означено въ вѣдомости, присланной изъ Петербурга. Что̀ же касается до мебели и вещей въ Митавскомъ замкѣ, то тутъ многаго не оказалось противъ вѣдомости, но много имѣется и такого, чего въ вѣдомости не значится. Причина такого разногласія заключается въ томъ, что въ Январѣ 1801 года Людовику XVIII было приказано выѣхать изъ Митавы въ 24 часа: вслѣдствіе такой поспѣшности приходилось принять отъ королевскаго коммиссара Гю мебель и вещи безъ всякой описи и реестра. Разыскать куда дѣвались недостающія вещи и откуда явились лишнія—нѣтъ никакой возможности: надобно составить описи и реестры вновь всему, что̀ имѣется на лицо, и затѣмъ уже слѣдить за цѣлостію имущества.

Такъ и сдѣлали: составили подробную опись и по ней сдали все имущество королевскому коммиссару Гю (Hue). Изъ вѣдомости этой видно, что г. Гю принялъ: занавѣсовъ оконныхъ атласныхъ, шелковыхъ, камчатныхъ и миткалевыхъ съ кистями и безъ кистей 55 паръ; столовъ краснаго дерева, мраморныхъ и простыхъ 56; зеркалъ 29; люстръ 7; лампадъ 4; жирандолей 2; канапе 7; софъ 7; креселъ 83, стульевъ 210; стольчаковъ 4; кроватей съ постелями 15; постельныхъ принадлежностей — матрасовъ 9, перинъ 8, поду-

шекъ 6; одѣялъ 9, простыней 9, наволочекъ 8, валиковъ 3; комодовъ 9; экрановъ 6; ширмъ 5; подсвѣчниковъ 20, ковровъ 1 и пр.

Всей этой мебели на 100 комнатъ было, конечно, очень недостаточно. Графъ Буксгевденъ хотя и прикупилъ въ Ригѣ мебели, но и того всего было крайне мало. Графу Делилю приходилось заводить недостающее на свой счетъ, что̀ онъ, вѣроятно, и сдѣлалъ.

Между тѣмъ 24 Апрѣля 1805 года чрезъ Полангенъ прибыла въ Митаву герцогиня Ангулемская. Съ нею прибыли: герцогиня де-Серранъ, г-жа де-Шуази, графъ де-Дамасъ, камеръ-фрау герцогини: госпожи Гю и Клери, ея камердинеръ, госпожа Тюрже, три лакея, Жиль, лекарь графа Делиля, двѣ служанки герцогини Серранъ и Шуази, лакей графа Делиля, всего 10 лицъ.

Дней чрезъ пять, 29 Апрѣля, прибыла въ Митаву чрезъ Вильну и графиня Делиль. Съ нею пріѣхали герцогъ Давре съ камердинеромъ и лакеемъ, графиня Нарбонъ съ горничною и лакеемъ; камеръ-фрау графини: дѣвицы Перонне и Прео; докторъ Колиньонъ съ лакеемъ, духовникъ абатъ де-Турмельни съ лакеемъ; поваръ и два лакея, всего 15 лицъ.

Багажъ и вещи графини и герцогини везли чрезъ Полангенъ въ Ригу. Въ Полангенѣ на таможнѣ весь транспортъ задержали и опечатавъ отослали въ Митаву. Графъ Буксгевденъ запросилъ министра торговли, графа Николая Петровича Румянцова, какъ быть съ пошлинами на багажъ. Отвѣтъ послѣдовалъ 13 Мая за № 1135: вещи пропустить безъ досмотра и пошлинъ.

Въ Маѣ 1805 года пріѣхалъ графъ Дамасъ съ супругою; пріѣхала и остальная прислуга графа Делиля. Всего въ замкѣ размѣстилось человѣкъ 60.

Графъ Буксгевденъ все думалъ, что пребываніе короля-претендента въ Митавѣ будетъ непродолжительное; но проходили мѣсяцы за мѣсяцами, а Людовикъ XVIII не уѣзжалъ, и его коммисаръ безпрестанно докладывалъ Арсеньеву, что замокъ требуетъ большихъ починокъ, что мебель въ комнатахъ обветшала и ея черезъ чуръ ужъ мало на всѣ покои, что и дровъ даже отпускается мало. Арсеньевъ докладывалъ объ этомъ графу Буксгевдену, но однакожъ изъ докладовъ его ничего не выходило: денегъ на перестройки и починки въ замкѣ и на покупку новой мебели не отпускалось; впрочемъ время было такое, что нашему казначейству нельзя было и думать объ удобствахъ жизни короля-претендента въ Митавѣ. То было время первой коалиціи противъ Наполеона и Австро-русской войны съ нимъ. Графа Буксгевдена временно вызвали къ арміи, Государь былъ также въ отсутствіи; не до Митавы и не до короля было тогда.

Союзники подъ Аустерлицемъ потерпѣли сильное пораженіе; походъ 1805 года былъ очень неудаченъ. Но вотъ весною 1806 года графъ Буксгевденъ возвратился въ Ригу, и Арсеньевъ не замедлилъ донести ему, что Митавскій замокъ сильно обветшалъ, требуетъ и наружныхъ, и внутреннихъ починокъ; по составленной губернскимъ архитекторомъ смѣтѣ на эти починки нужно 25808 талеровъ. Что касается до мебели, то выгоднѣе было бы прислать изъ Петербурга готовую мебель. Графъ Буксгевденъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ 12 Августа 1806 года за № 1212 отвѣчалъ, что Государь Императоръ приказалъ доставить въ Митаву мебель изъ Петербургскихъ дворцовъ и что оберъ-гофмаршалъ, графъ Николай Александровичъ Толстой, уже отозвался, что мебель и уборы для Митавскаго замка можно заимствовать изъ Михайловскаго дворца; но для этого нужно знать размѣры оконъ и комнатъ, для коихъ мебель и уборы предназначаются. Свѣдѣнія объ этомъ были посланы въ Петербургъ лишь въ концѣ Октября 1806 года.

Мебель и уборы доставили изъ Петербурга и замокъ починили, но въ размѣрахъ очень скудныхъ, такъ что и самый замокъ и убранство его комнатъ представлялись въ видѣ далеко не блестящемъ. Это свидѣтельствуетъ офицеръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, Левшинъ, имѣвшій случай 18 Марта 1807 года (см. Рус. Стар. 1876, томъ XVI, 61) съ полковымъ командиромъ, графомъ Сенъ-При, представляться Людовику XVIII. „Старинный, совершенно обветшалый замокъ, пишетъ Левшинъ, представился глазамъ нашимъ. По нечистой лѣстницѣ вошли мы въ комнаты, которыя отъ древности и непризору удивили насъ. Мебели, самыя старыя, обтертыя и оборванныя, показывали, сколь въ бѣдственномъ положеніи находятся обитатели его. Стѣны хотя и были обтянуты штофными обоями, но изодранными, и лоскутки ихъ висѣли со стѣнъ, а золоченыя рамки полиняли, и золоченіе кое-гдѣ блестѣло... Кабинетъ короля не былъ украшенъ и меблированъ лучше всѣхъ прочихъ апартаментовъ, которые мы проходили“.

18 Мая 1807 года, Государь Императоръ, проѣзжая къ арміи черезъ Митаву, посѣтилъ Людовика XVIII. Въ концѣ 1806 года графъ Буксгевденъ былъ снова отозванъ къ арміи, а его мѣсто въ Ригѣ временно занялъ генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ. Въ началѣ 1807 года открылась новая война съ Наполеономъ. Наши войска терпѣли большую убыль въ людяхъ не столько вслѣдствіе битвъ, сколько отъ непогодъ, всякаго рода лишеній и болѣзней, развившихся вслѣдствіе именно этихъ лишеній. Больныхъ и раненыхъ приходилось увозить съ театра войны

и размѣщать въ пограничныхъ губерніяхъ въ постоянныхъ и временныхъ госпиталяхъ. Часть больныхъ и раненыхъ привезли и въ Митаву, гдѣ кромѣ небольшаго госпиталя никакихъ особыхъ помѣщеній для раненыхъ и больныхъ не было. Губернатору Арсеньеву другаго средства для помѣщенія прибывшихъ людей не было, какъ отвести казарменныя помѣщенія въ томъ же самомъ замкѣ, гдѣ жилъ Людовикъ XVIII. Такое сосѣдство было, конечно, крайне непріятно и неудобно королю, и онъ послалъ графа Блакаса въ Ригу къ А. П. Тормасову похлопотать, нельзя-ли перевести госпиталь въ другое мѣсто. Тормасовъ, вслѣдствіе этого, писалъ Арсеньеву 30 Мая 1807 г. за № 667:

Пріѣхавшій изъ Митавы графъ Блакасъ, увѣдомляя меня, что помѣщеніе лазарета въ Митавскомъ замкѣ не только подаетъ изъ оконъ комнатъ герцогини Ангулемской противный и завсегда растрогивающій видъ, когда больныхъ ведутъ на свѣжій воздухъ или когда выносятъ мертвыхъ, но и вредныя для здоровья испаренія, входя въ покои, заставляютъ опасаться заразительныхъ болѣзней, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя особы изъ свиты чрезъ посѣщеніе больныхъ были уже жертвою своего усердія *), и потому проситъ вывода лазарета въ другое помѣщеніе. Зная, сколько ваше превосходительство споспѣшествовать готовы къ удаленію всего того, что̀ достойнымъ, но судьбою угнетеннымъ, симъ особамъ пребываніе ихъ въ Митавѣ непріятнымъ сдѣлать можетъ, прошу васъ, милостивый государь мой, буде нѣтъ особаго повелѣнія Государя Императора, чтобы возвращающіеся изъ арміи больные и раненые нижніе воинскіе чины именно въ Митавскомъ замкѣ помѣщены были, и буде они по тѣснотѣ въ госпиталѣ томъ не могутъ тамъ расположиться, тогда всѣхъ ихъ перевесть по усмотрѣнію и лучшему вашему о мѣстоположеніи познанію либо въ Шведгофъ, либо въ Кесгофъ, либо въ другое какое въ близости отъ города состоящее мѣсто, изъ какого, если оно занято подъ квартированіе милиціи, постой сей, послѣ нарочитаго вычищенія казармъ въ замкѣ, туда переведенъ быть можетъ. Если же у вашего превосходительства получено какое противное сему постановленію предписаніе, то прошу покорно мнѣ съ онаго сообщить копію.

Такого предписанія не было, потому лазаретъ былъ выведенъ изъ замка.

Недолго послѣ этого пришлось Людовику XVIII жить въ Митавѣ. 27 Іюня 1807 года былъ предписанъ Тильзитскій миръ, императоръ Александръ Павловичъ сблизился съ Наполеономъ, и Людовикъ XVIII увидѣлъ, что ему нечего уже ждать чего либо отъ Россіи. Онъ рѣшился выѣхать изъ Митавы и, написавъ о томъ Государю, просилъ Тормасова распорядиться поставкою лошадей

*) А. П. Тормасовъ говоритъ объ аббатѣ Эджевортѣ, умершемъ въ Митавѣ 10 Мая 1807. Аббатъ посѣщалъ раненыхъ и больныхъ Французовъ, взятыхъ въ плѣнъ и привезенныхъ въ Митаву.

отъ Митавы до Либавы. Тормасовъ поручилъ это дѣло Арсеньеву, который и распорядился выставить на станціяхъ подъ 6 экипажей 46 лошадей. 20 Авг. 1807 г. за № 839 Арсеньевъ писалъ Тормасову:

Имѣю честь вашему превосходительству доносить, что сегодня по утру въ 6-мъ часу графъ Делиль со свитою отправился въ Либаву. Сдѣлавъ къ безостановочному путешествію его всѣ нужныя распоряженія, пріятнѣйшею обязанностію себѣ поставилъ доставить графу Делилю въ пути и въ случаѣ пребыванія его за противными вѣтрами въ Либавѣ возможнаго спокойствія и удобностей, отрядивъ Митавскаго оберъ-гауптманскаго суда камеръ-юнкера Медема, на коего усердіе и расторопность въ успѣхѣ сдѣланнаго ему препорученія я совершенно положиться могу.

Людовикъ XVIII прибылъ въ Либаву 22 Августа и на Шведскомъ фрегатѣ въ тотъ же день отправился въ Швецію, откуда онъ въ томъ же 1807 году перебрался въ Англію, гдѣ и проживалъ до самаго 1814 года, когда былъ возстановленъ Французскимъ королемъ.

Нѣкоторыя лица изъ свиты Людовика XVIII остались въ Митавѣ и цѣлый годъ еще жили, съ высочайшаго разрѣшенія, въ Митавскомъ замкѣ.

Неизлишне здѣсь отмѣтить, что высочайшимъ указомъ отъ 1 Августа 1807 года было повелѣно отпустить изъ государственныхъ доходовъ министру иностранныхъ дѣлъ генералу Будбергу на меблированіе Митавскаго замка 19875 рублей *). Отъ 2 Августа министръ Будбергъ увѣдомилъ генерала Тормасова, что Государь Императоръ повелѣлъ означенныя деньги отдать въ распоряженіе находящагося въ свитѣ графа Делиля маркиза Дебонне. Деньги 19875 рублей Курляндская Казенная Палата выдала маркизу Дебонне 6 Сентября, слѣдовательно уже послѣ отъѣзда Людовика XVIII изъ Митавы. Заготовилъ-ли онъ что-либо изъ отпущенной суммы—неизвѣстно; ибо никакого отчета въ употребленіи денегъ не представилъ, какъ то видно изъ донесенія Курляндскаго гражданскаго губернатора, барона Гоггера (смѣнившаго въ концѣ 1808 года Арсеньева) графу Буксгевдену отъ 30 Января 1809 года за № 233.

Е. Чешихинъ.

---

*) Вообще пребываніе Людовика XVIII въ Митавѣ обошлось Россіи не дешево: въ 1797 г. ему было пожаловано единовременно 200000 р., да на подъемъ при переѣздѣ въ Митаву 60000 р. Въ 1798, 1799 и 1800 г. г. на содержаніе ему было отпущено по 200 т. въ годъ, всего 600000 р. Въ 1807 г. дано, якобы на мебель, 19875 р. Если къ этому прибавить издержки по перевозкѣ мебели изъ Петербурга, издержки на топливо и др. расходы, то въ общемъ итогѣ, конечно, сумма расходовъ выразится въ милліонѣ рублей. Извѣстно, что, водворившись во Франціи, король немедленно отплатилъ Россіи черною неблагодарностью.

ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЙСКО НА РУССКОМЪ СОДЕРЖАНІИ

(КОРПУСЪ ПРИНЦА КОНДЕ).

Подлинныя современныя бумаги.

А. Рескрипты императора Павла князю В. Н. Горчакову [1]).

1.

3 Августа 1797 г. Павловскъ.

По прошенію принца Конде рѣшившися принять войска подъ его командою состоящія въ службу нашу, за благо признали мы отправить васъ вмѣстѣ съ присланнымъ отъ него генералъ-маіоромъ барономъ Де-Ла-Рошефукольдъ въ то мѣсто, гдѣ помянутый принцъ находится, какъ съ отвѣтнымъ нашимъ къ нему письмомъ, такъ и съ указомъ къ тайному совѣтнику Алопеусу, уполномоченному отъ насъ для надлежащихъ распоряженій относительно отправленія и перехода означенныхъ войскъ въ наши границы. Къ наблюденію же вашему предписываемъ слѣдующее:

Первое. По прибытіи вашемъ въ квартиру принца Конде настоять, чтобы учинены были вѣрныя вѣдомости и списки всѣмъ

---

[1]) Этотъ князь В. Н. Горчаковъ въ «Росс: Род. Книгѣ» кн. Долгорукова значится подъ № 38. Онъ дослужился до ген. маіорскаго чина. Въ нашемъ экземплярѣ рукою покойнаго М. Н. Лонгинова противъ его имени отмѣчено: «сосланъ въ 1803 г. въ Сибирь за фальшивые векселя». Потомства отъ него не осталось. Единственная дочь его, княжна Екатерина Васильевна — супруга министра внутр. дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, которая умерла въ чужихъ краяхъ (тѣло ея, по привозѣ въ Россію, онъ велѣлъ вскрыть, изъ побужденій ревности). Сестра кн. В. Н. Горчакова, гр. Пелагея Николаевна Толстая—родная бабка графа Льва Николаевича Толстаго. *П. Б.*

наличнымъ людямъ въ томъ войскѣ, дабы узнать прямо, сколько ихъ отправится въ границы наши и по тому размѣрять издержки на нихъ. Тутъ и должно предостеречь, что принятіе сего войска въ службу нашу единственно въ пользу однихъ Французовъ, а отнюдь не чужестранцевъ всякаго рода. И таковые вѣдомости и списки со всѣми при томъ потребными свѣдѣніями доставить къ намъ немедленно.

Второе. По соглашенію съ принцомъ Конде и тайнымъ совѣтникомъ Алопеусомъ составить маршрутъ черезъ какія земли и мѣста онымъ войскамъ слѣдовать, располагая оные по лучшей близости и удобности какъ для сокращенія пути и расходовъ, такъ и во избѣжаніе, чтобъ не у многихъ дворовъ дѣлать реквизиціи о пропускѣ, а потому и опредѣлить маршъ войска, раздѣляя оное по частямъ, и намъ обстоятельно донести.

Третіе. Въ разговорахъ вашихъ съ принцомъ Конде изъяснить ему, что войска сіи, покуда достигнутъ опредѣляемыхъ имъ квартиръ, останутся какъ они теперь есть; по прибытіи же въ квартиры могутъ сформированы быть въ полки пѣхотные и конные, сообразно прочимъ арміи нашей, но плату и содержаніе получать будутъ по ихъ прежнему положенію; что всѣ чины въ оныхъ состоящіе въ нашей службѣ тѣми же точно рангами считаться будутъ, въ каковыхъ они дѣйствительно по 1-е сего Августа состояли, разумѣя однакожъ особыми списками, не смѣшивая вообще съ прочими нашими; что по прибытіи въ границы наши назначатся имъ выгодныя квартиры между Пружани, Шеретова, Мелетичъ, Крынкова, Опалина, Ковеля, Владимира, Луцка, Домбровицы и Драгичина, гдѣ все дешевле и къ содержанію лучшая удобность и что всѣ тѣ, которые пожелаютъ въ отставку, имѣютъ получить оную и по волѣ ихъ или отправиться внѣ государства или же поселиться на земляхъ имъ назначенныхъ въ Новороссійской губерніи.

Четвертое. Объ артилеріи при войскахъ имѣющейся предоставить самому принцу Конде на волю, по частямъ-ли оную отправить или же послать водою по Эльбѣ, а оттуда моремъ до Риги, съ тѣмъ что оная ему, конечно, доставлена будетъ. Объ экипажахъ постановить, какимъ образомъ облегчить путь сокращеніемъ ихъ, ограничa оные въ самомъ необходимомъ и при порядочныхъ войскахъ употребляемомъ числѣ, продавъ излишніе и поступя такимъ же образомъ со всѣми непрочными и лишними багажами.

Пятое. Долгъ вашъ наблюдать, чтобъ маршъ сихъ войскъ происходилъ въ надлежащемъ порядкѣ и чтобъ они въ прокормленіи и въ прочемъ необходимо потребномъ не имѣли недостатка и оста-

новки, для чего и доставляется къ тайному совѣтнику Алопеусу векселями или кредитивомъ 60/т. червонныхъ, которые по соглашенію съ принцемъ Конде и съ помянутымъ тайнымъ совѣтникомъ раздѣлить по частямъ, и всему тому вы должны вести вѣрный счетъ, присылая къ намъ рапорты. На случай же буде бы сія сумма оказалася недостаточна, въ запасъ снабденъ будетъ генералъ и военный губернаторъ Каменецъ-Подольскаго Беклешовъ повелѣніемъ нашимъ о поданіи помощи симъ войскамъ по мѣрѣ сближенія ихъ къ Подольской и Волынской губерніямъ, къ которому вы, въ чемъ потребно, и относиться должны.

Шестое. Увѣдомлять насъ часто о слѣдованіи войскъ и о всемъ къ свѣдѣнію нашему нужномъ, а дабы въ случаѣ надобности могли вы послать и нарочнаго, опредѣляются къ вамъ 4 фельдъегеря.

Седьмое. Къ послу графу Разумовскому писано отъ насъ, чтобы испросилъ дозволеніе отъ Вѣнскаго двора на проходъ сихъ войскъ черезъ области Австрійской монархіи, съ которымъ вы во время слѣдованія войскъ должны имѣть надлежащее сношеніе; а дабы таковой же переходъ черезъ земли курфирста Баварскаго безпрепятственно учиненъ быть могъ, посылается теперь письмо отъ канцлера къ повѣренному въ дѣлахъ, при томъ курфирстѣ находящемуся.

Поручая вамъ сію комиссію, мы надѣемся, что вы потщитеся исправить оную съ усердіемъ и точностію и тѣмъ заслужите наше монаршее благоволеніе.

Павелъ.

2.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Въ дополненіе къ наставленіямъ вамъ уже даннымъ относительно отправленія вашего къ принцу Конде, поручаемъ вамъ наблюдать, чтобъ всѣ части его арміи, коль скоро достигнутъ наши предѣлы, были бъ приведены безъ изъятія къ присягѣ, по обряду законами нашими установленному. Мы не оставили дать по сему наши повелѣнія генералу отъ инфантеріи Беклешову.

Павелъ.

3-го Августа 1797 г. Въ Павловскѣ.

3.

11 Сентября 1797 г. Гатчино.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Для караула при королѣ Французскомъ во время пребыванія его въ замкѣ Еверскомъ нужно, чтобъ изъ находящихся подъ командою принца Конде

прежнихъ gardes-du-corps сто человѣкъ съ потребнымъ числомъ офицеровъ по выбору и назначенію его величества отдѣлены и въ помянутый замокъ отправлены были партіями, какъ выгоднѣе, по соглашенію съ принцемъ Конде и тайнымъ совѣтникомъ Алопеусомъ, который въ случаѣ надобности долженъ рекламировать для нихъ свободный переходъ черезъ земли, на пути ихъ лежащія. Ко вдовствующей же принцессѣ Ангальтъ-Цербстской*) по управленію ея въ Еверѣ прилагаемое письмо, извѣщающее ее о таковой нашей волѣ, доставьте завременно. Впрочемъ увѣрены мы, что вы въ расходахъ на отправленіе сего войска необходимыхъ соблюдете всевозможную бережливость, донеся намъ, во сколько то обойдется, а равно и какая сумма востребуется на годовое содержаніе ихъ при королѣ. Построеніе же и цвѣтъ мундировъ помянутаго войска будетъ зависѣть отъ выбора и воли его величества.

Павелъ.

4.

5 Октября 1797 г. Гатчино.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Донесенія ваши отъ 17 (28) Сентября получивъ и видя усердіе ваше и искуство, съ коимъ вы исправляете порученное вамъ дѣло, изъявляемъ вамъ монаршее наше благоволеніе; находя однако же нужнымъ дать вамъ еще нѣкоторыя наставленія, повелѣваемъ:

Первое. Имѣя намѣреніе взять двѣ Швейцарскія роты сюда и содержать ихъ здѣсь, должны вы вслѣдствіе сего сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, чтобъ, по прибытіи оныхъ въ наши предѣлы и по удобности весенняго времени, были сіи двѣ роты отправлены прямо въ Гатчину; прочія же расположены быть должны по квартирамъ тѣмъ войскамъ назначеннымъ.

Второе. Вступить, не теряя время, въ переписку съ генераломъ отъ инфантеріи Беклешовымъ, увѣдомляя его о времени вступленія войскъ въ Имперію нашу и о числѣ оныхъ, дабы онъ былъ въ состояніи предупредить ихъ нужды и взять надлежащія съ своей стороны мѣры.

Третье. Имѣющимъ желаніе оставаться для окончанія дѣлъ своихъ вы не препятствуйте въ томъ, объявя, что жалованье имъ производимо не будетъ до того времени, пока они не возвратятся къ мѣстамъ своимъ; что тѣ, кои не явятся къ своимъ командамъ

*) Это была супруга брата Екатерины Великой (умершаго въ 1793).

къ **1**-му будущему Апрѣля не будутъ уже приняты и что таковые должны имѣть виды объ отпускѣ своемъ или отъ самаго принца Конде или отъ тайнаго совѣтника Алопеуса, или же отъ васъ, и съ оными явиться къ которому либо изъ нашихъ министровъ, какъ-то: въ Вѣну, Берлинъ, Дрезденъ, Гамбургъ, Стутгардъ и Регенсбургъ, для полученія паспортовъ, кои повелѣли мы давать имъ прямо на тѣ провинціи, гдѣ квартиры ихъ войскамъ ассигнованы, и напослѣдокъ

Четвертое. Поручаемъ вамъ, сношеніями вашими съ принцемъ Конде, стараться о приведеніи формированія полковъ въ единообразіе съ нашими, такъ чтобъ у васъ вся нужная работа была изготовлена до прибытія еще вашего въ предѣлы наши, дабы тогда уже разомъ и безъ проволочки исполнить оное.

Павелъ.

5.

20 Мая 1798 г. Нижній-Новгородъ.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Вслѣдствіе донесенія вашего отъ 1-го Мая повелѣваю вамъ, отнесясь къ принцу Конде, войти въ разсмотрѣніе, какого сорта люди находятся въ услуженіи у Французскихъ офицеровъ и ежели найдутся таковые, коихъ поведеніе терпимо быть не можетъ, то оныхъ немедленно выслать за границу.

Чтожъ касается до учрежденныхъ ими станцій, для развозу приказовъ и рапортовъ, то оные тотчасъ уничтожить, такъ какъ вещи противныя нашимъ распоряженіямъ. Какъ же скоро кто нибудь изъ составляющихъ оное войско окажется въ какомъ бы то ни было худомъ умыслѣ противъ вводимаго порядка службы, или вздумаетъ разсѣевать Якобинскія правила, таковаго, не смотря на его чинъ и званіе, изыскавъ вѣрныя на то доказательства, отправить къ генералу отъ инфантеріи графу Гудовичу, коему по сему случаю даны отъ меня нужныя повелѣнія. Пребываю вамъ благосклонный *Павелъ.*

6.

24 Сентября 1799 г. Гатчино.

Господинъ полковникъ князь Горчаковъ! Выключенныхъ изъ службы моей по инспекціи принца Конде военнослужащихъ, да и вообще тѣхъ иностранцевъ пришедшихъ въ мои предѣлы съ принцемъ Конде, коихъ по желанію самаго принца надлежало, по причинѣ дурнаго ихъ поведенія, выслать за границу и которыхъ Авст-

рійское начальство не впускаетъ въ предѣлы Римско-Императорскіе, повелѣваю отправить въ Сибирь, не яко осужденныхъ для употребленія къ работамъ, но яко людей, коихъ примѣръ можетъ быть вреденъ прочимъ, на безъисходное пребываніе, которыхъ вы и отправите по лучшей удобности къ генераламъ отъ инфантеріи графу Гудовичу или Беклешову. Впрочемъ апробую учиненное вами относительно исправленія обоза и артилеріи и пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

7.

Господинъ генералъ-маіоръ князь Горчаковъ 3-й! Такъ какъ корпусъ принца Конде выходитъ изъ нашей сольды на Англійскую, то и повелѣваю вамъ, взявъ съ собою всю денежную казну для продовольствія сего корпуса находящуюся у васъ, равномѣрно всѣ чины коммисаріатскіе и провіантскіе, состоящіе приономъ корпусѣ, отправиться со всѣмъ онымъ въ Брестъ-Литовскій. Пребываю вамъ благосклонный

23 Февраля 1800 г.

Павелъ.

А самимъ вамъ быть сюда.

8.

Господинъ генералъ-маіоръ князь Горчаковъ 3-й! Я съ удивленіемъ усмотрѣлъ изъ донесенія вашего отъ 18 Марта, что безъ позволенія моего осмѣлились вы требовать отъ его свѣтлости принца Конде знамена, данныя мною его корпусу. То за таковой вашъ неосновательный поступокъ дѣлаю вамъ выговоръ и повелѣваю отнестись къ принцу Конде съ объясненіемъ, что вы сдѣлали сіе безъ вѣдома моего.

7 Апрѣля 1800 г.

Павелъ.

Б. РЕСКРИПТЪ АЛОПЕУСУ.

Господинъ тайный совѣтникъ Алопеусъ! При самомъ отправленіи подполковника князя Горчакова получили мы донесенія ваши изъ Иберлингена. Къ принцу Конде отвѣтствовать намъ нечего послѣ подробнаго письма къ нему писаннаго, и копія къ вамъ препровождается для свѣдѣнія вашего, тѣмъ болѣе что мы не находимъ за нужное перемѣнять содержаніе онаго, а равномѣрно наставленія, къ вамъ отправляемыя и инструкцію, князю Горчакову данную. Въ дополненіе къ коимъ прибавляемъ слѣдующее:

Первое. Есть ли принцъ Конде будетъ затруднять порученное вамъ дѣло требованіями о сохраненіи своихъ обрядовъ службы и установленій, также мундировъ, герба и кокардъ, отступая отъ смысла нашихъ предписаній, къ вамъ посылаемыхъ и сообщеній, принцу самому дѣлаемыхъ, мы находимъ, что принятіе войскъ его въ службу нашу имѣть мѣста не можетъ, и на случай таковой повелѣваемъ вамъ рушить сію негоціяцію возвращеніемъ къ намъ подполковника князя Горчакова и отъѣздомъ вашимъ.

Второе. Объявите принцу Конде, что если принятіе въ службу нашу войскъ его рѣшится, то, конечно, и плата имъ должна начаться изъ казны нашей съ 1-го Сентября, яко время, съ котораго союзники оную пресѣкаютъ.

Третіе. Относительно зимнихъ квартиръ находя разсужденіе ваше справедливымъ, поручаемъ вамъ убѣдить принца Конде, что нѣтъ почти возможности зимовать войскамъ въ Нѣмецкой землѣ и что мы непремѣнно желаемъ, чтобъ они слѣдовали прямо и безъ остановокъ, хотя малыми маршами, въ назначаемыя имъ квартиры; однакожъ мы вамъ дозволяемъ въ сущей крайности списаться съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, графомъ Разумовскимъ и министромъ въ Берлинѣ, графомъ Панинымъ. Тѣхъ же дворовъ министрамъ будутъ сдѣланы здѣсь нужныя внушенія.

Четвертое. Упоминаемые двѣсти Швейцарцовъ въ донесеніи вашемъ и полкъ подъ командою принца Гогенлоэ могутъ быть причислены къ войскамъ Французскимъ; по прибытіи же въ наши предѣлы и по полученіи рапорта отъ князя Горчакова о состояніи ихъ, дальнѣйшія наши повелѣнія относительно образованія ихъ по примѣру арміи нашей даны будутъ. Что же касается до дезертировъ, мы и въ семъ случаѣ уважить готовность свою покажемъ заступленію принца Конде; но непремѣнно вы имѣть должны наблюденіе, чтобы тѣ только отправились къ намъ, о коихъ начальники обяжутся письменно отвѣтствовать.

Пятое. Подполковникъ князь Горчаковъ будетъ вамъ наилучшимъ помощникомъ, о прочихъ же вамъ потребныхъ повелѣнія наши даны нашему канцлеру, за исключеніемъ канцеляріи совѣтника барона Билера; а для курьерскихъ посылокъ отправлены при князѣ Горчаковѣ четыре фельдъ-егеря.

Шестое. Доставленіемъ къ вамъ на надобности войскъ шестидесяти тысячъ червонныхъ и ассигнованіемъ для нихъ же ста пятидесяти тысячъ рублей въ распоряженіе генерала отъ инфантеріи Беклешова мы довольно предупредили всѣ затрудненія пути; а потому и находимъ удобнѣе всего, чтобъ отъ войскъ принца Конде

были отправлены коммиссары, которые бы продовольствовать старались войска въ ихъ переходѣ, платя за все чистыми деньгами и избѣгая быть въ тягость жителямъ земель, на пути ихъ лежащихъ.

Седьмое. Земли, назначаемыя нами для поселенцевъ, вамъ извѣстны изъ указа нашего отъ 7-го Іюня, слѣдовательно принцу Конде и предложите отправить теперь довѣренныхъ людей, кои могли бъ осмотрѣть оныя обще съ генераломъ лейтенантомъ Бердяевымъ, имѣющимъ наши повелѣнія, и всѣ нужныя и предварительныя мѣры для выгодъ поселенцевъ. Но что касается до отдѣленія крестьянъ для обработыванія ихъ земель, вы въ томъ прямо и наотрѣзъ откажите именемъ нашимъ.

Восьмое. Принцъ Конде можетъ располагать собою и фамиліею своею по лучшему своему усмотрѣнію и тогда пріѣхать къ намъ, когда онъ за благо признаетъ *).

Девятое. Вы можете увѣрить принца Конде, что какъ съ одной стороны покуда войска, его армію составляющія, будутъ въ предѣлахъ нашихъ, должны всѣ они то наблюдать, что̀ военный нашъ уставъ содержитъ въ себѣ и чему подчинены наши войска, такъ съ другой они свободны будутъ выйти изъ нашей имперіи, коль скоро принцъ Конде того пожелаетъ.

Десятое. Въ доводъ нашего благоволенія къ вамъ, данъ указъ нашъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о доставленіи вамъ ежегодно, доколѣ будете внѣ государства по волѣ нашей, по восьми тысячъ рублей на годъ жалованья, считая рубль въ пятьдесятъ штиверовъ. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонный.

Павелъ

Въ Павловскѣ, Августа 6-го 1797 года.

---

*) Извѣстно, что принцъ Конде припожаловалъ и въ Петербургъ, гдѣ былъ осыпанъ Русскими щедротами и получилъ даже великолѣпный домъ. *П. Б.*

В. ДВѢ ЗАПИСКИ РАСТОПЧИНА КНЯЗЮ В. Н. ГОРЧАКОВУ.

1.

3 Ноября 1798 г. С.-Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать мнѣ написать къ вашему сіятельству, чтобъ вы сдѣлали внушеніе его свѣтлости принцу Конде ограничить себя въ его перепискѣ съ Государемъ единственно въ дѣлахъ до инспекціи его касающихся и распространяться какъ можно меньше объ усердіи къ службѣ, о благодарности, о преданности и проч.—вещи, кои доказываются на дѣлѣ, а не на словахъ. Изъ всего сего вы сдѣлаете употребленіе таковое, чтобы его свѣтлость не обидясь унялся бы отъ пространнаго писанія.

2.

23 Февраля 1800 г. С.-Петербургъ.

Включая у сего письмо мое къ послу г. Колычову, извѣщающее его о роспускѣ корпуса принца Конде, прошу покорно ваше сіятельство оное доставить въ Вѣну, не удержавъ, чѣмъ крайне обяжете имѣющаго честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и пр.

Письма князя П. А. Вяземскаго, изъ Петербурга въ чужіе края, къ А. О. Смирновой.

Сообщены дочерью А. О. Смирновой, Ольгою Николаевной Смирновой и печатаются съ дозволенія князя Павла Петровича Вяземскаго. Первое письмо писано по возвращеніи князя Петра Андреевича изъ его перваго заграничнаго путешествія. Въ Римѣ скончалась у него въ 1835 году взрослая дочь, княжна Прасковья Петровна, памяти которой посвящены трогательные стихи княгини Зинаиды Волконской (можетъ быть единственные, какіе ей вполнѣ удались. См. Р. Архивъ, 1867, стр. 313). Три остальныя письма въ особенности любопытны по отношенію къ А. С. Пушкину. А. О. Смирнову изобразилъ князь Вяземскій въ своей «Старой Записной Книжкѣ» подъ именемъ *Donna Sol* (См. Р. Архивъ 1874, II, стр. 186). *П Б.*

1.

St.-Pétersbourg, le 1-r décembre 1835.

Je vous remercie du fond de mon coeur, chère et bonne madame Smirnow, pour tout ce que vos lettres contiennent d'affectueux. L'intérêt que vous me témoignez me touche profondement. Si mon coeur est à moitié frappé de mort, il lui reste encore assez de vie pour être sensible et reconnaissant à ceux qui partagent sa douleur. J'aurais voulu vous écrire une longue lettre, mais ce n'est qu'hier soir que j'ai appris le départ de Lomonossoff, qui ne me donne le tems de vous dire que quelques mots. Vous me recommandez de *prier*. Prier c'est espérer, et le malheur détruit jusqu'à l'espérance. J'ai été convaincu du néant de la prière, et c'est cette conviction qui porte la mort dans l'âme. Que de nuits douloureuses et pleines cependant de hautes émotions ai-je passé en prière là, où, au chevet du lit de ma pauvre victime, je pouvais me croire face à face avec Celui que j'implorais. Tant mon exaltation était forte et tant toutes les puissances de tout mon être se concentraient en un seul sentiment, un seul

voeux! Il serait trop long et même déplacé de vous conter l'histoire de mon coeur et de mes croyances durant cette époque d'épreuves et de tribulations. Il suffit de vous dire que la prière a été refoulée au fond de mon âme et que cette sève a été desséchée. N'allez pas croire cependant que le malheur m'aye rendu impie et rebelle envers la Providence. Il est vrai que je suis complètement découragé et désorienté, mais non endurci, ni même aigri. Tout ce que je puis dire après le malheur qui m'a frappé, c'est: Grand Dieu, je ne Vous comprends pas! Et ce n'est pas à force d'études qu'on peut approfondir ce mystère. Je conçois qu'un Etre tout-puissant et tout-bon puisse se révéler au coeur de l'homme par des épreuves, mais il y a des coups qui portent des blessures, d'autres qui portent la mort. Je suis dans ce dernier cas.

Voici deux lettres pour vous que j'ai eu le tems de demander hier à la soirée de Joukowski, qui a pris les Samedis, et Pletnew pour son épouse légitime et maîtresse de maison à cette occasion. Vous aurez du plaisir à faire la connaissance de Bénédiktow. C'est une source vive et rafraîchissante qui vient de jaillir au moment où l'on s'y attendait le moins dans le désert de notre littérature. Je n'ai rien à vous dire de Pétersbourg, car je continue à ne voir personne, au moins de la partie remuante de sa population. Marie est la seule de la famille qui aye paru à quelques bals. Pouchkin, Joukowsky, Wielhorsky, vos frères et surtout Clément et encore trois ou quatre individus de deux sexes viennent de tems en tems achever leur journée chez nous. Clément est le seul qui aye le secret de me faire rire quelquefois et particulièrement dans les jours d'humeur noire; car c'est alors que toute l'originalité, tout le rossétisme de son esprit s'échappe et éclate avec le plus de vigueur et de portée. Je suis bien aise d'apprendre que votre santé et vos dispositions aillent mieux. Mais je crains pour vous Berlin: ce Pétersbourg en miniature. Quand vous avez besoin de changer d'élément pour vous retremper, comment ne pas aller à Paris pour deux ou trois mois? Cela ne vous serait pas refusé, comme moyen curatif. Et d'ailleurs, vos opinions schischkoviennes sont trop bien connues pour craindre la contagion, et puis les loix *d'intimidation* ne sont-elles pas là pour purifier l'air et le préserver des miasmes du libéralisme? La comtesse Lavale y est bien? Serait-elle d'une nature plus imperméable que vous? Ses pores cependant paraissent passablement ouverts. Une fois que vous êtes à Berlin, voici du moins ce que vous devez y faire: faites vous peindre par Krüger et faites litografier ce portrait pour vos amis.

Ma femme et Marie se rappelent à votre bon souvenir. Dites, je vous prie, bien des choses amicales de ma part à votre cher mari; présentez mes hommages à mesdemoiselles vos filles et croyez à l'attachement sincère, dévoué et inviolable que je vous porte. Wiasemsky.

Ne m'oubliez pas auprès des Mansouroff et des Ozerow.

Переводъ. Спб. 1-е Декабря 1835. Изъ глубины сердечной благодарю васъ, дорогая и добрая г-жа Смирнова, за чувства, выраженныя въ вашихъ письмахъ. Меня глубоко трогаетъ участіе, которое вы мнѣ оказываете. Если сердце мое на половину поражено смертью, то все таки въ немъ еще довольно жизни, чтобы оставаться чувствительнымъ и признательнымъ къ людямъ раздѣляющимъ его скорбь. Я хотѣлъ писать къ вамъ большое письмо, но только вчера вечеромъ узналъ, что Ломоносовъ [1]) отправляется въ путь такъ скоро, и я могу сказать вамъ лишь нѣсколько словъ. Вы мнѣ совѣтуете *молиться.* Молиться значитъ надѣяться, а горе разрушаетъ даже и надежду. Я приведенъ къ убѣжденію въ ничтожности молитвы, и это убѣжденіе мертвитъ душу. Сколько горестныхъ и въ тоже время полныхъ высокими ощущеніями ночей провелъ я въ молитвѣ, у изголовья бѣдной моей жертвы, тамъ, гдѣ я могъ думать, что нахожусь лицомъ къ лицу съ Тѣмъ, Кого я умолялъ: до такой степени былъ я возбужденъ и до того всѣ силы моего существованія сосредоточивались въ одномъ чувствѣ, въ одномъ желаніи! Было бы долго, да и неумѣстно, передавать вамъ исторію сердца моего и моихъ вѣрованій въ эпоху этого испытанія и бѣдствія. Достаточно вамъ сказать, что молитва отхлынула въ глубь души моей, и что эта струя изсякла. Не подумайте однако, чтобы горе обратило меня въ нечестивца и ожесточило на Провидѣніе. Правда, что я вполнѣ упалъ духомъ и вышелъ изъ колеи, но я не очерствѣлъ и даже не озлобленъ. Могу только сказать послѣ поразившаго меня несчастія: „Великій Боже, не понимаю Тебя!“ Въ эту тайну не проникнешь изученіемъ. Я понимаю, что всемогущее и всеблагое Существо можетъ открываться человѣческому сердцу посредствомъ испытаній; но одними ударами наносятся раны, а другими смерть. Постигшій меня относится къ послѣднимъ.

Прилагаются къ вамъ два письма, которыя я успѣлъ спросить вчера на вечерѣ у Жуковскаго. У него Субботы, и по этому случаю онъ взялъ себѣ въ законную супругу и домоправительницу Плетнева [2]). Вамъ было бы пріятно познакомиться съ Бенедиктовымъ. Это живой и освѣжительный источникъ, пробившійся въ пустыни нашей словесности, въ такое время, когда можно было наименѣе ожидать того. О Петербургѣ мнѣ нечего вамъ сообщить, потому что я продолжаю никого не видать изъ дѣятельной части его населенія. Изъ нашей семьи одна Маша [3]) была на нѣкоторыхъ балахъ. Пушкинъ, Жуков-

---

[1]) Товарищъ Пушкина, посланникъ нашъ въ Лиссабонѣ.

[2]) На субботнихъ вечерахъ у Жуковскаго, въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ Зимняго дворца, собирались лучшіе писатели и иные представители умственныхъ и художественныхъ силъ тогдашняго Петербурга.

[3]) Вторая дочь князя Вяземскаго, Марья Петровна († 1848), съ 22 Мая слѣдующаго 1836 года первая супруга П. А. Валуева (нынѣ графа).

скій, Вьельгорскій, ваши братья [4]) (всѣхъ чаще Клементій), да еще три-четыре лица обоихъ половъ отъ времени до времени проводятъ у насъ послѣдніе часы сутокъ. Одинъ Клементій владѣетъ тайною разсмѣшить меня иной разъ, въ особенности, когда я бываю въ мрачномъ настроеніи: въ такія минуты вспыхиваетъ и разливается съ наибольшею силою и свѣжестью вся своебытность, все россетство ума его. Я очень радъ, узнавъ, что ваше здоровье и настроеніе стали лучше; но боюсь за васъ Берлина. Это въ миніатюрѣ Петербургъ. Если вамъ понадобится перемѣнить обстановку для укрѣпленія силъ, какъ не съѣздить въ Парижъ на два или на три мѣсяца? Вамъ не откажутъ въ этомъ, какъ въ средствѣ цѣлительномъ. Къ тому же ваши Шишковскія мнѣнія слишкомъ извѣстны, чтобы опасаться, что вы заразитесь; въ добавокъ, существуютъ законы напугиванья для очищенія воздуха и предохраненія его отъ вредныхъ испареній либерализма. Вѣдь графиня Лаваль тамъ же? Развѣ у нея природа непромокаемѣе вашей? Повидимому, поры ея достаточно раскрыты [5]). Но какъ скоро будете въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ сдѣлайте вотъ что: закажите съ себя портретъ Крюгеру и велите приготовить литографію съ этого портрета для вашихъ друзей.

Жена и Маша поручаютъ себя вашему доброму воспоминанію. Пожалуста, передайте мои дружескія привѣтствія любезному вашему мужу; поклоны мои вашимъ дочерямъ, и вѣрьте моей искренней, преданной и неизмѣнной привязанности. Вяземскій. Напомните обо мнѣ Мансуровымъ и Озеровымъ.

2.

(Февраль 1837).

Que direz-vous de l'affreux malheur qui est venu tomber sur nos têtes, comme la foudre, au moment où nous nous y attendions le moins, quoique à dire vrai l'horizon du pauvre Pouchkin aye été toujours couvert de nuages depuis ces infâmes lettres anonymes? Votre frère vous donne certainement des détails sur tout ce qui s'est passé. Quant à moi, je n'ai pour le moment ni le courage, ni la force, ni le tems de vous en écrire au long. Pouchkin a été sublime de fermeté, de résignation, de tendres sollicitudes pour sa femme, au milieu de sa cruelle souffrance, sentant sa mort approcher, calculant sa marche de sens-froid, mais sans aucune affectation, ni jactance, et sans penser à faire effet sur l'auditoire. Tel il a été aussi sur le champ du combat. Autant était-il impétueux, ardent, désordonné, emporté dans toutes les démarches qui devaient amener le fatal résultat, autant a-t-il été calme, simple et plein de dignité une fois qu'il l'eût atteint: car il

---

[4]) Клементій, Аркадій и Осипъ Осиповичи Россеты.

[5]) Забавное сопоставленіе съ богачкой, графиней Лаваль, ур. Козицкой, тещею декабриста князя С. П. Трубецкаго.

avait soif de ce moment. Il y a deux sortes de cocus, disait-il à d'Archiac, le témoin de son adversaire, en lui expliquant les motifs de son duel: ceux qui le sont de fait, ceux-là savent à quoi s'en tenir, et ceux qui le sont par la grâce du public, leur position est plus embarassante. C'est mon cas. — Oui, certainement c'est le monde qui l'a assassiné. Ces infâmes lettres, ces infâmes commérages qui lui revenaient de toute part, son caractère ardent et concentré ont, d'un autre côté, été cause de la catastrophe. Il ne nous consultait pas, et une certaine fatalité le poussait toujours à agir dans une fausse direction.

Au chagrin de le pleurer se joint encore le chagrin de savoir que le monde ou au moins une partie de monde, après avoir déchiré son coeur de son vivant par la malveillance, s'acharne encore contre son cadavre. On oublie, on ignore que c'est cependant une des gloires nationales que nous avons perdu, la plus puissante, la plus vivante peut-être de nos gloires, que l'existance de Pouchkin après celle de l'Empereur était pour la Russie l'existncae la plus précieuse, celle qui appartenait le plus à la nation; car qu'entendez-vous donc par l'amour de la patrie, si vous ne comprenez pas le culte que l'on doit porter à ces élus que le Ciel envoye à votre patrie.

L'Empereur a été grand et beau à cette occasion, surtout quand il a agi par sa propre impulsion et qu'il s'exprimait lui-même et non par les organes qui ont défiguré, dénaturé et faussé ses inspirations. Arendt, en quittant Pouchkin le premier jour de sa maladie, lui demanda: Что прикажете сказать Государю?—Скажите, что умираю и прошу у него прощенія. Arendt revient quelque tems après et lui apporte un billet écrit de la main de l'Empereur et conçu à peu près en ces termes: «Если Богъ не велитъ уже намъ свидѣться на здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки». C'est ce qu'il a fait. Il a donné déjà une pension de 11 mille roubles à la veuve et aux enfants, et il y a encore plusieurs autres grâces qu'il leur accorde et qui assure complètement l'avenir de la famille. Mais aussi une fois que la police, la haute police, a mis la main sur le cercueil de Pouchkin, on n'a fait que sottise sur sottise. C'était réellement à en rire, malgré la douleur et les larmes. Je tâcherai de vous conter cela une autre fois. Cette lettre part avec d'Archiac, qui a été le témoin de Heckeren. Il pourra vous donner de détails sur cette triste affaire. C est un homme d'honneur. Pouchkin en mourant a dicté la note de ses dettes, et vous y êtes aussi. C'est la seule disposition qu'il ait faite. Adieu.

Переводъ. (Февраль 1837). Что скажете вы о страшномъ несчастіи, обрушившемся на наши головы, какъ громовой ударъ, когда мы всего менѣе того ожидали, хотя, сказать по правдѣ, послѣ этихъ проклятыхъ безъимянныхъ писемъ, небосклонъ бѣднаго Пушкина посто-

янно былъ покрытъ облаками? Братъ вашъ вѣроятно сообщаетъ вамъ подробности обо всемъ происшедшемъ [1]). Что до меня, не имѣю ни случая, ни духу, ни силы, ни времени много писать вамъ о томъ. Въ жестокихъ страданіяхъ своихъ Пушкинъ былъ великъ твердостію, самоотверженіемъ, нѣжною заботливостію о женѣ своей. Чувствуя, что смерть близка, онъ хладнокровно высчитывалъ шаги ея, но безъ малѣйшаго желанія порисоваться, похорохориться и подѣйствовать на окружающихъ. Таковъ онъ былъ и во время поединка. Необузданный, пылкій, безпорядочный, самъ себя не помнящій во всѣхъ своихъ шагахъ, имѣвшихъ привести къ роковому исходу, онъ сдѣлался спокоенъ, простъ и полонъ достоинства, какъ скоро добился чего желалъ; ибо онъ жаждалъ этого исхода. Секунданту противника своего Даршіаку говорилъ онъ, объясняя поводы поединка: „Есть два рода рогоносцевъ; одни въ самомъ дѣлѣ таковы, и они знаютъ какъ имъ быть; другіе суть рогоносцы по милости публики, и положеніе ихъ болѣе затруднительно. Это моя участь". — Да, конечно, свѣтское общество его погубило. Проклятыя письма, проклятыя сплетни приходили къ нему со всѣхъ сторонъ. Съ другой стороны причиною катастрофы былъ его пылкій и замкнутый характеръ. Онъ съ нами не совѣтовался, и какая-то судьба постоянно заставляла его дѣйствовать въ невѣрномъ направленіи. Горько его оплакивать; но горько также и знать, что свѣтское общество (или по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены онаго) не только терзало ему сердце своимъ недоброжелательствомъ когда онъ былъ живъ, но и озлобляется противъ его трупа [2]). Не хотятъ знать или забываютъ, что мы лишились въ немъ

---

[1]) Изъ братьевъ А. О. Смирновой знали мы лично Аркадія Осиповича (скончавшагося сенаторомъ въ Москвѣ). Онъ до конца сохранялъ благоговѣніе къ памяти Пушкина, который, высоко цѣня сестру, любилъ и ласкалъ ея молодыхъ братьевъ. А. О. Россети вспоминалъ нерѣдко, какъ обѣдалъ онъ у Пушкина когда принесли (въ концѣ 1836 года) письмо отъ Дантеса-Гекерна. Прочитавъ его, Пушкинъ черезъ столъ подалъ его старшей своей свояченицѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ, примолвивъ: «поздравляю!» Та, какъ только пробѣжала письмо, стремительно кинулась изъ за обѣда къ себѣ въ комнату. Оказалось, что красавецъ-кавалергардъ просилъ ея руки. Стали толковать, что она переселится въ домъ къ Голандскому посланнику (старому холостяку) и будетъ играть роль хозяйки, т. е. принимать дипломатовъ. Свадьба совершилась въ первыхъ числахъ Января слѣд. года; но до того времени женихъ такъ дурно велъ себя, что Пушкинъ не принялъ молодыхъ и нѣкоторое время запрещалъ Натальѣ Николаевнѣ бывать у сестры.—А. О. Россетъ участвовалъ въ перенесеніи тѣла со стола въ гробъ. «Удивительно былъ легокъ!» припоминалъ онъ. *П. Б.*

[2]) Нынѣ извѣстно, что въ числѣ ихъ была графиня Нессельроде. — Живы еще лица, помнящія, какъ С. С. Уваровъ (воспитанникъ аббата и выученикъ князя Адама Чарторижскаго, а тогда угодникъ графа Бенкендорфа) явился блѣдный и самъ не свой въ Конюшенную церковь на отпѣваніе Пушкина, и какъ отъ него сторонились. Онъ и его положеніе припоминались намъ недавно на отпѣваніи И. С. Аксакова, при видѣ одного писателя, который былъ тоже совсѣмъ растерянъ и отъ котораго тоже сторонились. *П. Б.*

одного изъ представителей народной славы, самаго сильнаго и можетъ быть наиболѣе неувядаемаго; что существованіе Пушкина послѣ Государя было самымъ дорогимъ для Россіи; что онъ больше всѣхъ принадлежалъ народу: ибо что̀ же такое и любовь къ отечеству, коль скоро она не соединяется съ уваженіемъ къ этимъ избранникамъ, которыхъ посылаетъ Отечеству Небо? Государь былъ тутъ великъ и прекрасенъ, въ особенности когда онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію и выражалъ свою волю самъ, а не чрезъ посредниковъ, которые искажали и обезсмысливали его намѣренія. Въ первый день болѣзни, уходя отъ Пушкина, Арендтъ спросилъ его: что̀ прикажете сказать Государю?—Скажите, что умираю и прошу у него прощенія. Черезъ нѣсколько времени Арендтъ пріѣзжаетъ назадъ и привозитъ ему собственноручную записку Государя, въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: „Если Богъ не велитъ уже намъ свидѣться на здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ — умереть христіаниномъ; о женѣ и дѣтяхъ не безпокойся; я беру ихъ на свои руки". Вотъ что онъ сдѣлалъ: вдовѣ и дѣтямъ онъ уже далъ пансіонъ въ 11.000 рублей и оказалъ имъ еще много другихъ милостей, вполнѣ обезпечивающихъ будущность семейства *). Но полиція, высшая полиція наложила свою руку на трупъ Пушкина, и тутъ пошли нелѣпости за нелѣпостями. По истинѣ было чему посмѣяться, не смотря на слезы и горесть. Я постараюсь въ другой разъ разсказать вамъ объ этомъ. Письмо это идетъ съ Даршіакомъ, секундантомъ Гекерна; онъ можетъ передать вамъ подробности этого печальнаго дѣла. Человѣкъ онъ честный. Умирая, Пушкинъ продиктовалъ записку, кому что̀ онъ долженъ; вы тамъ упомянуты. Это единственное его распоряженіе. Прощайте.

3.

St.-Pétersbourg, le 2 (14) mars 1837.

Vous et votre mari serez certainement curieux d'avoir encore quelques détails sur la mort de notre cher Pouchkin. Voici une copie de ma lettre à Boulgakow, qui vous en donnera. Je suis fâché de n'avoir pas le tems de vous envoyer plusieurs pièces justificatives de ce malheureux procès. Si vous allez en Italie, ou si vous rencontrez le grand-duc Michel ailleurs, demandez les lui. Il doit les avoir. Voici aussi un mauvais portrait de Pouchkin et qui n'a que l'intérêt de la circonstance. L'inscription que vous y trouverez biffée de la main de la police est tirée d'Onéguine: Потухъ огонь на алтарѣ! La police a

*) Д. В. Дашковъ передавалъ князю Вяземскому, что Государь сказалъ ему: «Какой чудакъ Жуковскій! Пристаетъ ко мнѣ, чтобы я семьѣ Пушкина назначилъ такую же пенсію какъ семьѣ Карамзина. Онъ не хочетъ сообразить, что Карамзинъ человѣкъ почти святой, а какова была жизнь Пушкина?» *П. Б.*

voulu y voir une impiété. En général on ne permet plus aux journaux de parler de lui. Bien des vers ont été faits sur sa mort, et comme vous pensez bien il y en a dans le nombre de très inoffensifs (par exemple ceux d'Esper Béloselski, de Noroff, la jambe de bois); ils sont tous confinés dans les cartons de la police. Et n'oubliez pas que tout ceci se fait après que l'Empereur, en digne et puissant représentant de son pays, a rendu au talent et à la mémoire de Pouchkin l'honneur qui était du à cette gloire nationale. Mais le fait est que la police ne peut pas empêcher l'Empereur d'être bon Russe et d'agir comme tel toutes les fois que ses nobles sympathies se réveillent en lui, et que pour nous autres elle nous fait un crime d'avoir le sentiment national, et voit quelque chose de factieux et de démagogue dans les regrets que nous donnons à notre plus belle gloire littéraire. C'est vraiment pitoyable et fait saigner le coeur.

Merci pour votre lettre du 15 février et pour tout ce qui l'accompagnait; mais Pradt n'y était pas. Какъ это похоже на нашу Петербургскую красавицу быть въ отношеніяхъ съ Парижскимъ гражданскимъ губернаторомъ! Les hommes à bonnes fortunes à Moscou sont ordinairement les amis des grands-maîtres de police. Cela donne du relief et le pas à la tour aux promenades publiques et à la sortie du spectacle, да и квартальные вытягиваются передъ вами. Si je n'étais pas aussi triste et découragé que je le suis, quel pamphlet que je vous lancerais pour tout ce que vous me dites au sujet de la camaraderie de Scribe! Умная женщина, а какой вздоръ говоритъ, и все оттого, что умъ засорился предубѣжденіями. Vous voulez que je juge des choses et des hommes d'apres une comédie de Scribe. Vaut tout autant juger de l'humanité par m-r de Pourceaugnac! La malignité et les illusions du public ne prouvent rien. Dites-vous donc bien une fois pour toutes que les hommes sont partout les mêmes. Le fait est qu'en France la cuisine se fait sur la place publique et que bien des choses, qui ailleurs restent cachées, là se font au grand jour et à la barbe des Athéniens, ce qui doit souvent soulever le coeur des passants. Ceci est vrai, et je n'y ai pas le mot à dire. Allez un peu faire écorcher devant vous, non seulement un veau, mais la plus belle femme du monde, et vous me direz si elle reste toujours belle. Распотрошите, напримѣръ, нашу графиню передъ вашимъ *старымъ псомъ*, и онъ подожметъ хвостъ и убѣжитъ. La publicité a ses inconvéniens et son côté immoral, mais on dirait que le mystère ne l'a pas? Je pourrais vous en donner de nouvelles.

Nous voici entrés dans le calme du grand carême. J'ai pris peu de part à l'effervescence du carnaval, mais j'en ai aussi attrapé un petit bout. Femme à précaution, n'ayez pas celle de la jalousie à mon égard! Il n'y a plus pour moi ni de Bobo, ni de Dodo (la comtesse Rostopchin) ni de *dos-dos* (la belle Élisa) au monde. J'ai tourné le dos à toutes les faces

et à tous les dos possibles. Je suis vieux comme m-me Zagriajsky, qui se meurt à l'heure qu'il est et ne se ranime un peu, moyennant un verre de Champagne, que pour faire sa partie de boston. C'est historique. Les cartes sont chez nous une seconde nature qui survit à l'autre et prolongent l'existence quand tous les ressorts sont déjà épuisés. Que direz-vous, madame Fonvisin, d'une société qui n'a que ce seul mobile, ce seul intérêt permanent pour activité et pour but? Ceci n'est plus de la comédie de Scribe; c'est la vérité toute nue, comme les épaules de notre amie. Basile Peroffski disait l'autre jour en la regardant: il serait bien tems de jeter un voile sur le passé.—N'avez-vous par conscience de vous être emparé de ce pauvre André, comme vous l'avez fait? Il n'a vu que vous à Paris. C'est une niche que vous avez voulu me jouer d'abord pour me donner de la jalousie et puis pour vous mettre entre lui et la vérité, de façon qu'il n'a rien pu juger par lui-même. Ses lettres, qui n'étaient remplies que de vous, me rappèlent la réponse d'un vieux Titow, qui après un séjour d'un an à Paris disait à ceux qui lui en demandaient des nouvelles: я тамъ очень пріятно провелъ время, у насъ каждый день была своя партія. Voici d'ailleurs ce que quelqu'un m'écrit en me parlant d'André: il s'est en ce moment tout énamouré de la spirituelle m-me Smirnow. Voici un commérage européen que je vous fais, vous qui aimez les commérages. Sur ce adieu. Je vous baise les mains et vous prie de dire mille choses affectueuses à votre mari. Écrivez moi donc plus souvent. Je n'ai plus de coquetterie que dans mes lettres avec vous, et la coquetterie est ma seconde nature, comme le boston pour m-me Zagriajsky.

Переводъ. С.-Петербургъ, 2 (14) Марта 1837. Вамъ и мужу вашему конечно будетъ любопытно узнать еще нѣкоторыя подробности о смерти нашего дорогаго Пушкина. Онѣ находятся въ письмѣ моемъ въ Булгакову, которое прилагаю при семъ [1]). Мнѣ жаль, что я не имѣю времени сообщить вамъ нѣсколько подтвердительныхъ статей къ этому злосчастному процессу. Попросите ихъ у великаго князя Михаила Павловича, если отправитесь въ Италію или встрѣтите его гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Онѣ должны быть у него [2]).

---

[1]) Это письмо многократно напечатано. *П. Б.*

[2]) Великій князь Михаилъ Павловичъ, высоко цѣнившій Пушкина и любившій съ нимъ бесѣдовать, лечился въ этомъ году въ Баденъ-Баденѣ, куда пріѣхалъ высланный изъ Россіи убійца Пушкина. По гвардейской службѣ въ Петербургѣ, по придворнымъ баламъ и вечерамъ его высочество хорошо зналъ барона Гекерна, и ему часто случалось встрѣчать его: какъ извѣстно, оба они блистали остроуміемъ и мѣткими каламбурами. Представиться прямо Русскому великому князю послѣ смерти Пушкина баронъ Гекернъ не рѣшился, но въ одномъ изъ Баденскихъ садовъ, изъ-за куста, онъ выкинулъ ему какой-то ружейный пріемъ и заставилъ расхохотаться. *П. Б.*

Вотъ еще плохой портретъ Пушкина, любопытный только потому, что онъ появился теперь. Надпись на немъ, искалѣченная рукою полиціи, взята изъ Онѣгина: Потухъ огонь на алтарѣ! Полиція усмотрѣла тутъ нечестіе. Вообще въ газетахъ больше не позволяютъ говорить о Пушкинѣ. На смерть его писано много стиховъ, и разумѣется въ числѣ ихъ есть весьма невинные (напр. Эспера Бѣлосельскаго, Норова, что̀ ходитъ на деревяшкѣ); но всѣ они запрещены полиціею. И вспомните, что это дѣлается послѣ того, какъ Государь, достойный и могущественный представитель страны своей, воздалъ дарованію памяти Пушкина честь, подобающую этой народной славѣ. Дѣло въ томъ, что полиція не можетъ помѣшать Государю быть добрымъ Русскимъ и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ всякій разъ, какъ пробуждаются въ немъ его благородныя сочувствія; а намъ она ставитъ въ преступленіе то, что мы имѣемъ народное чувство и видитъ что-то заговорщическое и демагогическое, когда мы оплакиваемъ самую лучшую славу нашей словесности. Это поистинѣ жалко и седценадрывательно. — Благодарю за ваше письмо отъ 15-го Февраля и за все, что̀ къ нему приложено; но Прадта тамъ не было. Какъ это похоже на нашу Петербургскую красавицу быть въ отношеніяхъ съ Парижскимъ гражданскимъ губернатомъ! Въ Москвѣ люди въ большимъ состояніемъ обыкновенно дружатъ съ оберъ-полицеймейстеромъ. Это служитъ отличіемъ, даетъ ходъ экипажу на общественныхъ прогулкахъ и при разъѣздѣ изъ театра, да и квартальные вытягиваются передъ вами. Не будь я такъ печаленъ и въ такомъ упадкѣ духа, какимъ памфлетомъ разразился бы я противъ всего, что̀ вы мнѣ пишете по поводу сообщества со Скрибомъ! Умная женщина, а какой вздоръ говоритъ, и все отъ того, что умъ засорился предубѣжденіями. Вамъ хочется, чтобы я судилъ о вещахъ и о людяхъ по комедіи Скриба; это все тоже, что̀ судить о человѣчествѣ по Пурсоньяку *). Злость и намеки публики ничего не доказываютъ. И такъ, разъ навсегда скажите себѣ, что люди вездѣ одни и тѣже. Дѣло въ томъ, что во Франціи кухню держатъ на общественномъ мѣстѣ, и много такого что́ въ другихъ мѣстахъ бываетъ скрыто, творится тамъ среди бѣла дня и подъ самымъ носомъ, что́ и должно часто возмущать сердца прохожихъ. Это правда, я нисколько не возражаю. Попробуйте приказать, чтобы передъ вами содрали кожу не только съ теленка, но съ самой красивой женщины, и скажите мнѣ тогда, останется ли она все таки красива. Распотрошите напр. нашу графиню предъ вашимъ старымъ псомъ, и онъ подожметъ хвостъ и убѣжитъ. Гласность имѣетъ свои неудобства и свою безнравственную сторону. А у припрятыванія развѣ нѣтъ ихъ? Я бы вамъ могъ о

---

*) Извѣстная комедія Мольера: Пурсоньяка, пріѣхавшаго въ Парижъ жениха, обманываютъ слуги, приставленные къ нему его соперникомъ. *П. Б.*

томъ поразсказать.—Теперь у насъ наступила тишина великаго поста. Я мало принималъ участія въ разгулѣ Масляницы; но она и меня нѣсколько задѣла. Вы женщина съ предубѣжденіями и вздумайте ревновать меня. Для меня нѣтъ больше ни Бобо [1]), ни Додо (графиня Растопчина), ни Досъ-Досъ (прекрасная Элиза). Я повернулъ спину ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ возможнымъ спинамъ; я старъ какъ Загряжская, которая въ настоящее время умираетъ, подкрѣпляя себя нѣсколько стаканомъ Шампанскаго, лишь для того, чтобы поиграть въ бостонъ. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Карты у насъ вторая природа, которая переживаетъ настоящую; онѣ длятъ существованіе, когда уже всѣ силы истощены. Что̀ вы скажете, г-жа Фонъ-Визина [2]), про общество, у котораго только и есть что этотъ одинъ рычагъ, этотъ одинъ постоянный двигатель и направитель? Это уже не комедія Скриба; это—истина, совсѣмъ голая, какъ плечи нашей пріятельницы. Глядя на нее, Василій Перовскій сказалъ однажды: пора бы уже давно набросить покрывало на прошедшее.—Какъ вамъ не совѣстно завладѣть этимъ бѣднымъ Андреемъ [3])? Въ Парижѣ онъ видѣлъ только васъ. Это вы захотѣли подразнить меня, во первыхъ для того, чтобы возбудить во мнѣ ревность и поставить себя между нимъ и истиною, такъ что ни о чемъ онъ не могъ судить отъ себя лично; его письма, наполненныя исключительно вами, напомнили мнѣ старика Титова, который прожилъ въ Парижѣ цѣлый годъ, и когда его распрашивали о Парижѣ, отвѣчалъ: я тамъ очень пріятно провелъ время, у насъ каждый вечеръ была своя партія [4]). Вотъ что пишетъ мнѣ нѣкто по поводу Андрея: „Въ настоящую минуту онъ совсѣмъ влюбленъ въ умницу Смирнову". Это вамъ Европейская сплетня, а вѣдь вы любите сплетни. Затѣмъ прощайте. Цѣлую ваши ручки и прошу наговорить любезностей вашему мужу. Пишите же мнѣ почаще. Я кокетничаю только въ моихъ письмахъ къ вамъ; а кокетство у меня вторая природа, какъ бостонъ у Загряжской.

---

[1]) Вѣроятно графиня Софья Александровна Бобринская, урожденная графиня Самойлова. Далѣе подъ именемъ прекрасной Элизы князь Вяземскій разумѣетъ конечно Елисавету Михайловну Хитрову, мать скончавшейся недавно графини Е. Ѳ. Тизенгаузенъ и про ея же плечи, часто обнажавшіяся, потомъ вспоминаетъ. Увѣряютъ, что однажды она приняла Пушкина и князя Вяземскаго въ ваннѣ, закрывшись шалью. *П. Б.*

[2]) Князь Вяземскій въ это время занимался своею книгою о Фонъ-Визинѣ и его именемъ называетъ Смирнову, отличавшуюся тоже мѣткостью наблюденій и откровенностью своихъ шутокъ. *П. Б.*

[3]) Андреемъ Николаевичемъ Карамзинымъ. *П. Б.*

[4]) Объ этомъ Титовѣ часто говоритъ Кристинъ въ письмахъ своихъ къ княжнѣ Туркестановой, изданныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1882—1884 годовъ,

4.

Le 25 mars (v. s.) 1837.

Comment avez-vous le courage de dire que je vous néglige, moi, qui ne laisse pas partir un courrier sans vous décocher une lettre? J'espère que vous avez reçu ma dernière avec la copie de ma lettre à Boulgakow. Vous devriez donner un peu de publicité aux détails que vous y trouverez relativement aux derniers moments de Pouchkin pour refuter les contes absurdes que débitent vos journaux sur son *républicanisme*, *athéisme*, et tout cela part sûrement d'ici, tandis que nos journaux et les amis de Pouchkin n'osent rien publier sur son compte. Съ нимъ точно то, что̀ съ Пугачевымъ, котораго память велѣно было предать забвенію. Статья въ Журналѣ Дебатовъ Лёва Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ; а клеветы пропускаются. Мнѣ хотѣлось написать письмо къ Лёву Веймару, но у меня послѣ третьей гриппы осталась такая слабость въ глазахъ, что съ трудомъ могу читать и писать. Il ne me manquait plus que cela pour m'achever au physique et au moral. Au reste, on me rassure sur l'état de mes yeux qui est intact; ce doit être quelque chose de nerveux. Ce qui est positif, c'est que c'est quelque chose de bien contrariant, surtout pour moi, qui n'aime pas à entendre lire, ne sait pas dicter et n'ai guère l'humeur et l'esprit à la causerie. Votre mari compâtira mieux que vous à mes souffrances, ou plutôt à mes ennuis. Joukowsky vous envoye son Ondine; vous y trouverez une inscription avec la date de son jour de naissance et de la mort de Pouchkin. Quelle triste coïncidence! Pouchkin a laissé des choses admirables dans ses papiers. Le tout sera publié. Le 1-er cahier du Современникъ paraîtra, j'espère, pour Pâques.

C'est hier que j'ai reçu votre lettre et l'envoi pour m-me Karamsine, et c'est aujourd'hui que part le courrier français. Je n'ai donc guère le tems de vous en dire davantage, tout en étant prêt à sacrifier mes yeux pour vos beaux yeux. Marie porte encore son fardeau. Le reste de mon monde va assez bien, il n'y a que moi qui vais à la diable, et peut être au diable. Je voudrais bien encore vous voir, cependant avant d'aller lui rendre visite. Adieu, chère et bonne dame.

La vieille Zagriajsky est enfin morte, et la princesse Anette de Géorgie épouse Alexandre Tolstoy (frère de la Gouriew et Apraxin). Tourguénew est parti pour Moscou et compte être à Paris au moi de mai. Il a fort bien arrangé ses affaires, grâce à ses paperasses et au prince Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Здѣсь *маленькія игры* процвѣтаютъ.

Переводъ, 25 Марта ст. ст. 1837. Какъ вы можете говорить, будто я вами пренебрегаю, тогда какъ я не пропускаю ни одного курьера,

чтобы не пустить къ вамъ письма? Надѣюсь, что вы получили то, при которомъ приложенъ списокъ съ моего письма къ Булгакову. Вамъ слѣдовало бы нѣсколько разгласить содержащіяся въ немъ подробности относительно послѣднихъ минутъ Пушкина, чтобы опровергнуть глупые разсказы вашихъ журналовъ объ его республиканствѣ, атеизмѣ и пр. Навѣрно все это сообщается отсюда, тогда какъ наши журналы и друзья Пушкина не смѣютъ ничего про него печатать; съ нимъ точно то что̀ съ Пугачовымъ, котораго память велѣно было предать забвенію. Статья въ Журналѣ Дебатовъ Лёва Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ, а клеветы пропускаются. Мнѣ хотѣлось написать письмо къ Лёву Веймару [1]), но у меня послѣ третьей гриппы осталась такая слабость въ глазахъ, что съ трудомъ могу читать и писать. Только этого не доставало, чтобы доканать меня въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Впрочемъ меня увѣряютъ, что зрѣніе мое не испорчено и что тутъ дѣйствуютъ нервы. Дѣло въ томъ, что это обстоятельство очень несносно, особливо для меня, не любящаго слушать чтеніе, не умѣющаго диктовать, не расположеннаго и не способнаго къ болтовнѣ. Мужъ вашъ лучше васъ пойметъ, какъ я страдаю или вѣрнѣе какъ мнѣ скучно. Жуковскій посылаетъ вамъ свою Ундину; вы найдете на ней подпись съ означеніемъ дня его рожденія и дня кончины Пушкина. Какое печальное совпаденіе! Въ бумагахъ Пушкина остались превосходныя вещи. Все будетъ напечатано. Первая книжка „Современника" выйдетъ, надѣюсь, къ Пасхѣ.

Вчера я получилъ ваше письмо и посылку къ Карамзиной, а сегодня ѣдетъ Французскій курьеръ; стало-быть мнѣ некогда написать вамъ болѣе, хотя я готовъ пожертвовать моими глазами для вашихъ прекрасныхъ глазъ. Маша все еще не родила. Остальная моя семья довольно здоро̀ва, лишь я одинъ живу по дьявольски и можетъ быть иду къ дьяволу. Но прежде чѣмъ его навѣстить, хотѣлось бы мнѣ очень еще повидать васъ. Прощайте, дорогая и добрая госпожа. Старуха Загряжская наконецъ умерла, а княжна Анета Грузинская выходитъ за мужъ за Александра Толстаго (брата Гурьевой и Апраксиной). Тургеневъ [2]) уѣхалъ въ Москву и въ Маѣ думаетъ быть въ Парижѣ; онъ отлично устроилъ дѣла свои, благодаря своему старому хламу и князю Александру Николаевичу Голицыну.

Здѣсь *маленькія игры* процвѣтаютъ.

---

[1]) Французскій писатель Лёве Веймарсъ (Loewe Weimars) былъ у насъ, и Пушкинъ перевелъ для него пофранцузски нѣсколько нашихъ народныхъ пѣсенъ. См. Р. Архивъ. 1885, I, 451. *П. Б.*

[2]) Александръ Ивановичъ. Подъ старымъ хламомъ разумѣются историческія бумаги о Россіи, которыя Тургеневъ собиралъ въ чужихъ краяхъ и представлялъ Николаю Павловичу. *П. Б.*

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА И КНИГИНИ ВѢРЫ ѲЕДОРОВНЫ ВЯЗЕМСКИХЪ.

(Записано въ разное время, съ позволенія обоихъ).

Въ 1816 году для Карамзина отвели казенный домъ въ Царскомъ Селѣ, прямо противъ Лицейскаго сада (второй домъ отъ угла). Бруни, отецъ знаменитаго художника, занимавшійся при дворѣ реставраціею картинъ, нарисовалъ нарочно на стѣнѣ одной комнаты этого дома портретъ Карамзина. Карамзинъ очень этому удивился и немедленно велѣлъ замазать портретъ. — Рядомъ съ нимъ жилъ графъ Толстой (женатый на Протасовой), который не мало удивлялся, за что Карамзину такая милость.

Чадаевъ познакомился съ Пушкинымъ у Карамзина. Еще прежде онъ слышалъ о немъ отъ своего товарища по Московскому университету А. С. Грибоѣдова, который хвалилъ ему стихи Пушкина на возвращеніе Государя изъ чужихъ краевъ въ 1815 году (этихъ стиховъ Пушкинъ никакъ не хотѣлъ печатать).

Въ 1818 г. И. В. Васильчиковъ сказалъ Чадаеву, своему адъютанту: „Вы любите словесность. Не знаете ли вы молодаго поэта Пушкина? Государь желаетъ прочесть его стихи, не напечатанные". Чадаевъ передалъ о томъ Пушкину и съ его согласія отдалъ Васильчикову „Деревню", которая отмѣнно полюбилась Государю (была переписана самимъ Пушкинымъ, разумѣется съ ея послѣдними стихами, которые долго не разрѣшались къ печати).

Карамзинъ писалъ князю Вяземскому отъ 24 Декабря 1817 изъ С.-Петербурга въ Варшаву: „Нашъ усердный собесѣдникъ — поэтъ Пушкинъ, который у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ Пиѳію Голицыну [1]) и теперь проводитъ у нея вечера: лжетъ

[1]) Извѣстная Княгиня Ночная (Princesse Nocturne), супруга Московскаго богача князя Сергѣя Михаиловича, жившая съ нимъ въ розь. Она писала и печатала по французски. *П. Б.*

отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ Пиѳію: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ".

Въ другомъ письмѣ Карамзинъ писалъ:

„*Царское Село, 17 Мая 1820*. А. Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на Свободу и нѣкоторыхъ эпиграмъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять [1]). Ему дали рублей 1000 на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ онъ къ своей поэмкѣ"! [2])

Княгиня Вяземская въ 1824 г. ѣздила въ Одессу съ сыномъ Николаемъ, лѣтъ 7-ми. Пушкинъ очень его любилъ и училъ всякимъ пакостямъ.—„Будь онъ постарше, я бы васъ до него не допустила". Въ Одессѣ Пушкинъ прибѣгалъ къ княгинѣ Вяземской и, жалуясь на Воронцовыхъ, говорилъ, что подастъ въ отставку. Когда рѣшена была его высылка изъ Одессы, онъ прибѣжалъ въ попыхахъ съ дачи Воронцовыхъ, весь растерянный, безъ шляпы и перчатокъ, такъ что за ними посылали человѣка отъ княгини Вяземской. Иногда онъ пропадалъ. Гдѣ вы были?—На корабляхъ. Цѣлые трое сутокъ пили и кутили. — Разъ, во время прогулки по морю на лодкѣ, онъ прочиталъ княгинѣ своего Демона. Онъ признавался княгинѣ въ своей любви къ Ризничъ и сказывалъ, что мужъ отослалъ ее за границу изъ ревности.

Когда Пушкинъ былъ женихомъ, свадьба долго откладывалась; княгиня Вяземская по его просьбѣ ѣздила къ Н. И. Гончаровой и просила скорѣе кончать. Пушкинъ отдалъ своихъ 25 т. на приданое. Будущаго Пушкинскаго тестя, умоповрежденнаго Николая Аѳанасьевича Гончарова, княгиня Вяземская видала въ церкви у Большаго Вознесенія въ Москвѣ и говѣла съ нимъ въ одно время. Онъ прекрасно говорилъ пофранцузски и любилъ употреблять отмѣнныя выраженія. „Je vous félicite avec la réception de la sainte cène".

Лѣто 1826 года князь Вяземскій провелъ въ Ревелѣ съ осиротѣвшею семьею Карамзиныхъ. Княгиня оставалась въ Москвѣ.

---

[1]) Важное показаніе. И такъ ссылка въ Екатеринославъ къ Инзову предполагала и поѣздку въ Крымъ, красота котораго уже тогда была извѣстна Государю Александру Павловичу; при томъ Пушкинъ высылался не на долго. Вѣроятно дальнѣйшія его выходки понудили продлить наказаніе. *П. Б.*

Возвращенный Пушкинъ тотчасъ явился къ ней. Изъ его разсказа о свиданіи съ царемъ княгиня помнитъ заключительныя слова: „Ну теперь ты не прежній Пушкинъ, а мой Пушкинъ". Къ послѣднимъ праздникамъ коронаціи возвратился въ Москву князь Вяземскій. Узнавъ о томъ, Пушкинъ бросился къ нему, но не засталъ дома, и когда ему сказали, что князь уѣхалъ въ баню, Пушкинъ явился туда, такъ что первое ихъ свиданіе послѣ многолѣтняго житья въ разныхъ мѣстахъ было въ номерной банѣ.

Въ письмѣ своемъ къ будущей тещѣ (въ Р. Архивѣ 1873 года) Пушкинъ говоритъ: le mot de bienveillance и пр. Князь Вяземскій думаетъ, что это относится вотъ къ чему. Зная, что Пушкинъ давно влюбленъ въ Гончарову и увидавъ ее на балу у кн. Д. В. Голицына, князь Вяземскій поручилъ И. Д. Лужину, который долженъ былъ танцовать съ Гончаровой, заговорить съ нею и съ ея матерью мимоходомъ о Пушкинѣ, съ тѣмъ, чтобы по ихъ отзыву довѣдаться, какъ они о немъ думаютъ. Мать и дочь отозвались благосклонно и велѣли кланяться Пушкину. Лужинъ поѣхалъ въ Петербургъ, часто бывалъ у Карамзиныхъ и передалъ Пушкину этотъ поклонъ.

Н. Н. Пушкина сама сказывала княгинѣ Вяземской, что мужъ ея въ первый же день брака, какъ всталъ съ постели, такъ и не видалъ ея. Къ нему пришли пріятели, съ которыми онъ до того заговорился, что забылъ про жену и пришелъ къ ней только къ обѣду. Она очутилась одна въ чужомъ домѣ и заливалась слезами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ Царскомъ Селѣ, она пришла къ Вяземскимъ въ полномъ отчаяніи: мужъ трое сутокъ пропадаетъ. Оказалось, что на прогулкѣ онъ встрѣтилъ дворцовыхъ ламповщиковъ, ѣхавшихъ въ Петербургъ, добрался съ ними до Петербурга, гдѣ попался ему возвратившійся изъ Польши изъ полку своего К. К. Данзасъ, и съ нимъ пошелъ кутежъ...

Еще за мѣсяцъ или за полтора до роковаго дня, Пушкинъ, преслѣдуемый анонимными письмами, послалъ Гекерну, кажется, черезъ брата жены своей, Гончарова, вызовъ на поединокъ. Названный отецъ Гекерна, старикъ-Гекернъ, не замедлилъ принять мѣры. Князь Вяземскій встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, и онъ сталъ разсказывать ему свое горестное положеніе: говорилъ, что всю жизнь свою онъ только и думалъ, какъ бы устроить судьбу своего питомца, что теперь, когда ему удалось перевести его въ Петербургѣ, вдругъ приходится разстаться съ нимъ; потому что во всякомъ случаѣ, кто изъ нихъ ни убьетъ другъ друга, разлука несомнѣнна. Онъ передавалъ князю Вяземскому, что онъ желаетъ

сроку на двѣ недѣли для устройства дѣлъ, и просилъ князя помочь ему. Князь тогда же понялъ старика и не взялся за посредничество; но Жуковскаго старикъ разжалобилъ: при его посредствѣ Пушкинъ согласился ждать двѣ недѣли.

Исторія разгласилась по городу. Отецъ съ сыномъ прибѣгли къ слѣдующей уловкѣ. Старикъ объявилъ, будто сынъ признался ему въ своей страстной любви къ свояченицѣ Пушкина, будто эта любовь заставляла его такъ часто посѣщать Пушкиныхъ и будто онъ скрывалъ свои чувства только потому, что боялся не получить отцовскаго согласія на такой ранній бракъ (ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ). Теперь Гекернъ позволялъ сыну жениться, и для самолюбія Пушкина дѣло улаживалось какъ нельзя лучше: стрѣляться ему было уже не изъ чего, а въ городѣ всѣ могли понять, что Французъ женится изъ трусости. Свадьбу сыгрыли въ первой половинѣ Генваря. Друзья Пушкина успокоились, воображая, что тревога прошла.

Послѣ этого Государь, встрѣтивъ гдѣ-то Пушкина, взялъ съ него слово, что если исторія возобновится, онъ не приступитъ къ развязкѣ, не давъ знать ему напередъ. Такъ какъ сношенія Пушкина съ Государемъ происходили черезъ графа Бенкендорфа, то передъ поединкомъ Пушкинъ написалъ извѣстное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для Государя. Но письма этого Пушкинъ не рѣшился посылать, и оно найдено было у него въ карманѣ сюртука, въ которомъ онъ дрался. Письмо это многократно напечатано. Въ подлинникѣ я видалъ его у покойнаго Павла Ивановича Миллера, который служилъ тогда секретаремъ при графѣ Бенкендорфѣ; онъ взялъ себѣ на память это не дошедшее по назначенію письмо.

Въ 1836 году княжна Марья Петровна Вяземская была невѣстою (она вскорѣ и вступила въ бракъ съ П. А. Валуевымъ). Родители принимали лучшее Петербургское общество. Н. Н. Пушкина бывала очень часто, и всякій разъ какъ она пріѣзжала, являлся и Гекернъ, про котораго уже знали, да и онъ самъ не скрывалъ, что Пушкина очень ему нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня-мать напрямикъ объявила нахалу-Французу, что она проситъ его свои ухаживанья за женою Пушкина производить гдѣ нибудь въ другомъ домѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пріѣзжаетъ вечеромъ и не отходитъ отъ Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно—приказать швейцару, коль скоро у подъѣзда ихъ будетъ нѣсколько каретъ, не принимать г-на Гекерна. Послѣ этого онъ прекратилъ свои посѣ-

щенія, и свиданія его съ Пушкиной происходили уже у Карамзиныхъ. Княг. Вяземская предупреждала Пушкину относительно послѣдствій ея обращенія съ Гекерномъ. „Я люблю васъ, какъ своихъ дочерей; подумайте, чѣмъ это можетъ кончиться!“—„Мнѣ съ съ нимъ весело. Онъ мнѣ просто нравится. Будетъ тоже, что было два года сряду.“ — Пушкинъ самъ виноватъ былъ: онъ открыто ухаживалъ сначала за Смирновою, потомъ за Свистуновою(ур. гр. Сологубъ). Жена сначала страшно ревновала, потомъ стала равнодушна и привыкла къ невѣрностямъ мужа. Сама она оставалась ему вѣрна, и все обходилось легко и вѣтренно.

Между тѣмъ посланникъ (которому досадно было, что сынъ его женился такъ невыгодно) и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи. Въ Петербургъ пріѣхали дѣвицы Осиповы, Тригорскія пріятельницы поэта; ихъ распросы, что значатъ ходившіе слухи, тревожили Пушкина. Между тѣмъ онъ молчалъ, и на этотъ разъ никто изъ друзей его ничего не подозрѣвалъ. Князь Вяземскій жилъ открыто и принималъ къ себѣ большое общество. За день до поединка онъ возвращается домой поздно вечеромъ. Жена говоритъ ему, что имъ надобно на время закрыть свой домъ, потому что нельзя отказать ни Пушкину ни Гекерну; а между тѣмъ въ тотъ вечеръ они пріѣзжали оба; Пушкинъ волновался, и присутствіе Гекерна было для него невыносимо. На другой день князь Вяземскій съ однимъ знакомымъ своимъ Ленскимъ, гуляя по Невскому, встрѣчаютъ старика Гекерна въ извощичьихъ саняхъ. Ихъ удивило, что посланникъ ѣдетъ въ такомъ экипажѣ. Замѣтя ихъ, онъ вышелъ изъ саней и сказалъ имъ, что гулялъ далеко, но вспомнилъ, что ему надо написать письма, и чтобы скорѣе поспѣть домой, взялъ извощика. Послѣ они узнали, что онъ ѣхалъ съ *Черной Рѣчки*, гдѣ ждалъ, чѣмъ кончится поединокъ. Пушкина, какъ болѣе тяжело раненаго, повезли домой въ каретѣ Гекерна. Арендъ, исполняя желаніе Пушкина, поѣхалъ къ Государю; но тотъ былъ въ театрѣ и долго не возвращался. Прождавши до поздняго часа, Арендъ оставилъ ему записку, и уже на другой день привезъ къ Пушкину письмо Государя.

Влюбленная въ Гекерна, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна Гончарова нарочно устраивала свиданія, Натальи Николаевны съ Гекерномъ, чтобы только повидать предметъ свой тайной страсти. Наряды и выѣзды поглощали все время. Хозяйствомъ и дѣтьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, нынѣ Фризенгофъ. Пушкинъ подружился съ нею...

Княгиня Вяземская говоритъ, что Пушкинъ былъ у нихъ въ домѣ, какъ сынъ. Иногда, не заставая ихъ дома, онъ уляжется на большой скамейкѣ передъ каминомъ и дожидается ихъ возвращенія или возится съ молодымъ княземъ Павломъ. Разъ княгиня застала, какъ они барахтались и плевали другъ въ друга. Съ княгинею онъ былъ откровеннѣе, чѣмъ съ княземъ. Онъ прибѣгалъ къ ней и разсказывалъ свое положеніе относительно Гекерна. Наканунѣ новаго года у Вяземскихъ былъ большой вечеръ. Въ качествѣ жениха Гекернъ явился съ невѣстою. Отказывать ему отъ дому не было уже повода. Пушкинъ съ женою былъ тутъ же, и Французъ продолжалъ быть возлѣ нея. Графиня Наталья Викторовна Строгонова говорила княгинѣ Вяземской, что у него такой страшный видъ, что, будь она его женою, она не рѣшилась бы вернуться съ нимъ домой. Наталья Николаевна съ нимъ была то слишкомъ откровенна, то слишкомъ сдержанна. На разъѣздѣ съ одного бала Гекернъ, подавая руку женѣ своей, громко сказалъ, такъ что Пушкинъ слышалъ: Allons, ma légitime. (Пойдемъ, моя законная). Мадамъ NN, по настоянію Гекерна, пригласила Пушкину къ себѣ, а сама уѣхала изъ дому. Пушкина разсказывала княгинѣ Вяземской и мужу, что когда она осталась съ глазу съ Гекерномъ, тотъ вынулъ пистолетъ и грозилъ застрѣлиться, если она не отдастъ ему себя. Пушкина не знала, куда ей дѣваться отъ его настояній; она ломала себѣ руки и стала говорить какъ можно громче. По счастію, ничего не подозрѣвавшая дочь хозяйки дома явилась въ комнату, и гостья бросилась къ ней.

Пушкинъ не скрывалъ отъ жены, что будетъ драться. Онъ спрашивалъ ее, по комъ она будетъ плакать. По томъ, отвѣчала Наталья Николаевна, кто будетъ убитъ. Такой отвѣтъ бѣсилъ его: онъ требовалъ отъ нея страсти, а она не думала скрывать, что ей пріятно видѣть, какъ въ нее влюбленъ красивый и живой Французъ. „Я готова отдать голову на отсѣченіе, говоритъ княгиня Вяземская, что все тѣмъ и ограничивалось и что Пушкина была невинна“. Наканунѣ дуели, вечеромъ, Пушкинъ явился на короткое время къ княгинѣ Вяземской и сказалъ ей, что его положеніе стало невыносимо, и что онъ послалъ Гекерну вторичный вызовъ. Князя не было дома. Вечеръ длился долго. Княгиня Вяземская умоляла Василья Перовскаго и графа М. Ю. Вельегорскаго дождаться князя и вмѣстѣ обсудить, какія надо принять мѣры. Но князь вернулся очень поздно. На другой день Наталья Николаевна прислала сказать своей пріятельницѣ, дочери Вяземскихъ, Марьѣ Петровнѣ Валуевой, о случившемся у нихъ страш-

номъ несчастіи. Валуева была беременна, и мать не пустила ее въ домъ смертной тревоги, но отправилась сама и до кончины Пушкина проводила тамъ всѣ сутки. Она помнитъ, какъ, въ одну изъ предсмертныхъ ночей, доктора, думая облегчить страданія, поставили промывательное, отчего пуля стала давить кишки, и умирающій издавалъ такіе крики, что княгиня Вяземская и Александра Николаевна Гончарова, дремавшія въ сосѣдней комнатѣ, вскочили отъ испуга. Прощаясь съ женою, Пушкинъ сказалъ ей: „Vas en campagne, porte mon deuil pendant deux années, puis remaries-toi, mais pas avec un chenapan“ *). Диванъ, на которомъ лежалъ умиравшій Пушкинъ, былъ отгороженъ отъ двери книжными полками. Войдя въ комнату, сквозь промежутки полокъ и книгъ можно было видѣть страдальца. Тутъ стояла княгиня Вяземская въ самыя минуты послѣднихъ его вздоховъ. Даль сидѣлъ у дивана; кто-то еще былъ въ комнатѣ. Княгиня говоритъ, что нельзя забыть божественнаго спокойствія, разлившагося по лицу Пушкина, того спокойствія, о которомъ пишетъ Жуковскій.

На одномъ вечерѣ Гекернъ, по обыкновенію, сидѣлъ подлѣ Пушкиной и забавлялъ ее собою. Вдругъ мужъ, издали слѣдившій за ними, замѣтилъ, что она вздрогнула. Онъ немедленно увезъ ее домой и дорогою узналъ отъ нея, что Гекернъ, говоря о томъ, что у него былъ мозольный операторъ, тотъ самый, который обрѣзывалъ мозоли Натальѣ Николаевнѣ, прибавилъ: Il m'a dit que le cor de madame Pouchkine est plus beau que le mien. Пушкинъ самъ передавалъ объ этой наглости княгинѣ Вяземской.

Пушкина чувствовала къ Гекерну родъ признательности за то, что онъ постоянно занималъ ее и старался быть ей пріятнымъ.

На выносъ тѣла изъ дому въ церковь Н. Н. Пушкина не явилась отъ истомленія и отъ того, что не хотѣла показываться жандармамъ.

Пушкинъ не любилъ стоять рядомъ съ своею женою и шутя говаривалъ, что ему подлѣ нея быть унизительно: такъ малъ былъ онъ въ сравненіи съ нею ростомъ.

Жену свою Пушкинъ иногда звалъ: моя косая Мадонна. У нея глаза были нѣсколько вкось. Пушкинъ восхищался природнымъ здравымъ ея смысломъ. Она тоже любила его дѣйствительно. Княгиня Вяземская не можетъ забыть ея страданій въ предсмертные

---

*) Ступай въ деревню, носи по мнѣ трауръ два года, и потомъ выходи за мужъ, но за человѣка порядочнаго.

дни ея мужа. Конвульсіи гибкой станомъ женщины были таковы, что ноги ея доходили до головы. Судороги въ ногахъ долго продолжались у нея и послѣ, начинаясь обыкновенно въ 11 часовъ вечера.

Venez m'aider à faire respecter l'appartement d'une veuve. Эти слова графиня Юлія Строгонова повторяла неоднократно и даже написала о томъ мужу въ запискѣ, отправленной въ III-е Отдѣленіе, гдѣ тотъ находился по распоряженіямъ о похоронахъ. Пушкина хоронили на счетъ графа Г. А. Строгонова. Митрополитъ Серафимъ, по чьимъ-то внушеніямъ, дѣлалъ разныя затрудненія.

Старикъ баронъ Гекернъ былъ извѣстенъ распутствомъ. Онъ окружалъ себя молодыми людьми наглаго разврата и охотниками до любовныхъ сплетень и всяческихъ интригъ по этой части; въ числѣ ихъ находились князь Петръ Долгоруковъ и графъ Л. С.

Наканунѣ дуели былъ раутъ у графини Разумовской. Кто-то говоритъ Вяземскому: „Пойдите, посмотрите, Пушкинъ о чемъ-то объясняется съ Даршіакомъ; тутъ что-нибудь недоброе.“ Вяземскій направился въ ту сторону, гдѣ были Пушкинъ и Даршіакъ; но у нихъ разговоръ прекратился.

Княгинѣ Вяземской говорили, что отецъ и мать Гекерна жили въ Страсбургѣ вполнѣ согласно, и никакого не было подозрѣнія, чтобы молодой Гекернъ былъ чей-нибудь незаконный сынъ. Одинъ изъ чиновниковъ Голандскаго посольства Геверсъ открыто говорилъ, что посланникъ ихъ лжетъ, давая въ обществѣ знать, будто молодой человѣкъ его незаконный сынъ.

Пушкинъ говаривалъ, что, какъ скоро ему понравится женщина, то, уходя или уѣзжая отъ нея, онъ долго продолжаетъ быть мысленно съ нею и въ воображеніи увозитъ ее съ собою, сажаетъ ее въ экипажъ, предупреждаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ будетъ толчокъ, одѣваетъ ей плечи, цѣлуетъ у нея руку и пр. Однажды княгиня Вяземская, посылая къ нему слугу, велѣла спросить, съ кѣмъ онъ тотъ день уѣзжаетъ.—„Скажи, что самъ-третей“, отвѣчалъ Пушкинъ.—Услыхавъ этотъ отвѣтъ, „третьею вѣрно ты“, замѣтилъ князь Вяземскій своей женѣ.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1822 и 1823 годы.

(Май 1822 — Декабрь 1823).

Передъ въѣздомъ въ Тарки я былъ встрѣченъ мирзою Исмаиломъ и однимъ изъ сыновей шамхала, Али-Бури. Шамхала въ Таркахъ не было; онъ выѣхалъ въ Буйнаки подъ предлогомъ встрѣтить Вельяминова, но вѣроятно для того, чтобы избѣжать хлопотъ, предстоящихъ ему при построеніи крѣпости.

Тарковская крѣпость, названная Бурной, строилась съ весьма малыми средствами отъ казны, почти на счетъ обывателей, которыхъ все прошлое лѣто Вельяминовъ безъ пощады понуждалъ въ возкѣ матеріаловъ. Она вся каменная и построена на отвѣсномъ обрывѣ скалы, подъ которой и по покатости горъ расположенъ городъ Тарки. Шамхалъ, по свойственной Азіятцамъ лѣни и безпечности, медленно способствовалъ къ производству, но не могъ и отказаться отъ сего, боясь съ одной стороны главнокомандующаго, а съ другой—непріятелей своихъ: Ахметъ-султана Аварскаго (котораго лишили, два года тому назадъ, ханства и отдали владѣнія шамхалу) и Шихъ-Али-хана, который за два дни до моего пріѣзда умеръ. Мирза-Исмаилъ, умный и расторопный Персіянинъ, въѣхавшій нѣкогда изъ Казбека въ Астрахань для взысканія долговъ своихъ, помѣстился у шамхала на службу и управляетъ всѣмъ владѣніемъ. Человѣкъ сей храбръ, дѣятеленъ и смышленъ. Онъ преданъ намъ, трудится въ доставленіи матеріаловъ и нарядѣ жителей на работу и черезъ то нажилъ себѣ непріятеля въ шамхалѣ. По прибытіи моемъ въ Тарки явились ко мнѣ баталіон. командиры: маіоръ Мурзановъ Апшеронскаго 2-го и маіоръ Износковъ

---

*) См. выше, стр. 97. Читатели припомнятъ, что Н. Н. Муравьевъ посланъ былъ А. П. Ермоловымъ въ Тарки начальствовать надъ двумя баталіонами, окончить строеніе Тарковской крѣпости и наблюдать за спокойствіемъ недавно покоренныхъ жителей. Многими чертами дальнѣйшаго разсказа обновляется въ памяти извѣстный „Амалатъ-бекъ" Марлинскаго. П. Б.

Куринскаго 3-го, шт.-капитанъ Мейендорфъ піонерной роты 8-го полубаталіона, поручикъ Суворовъ 21-ой артилерійской бригады № 3-й легкой роты и Георгіевскій гарнизонной артилеріи прапорщикъ Кочерухинъ.

26 Мая я ѣздилъ смотрѣть лагерь и крѣпость. Въ лагерѣ я нашелъ большое неустройство, въ крѣпости же строенія въ очень хорошемъ состояніи, чего нельзя было ожидать, потому что работы производились въ прошломъ году очень поздно осенью.

27-го я отдалъ въ приказѣ, чтобы маіоръ Мурзановъ былъ начальникомъ въ лагерѣ и чтобы къ нему относились прочіе частные начальники, между тѣмъ приказалъ приступить къ починкѣ и пріемкѣ инструментовъ.

30-го начались каменныя работы закладной стѣны, служащей перилами на краю скалы. Офицерскія строенія и прочіе дома внутри крѣпости начнутся только по прибытіи Алексѣя Александровича *), который самъ хотѣлъ ихъ назначить. Вчера явился ко мнѣ приставъ Мехтулинскихъ владѣній Батыревъ, прапорщикъ Кизлярскаго войска, у котораго я распросилъ о расположеніи жителей намъ непріазненныхъ деревень.

31-го Мая я командировалъ въ Кубу имѣющіяся здѣсь 6-ть орудій, которыя смѣнились прибывшими сюда три дня тому назадъ 4-мя орудіями Кавказской гренадерской артилерійской бригады № 3 легкой роты съ прапорщикомъ Куколь-Яснопольскимъ.

Третьяго дни я былъ у жены шемхала Джегалъ-Пери-Ханумъ, сестры Шихъ-Али-хана, недавно умершаго. Я доставилъ ей письмо и шкатулку въ подарокъ отъ Алексѣя Петровича.

1-го Іюня я ѣздилъ ввечеру на гору смотрѣть работы, какъ и всякій день сіе дѣлаю. Каменная стѣна, которую я заложилъ на краю скалы, примѣтно подвигается.

3-го приходило ко мнѣ посольство отъ шамхала. Посольствомъ правилъ Али-Бури, побочный сынъ его, которому я запретилъ вмѣшиваться въ дѣла по нарядамъ жителей, потому что онъ мѣшалъ только Мирзѣ-Исмаилу въ его распоряженіяхъ. Съ нимъ пришли всѣ почетные старшины съ жалобою на Исмаила за то, что онъ билъ рабочихъ и что я потакалъ ему въ семъ. Али-Бури я прогналъ, съ другими поговорилъ и велѣлъ объявить шамхалу, что я болѣе обѣщаніямъ его исполнить возложенныя на него порученія Алексѣя Александровича Вельяминова не вѣрю, что онъ можетъ самъ ко мнѣ писать,

*) Вельяминова, который былъ тогда начальникомъ штаба у А. П. Ермолова. П. Б.

если дѣло имѣетъ, а не сноситься черезъ Али-Бури, а что я между тѣмъ буду продолжать съ лѣнивыхъ требовать.

4-го ввечеру пріѣхалъ гонецъ отъ шамхала съ письмомъ, которымъ онъ упрекаетъ меня въ упрекѣ, сдѣланномъ ему за неизготовленіе матеріаловъ, о которыхъ ему было приказано въ прошломъ году. Онъ обѣщается все доставить, но обѣщанія его считать нечего.

5-го пріѣхалъ сюда начальникъ штаба съ генераломъ Базилевичемъ. Они прибыли ввечеру и остановились въ домѣ шамхала, который самъ еще остался въ Буйнакахъ, гдѣ онъ будетъ праздновать байрамъ. Маіоръ Износковъ, не смотря на приказаніе отданное мною не являться къ генералу, пришелъ къ нему и отдалъ рапортъ. Я просилъ генерала устроить должный порядокъ въ отрядѣ или позволить мнѣ распорядиться для заведенія должнаго повиновенія; онъ обѣщался сіе сдѣлать.

6-го генералъ поѣхалъ въ лагерь и смотрѣлъ крѣпость. Я сталъ выговаривать Износкову его неповиновеніе; онъ имѣлъ дерзость отвѣчать мнѣ, что онъ имѣетъ всегда право видѣть начальника своего, не смотря на мое запрещеніе. Я просилъ генерала арестовать его; но генералъ не согласился на сіе, говоря, что онъ имѣетъ порученность при провіантѣ и что онъ его уйметъ.

7-го генералъ призывалъ маіоровъ и отдѣлалъ ихъ какъ должно; они стали смирны. Вчера я былъ три раза на горѣ.

9-го я получилъ на дняхъ слѣдующую жалобу. Одинъ Армянинъ взялъ прошлаго года откупъ для продажи водки у шамхала; другой, товарищъ его, пріѣхалъ вскорѣ, и шамхалъ отдалъ ему откупъ, а перваго заставилъ взять деньги свои назадъ. За нимъ пріѣхалъ третій, который еще больше денегъ далъ, и шамхалъ у втораго отнялъ откупъ и отдалъ ему. Износковъ былъ тогда здѣсь старшимъ; онъ запретилъ сему Армянину продавать Русскимъ водку, потому что онъ подрывалъ симъ прежняго товарища своего; но, желая воспользоваться симъ случаемъ, запечаталъ его лавку и поставилъ часоваго. Онъ 22 дня его держалъ такимъ образомъ и просилъ съ него подарка. Армянинъ поднесъ ему три пуда сахару, подарилъ его наложницѣ водки, чаю, и получилъ позволеніе продавать солдатамъ водку. Я увидѣлся съ Износковымъ и сказалъ ему о жалобѣ, на него поданной. Онъ признался и хотѣлъ заплатить все Армянину. Когда же дѣло дошло до расплаты, то сталъ показывать, что Армянинъ съ него лишнее требовалъ. Я ему два раза приказывалъ удовлетворить маркитанта, стращая его тѣмъ, что донесу о семъ по начальству. Армянина удовлетворили. Послѣ того я послалъ его къ Износкову же для полученія двухъ сотъ ударовъ за то, что онъ давалъ подарки, что, пользуясь нѣсколько мѣся-

цевъ исключительною продажею водки, онъ желалъ воротить убытки свои, которые уже давно были вознаграждены на счетъ солдатъ.

Вчера уѣхалъ отсюда Базилевичъ на линію. Послѣ обѣда было въ лагерѣ наказаніе 10 здѣшнихъ деревень обывателей, которые бѣжали съ наряженными на работу подводами; нѣкоторыхъ сквозь строй прогнали, а другихъ наказали просто. Всѣ сіи дни я былъ очень занятъ службою и работами въ крѣпости, такъ что едва имѣлъ время для отдыха. И кажется, что все лѣто мнѣ не удастся приняться за чтеніе привезенныхъ мною книгъ или за собственныя занятія свои. Третьго дня былъ у мусульмановъ праздникъ ихъ разговленія и новый мѣсяцъ.

11-го кончилось наказаніе маркитанта, котораго Износковъ жестоко билъ. Я боялся, чтобы онъ не умеръ отъ побоевъ; но къ вечеру ему было лучше.

12-го пріѣхалъ сюда шамхалъ. Ввечеру я ходилъ къ нему съ Алексѣемъ Александровичемъ. Человѣкъ немолодой, тучный безъ мѣры, обрюзглый и лѣнивый, впрочемъ говорятъ добрый, но безпечный и неспособный къ какому бы то ни было дѣлу.

13-го уѣхалъ отсюда Вельяминовъ поутру.

14-го Ввечеру прибылъ бригадный командиръ г.-маіоръ баронъ Вреде, а съ нимъ и Петровичъ.

15-го баронъ Вреде дѣлалъ смотръ войскамъ, по чему работы были прекращены. Онъ обѣдалъ у меня.

16-го я обѣдалъ у шамхала съ барономъ, который попеременно съ шамхаломъ меня пилили. Баронъ, умный, воспитанный и любезный человѣкъ, не щадитъ разговоромъ своего сосѣда.

17-го баронъ уѣхалъ поутру рано, и я сталъ нѣсколько спокойнѣе. Занятія мои очень обширны; но я могу поспѣть съ ними, распредѣливъ порядочно свое время.

18 и 19 я былъ очень занятъ бумагами и разборами, розысками виновныхъ въ баталіонахъ, въ невысылкѣ на работу людей. Татаръ я сталъ за наказаніе сажать подъ караулъ и отдавать въ крѣпостную работу.

20-го ввечеру я отправился въ табунъ для осмотрѣнія его. Прибывъ ночью къ табуну тайкомъ, я приказалъ отогнать его, буде его плошно караулятъ; но нашелъ его въ должномъ порядкѣ и приказалъ бить тревогу, дабы увидѣть, скоро ли изъ лагеря казачьго поспѣетъ помощь. Едва прошло полминуты, какъ пѣхота и конница изъ казачьго лагеря прибыли; едва по мнѣ не выстрѣлили. Я ночевалъ въ шалашѣ у есаула Сѣрякова, а на другой день

21-го возвратился въ Тарки, гдѣ нашелъ новые безпорядки, про-

исшедшіе отъ слабости маіора Мурзанова, котораго я принужденъ былъ посадить на гауптвахту и написать о семъ Вельяминову не рапортомъ, а письмомъ.

22-го пріѣхалъ сюда ввечеру Донской подполковникъ Кузнецовъ, который ведетъ табунъ Ширванскихъ бывшихъ Мустафы-хана кобылицъ на казенные заводы въ Воронежскую губернію.

23-го я узналъ о случившемся новомъ происшествіи. Износковъ, оставаясь послѣ ареста Мурзанова, отдалъ приказаніе наряженнымъ на работу офицерамъ не приниматься за дѣло до прибытія артилерійскихъ офицеровъ. Сіе сдѣлано на зло имъ, потому что они опаздывали. Между тѣмъ работа два часа не продолжалась; я спрашивалъ его о причинѣ такого поступка бумагою, онъ отвѣчалъ мнѣ безтолковымъ рапортомъ; невнятное оправданіе его будетъ представлено Алексѣю Петровичу.

24-го прибылъ сюда табунъ Кузнецова. Я послалъ донесеніе Алексѣю Петровичу, въ коемъ представилъ ему гнусное и своевольное поведеніе Износкова, прося удалить его отсюда на все время командованія моего отрядомъ.

26-го Износковъ сдѣлалъ новую дерзость: онъ подписалъ проѣзжему билетъ для слѣдованія въ Дербентъ. Я уличилъ его въ винѣ, билетъ представилъ къ главнокомандующему. Ввечеру я купался въ бассейнѣ, выстроенномъ мною на горѣ въ скалахъ, висящихъ почти надъ моею квартирою и осѣненныхъ тѣнью большихъ деревьевъ. Поутру ушелъ отсюда съ казеннымъ табуномъ Кузнецовъ въ Енги-юртъ

27-го происходилъ судъ двухъ Персіянъ, изъ коихъ одинъ отказывался за бѣдностью заплатить другому 1000 р. сер., которые онъ ему долженъ былъ. Я посылалъ осмотрѣть его лавку, и въ ней нашлось 600 р. сер., которыми удовлетворенъ былъ ссудитель, давши ему еще 4 мѣсяца для уплаты остальныхъ.

30-го Іюня. Къ шамхалу пріѣхало нѣсколько дней тому назадъ два человѣка умершаго Шихъ-Али-хана съ просьбою, чтобы позволили семейству и служителямъ его переѣхать въ Кубу или Дербентъ, для свободнаго житья, а тѣло похоронить на кладбищѣ его праотцевъ, тоже въ Кубѣ. Шамхалъ мнѣ самъ объявилъ сіе и сказалъ, что онъ безъ моего позволенія людей сихъ не отпуститъ, а между тѣмъ просилъ меня, дабы я доложилъ о семъ Алексѣю Петровичу. Третьяго дня онъ прислалъ мнѣ сказать, что не можетъ болѣе держать ихъ, ибо онъ обѣщался отправить ихъ черезъ три дня и просилъ моего согласія на ихъ отправленіе. Я отвѣчалъ ему, что надѣюсь на данное имъ слово не отправлять ихъ безъ меня, что впрочемъ онъ воленъ у себя въ домѣ дѣлать чтó хочетъ. Шамхалъ вчера поутру

рано отправилъ ихъ. Я послалъ сдѣлать имъ засаду; ихъ захватили внѣ города и посадили въ крѣпость, послѣ чего я послалъ сказать шамхалу, что поймано два человѣка Шихъ-Али-хана и чтобы онъ своихъ двухъ не выпускалъ согласно данному мнѣ обѣщанію; въ противномъ же случаѣ я и ихъ поймаю. Въ письмахъ ихъ ничего не было замѣтно дурнаго, но я не могу отпустить ихъ безъ воли Алексѣя Петровича, не взирая на то, что шамхалъ за сіе на меня очень сердится.

2-го Іюля. Акушинцы привели ко мнѣ двухъ Русскихъ, которыхъ они уже десять лѣтъ содержали и просили, чтобъ я возвратилъ имъ захваченныхъ ихъ людей, которыхъ я заставлялъ въ крѣпости работать. Я имъ отдалъ 24 человѣка, а оставшихся 20 обѣщался тогда возвратить, когда приведутъ имѣющихся у нихъ еще двухъ человѣкъ Русскихъ.

4-го. Ввечеру обрывали порохомъ верхній край скалы противъ середины крѣпости для устроенія веревочной машины къ подъему воды. Большіе камни, падая съ 30-ти саженной вышины, ударялись съ большою силою объ землю и скалу и отпрыгивая катились далеко по покатостямъ.

5-го. Акушинцы привели мнѣ еще одного плѣннаго, который у нихъ уже 27 лѣтъ содержался. Онъ притворился, что уже не зналъ порусски; но когда его пристрастили, то онъ сталъ говорить. Я его отдалъ подъ караулъ, велѣлъ съ него снять показаніе и отдалъ приведшимъ его 28 человѣкъ Кутенгелинцевъ или жителей той деревни, гдѣ находился сей плѣнный (которому хотѣлось возвратиться къ нимъ).

7-го. Вчера получилъ я письмо изъ Туркменіи отъ Кіата, который извѣщаетъ меня, что разбитое прошлою зимою судно въ Туркменіи попалось къ Карабугазу, откуда приплыло къ нему въ Челекень три человѣка на бударѣ, въ числѣ коихъ былъ штурманъ 12-го класса Барановъ съ погибшаго судна, который и просилъ вспомоществованія для выгрузки казеннаго провіанта тамъ оставшагося и спасенія остальныхъ людей. Кіатъ отправился съ ними къ Карабугазу, взявъ съ собою 58 человѣкъ вооруженныхъ Челекенцевъ; по прибытіи туда они увидѣли, что остальные семь музуровъ были уже взяты въ плѣнъ и что набѣжало 200 человѣкъ вооруженныхъ Туркменъ Мангышлакскаго поколѣнія Игдырь. Кіатъ увѣщевалъ ихъ по крайней мѣрѣ людей отдать, но они не соглашались на то и едва не отняли у него одного изъ трехъ имъ привезенныхъ. Угдыри вынули сабли, и Кіатъ принужденъ былъ уступить; и такъ онъ отправилъ сихъ трехъ человѣкъ на шкоутѣ Вартанга, ходившемъ въ нынѣшнемъ году туда на промыслъ. Кіатъ еще извѣщаетъ меня, что

Шахъ-Зада посылалъ 350 человѣкъ конницы въ оставленную мною Вознесенскую крѣпость и велѣлъ разорить ее, и что всякій изъ сихъ людей взялъ по одному мѣшку камней изъ крѣпости и привезъ ихъ къ Шахъ-Задѣ Астрабадскому. Онъ также извѣщаетъ меня о дурныхъ расположеніяхъ Хивинскаго хана къ намъ, который отказался возвратить украденнаго въ прошломъ году, въ бытность мою, мальчика Шахъ-Мамета, за то, что служилъ Русскимъ, говоря, что онъ еще въ передпрошломъ году показалъ свою вражду къ Русскимъ, желалъ похоронить живаго ихъ посланника (то-есть меня), но что онъ уступилъ тогда просьбѣ Ніасъ-Батыря, а что нынѣ Туркмены, Русскимъ преданные, могутъ сами выкупить мальчика. Наконецъ, онъ пишетъ ко мнѣ, что проситъ главнокомандующаго о исполненіи прежнихъ желаній его и возвратить ему сына Якши-Мегмеда, если онъ здѣсь болѣе не нуженъ, и прилагаетъ письмо, которое проситъ меня доставить къ Алексѣю Петровичу. Человѣкъ сей, преданный Россіи и служившій намъ, теперь оставленъ и не имѣетъ въ родинѣ своей почти убѣжища отъ окружающихъ его непріятелей.

15-го. Имѣя болѣе свободы отъ письменныхъ дѣлъ, я сталъ опять заниматься Арабскимъ языкомъ и Персидскимъ, чтеніемъ и музыкою, какъ въ Тифлисѣ.

20-го. Всѣ сіи дни проходили какъ по обыкновенному, кромѣ вчерашняго, въ который я получилъ бумаги отъ Алексѣя Петровича. Разрѣшая мнѣ нѣкоторые случаи, онъ велѣлъ мнѣ выпустить Зейкенъ-бега, и если отпускъ его ободритъ другихъ товарищей его (которыхъ онъ называетъ) сюда пріѣхать, то ихъ захватить и содержать какъ преступниковъ; между тѣмъ онъ запрещаетъ шамхалу женить сына своего на дочери убившаго князя Циціанова Бакинскаго хана. Онъ пишетъ мнѣ, чтобы я выручалъ Русскихъ изъ Акуши, что Износкова онъ приказалъ смѣнить и что я скоро получу другое порученіе. Между тѣмъ онъ пишетъ ко мнѣ своеручное письмо, которымъ извѣщаетъ меня о томъ, что уже въ приказахъ есть о моемъ назначеніи въ командиры 7-го карабинернаго полка. Извѣстіе сіе меня чрезвычайно порадовало.

26—28. Провелъ я въ сильныхъ занятіяхъ; бумагъ было множество. Я отправлялъ двѣ летучія карты къ старому Вельяминову и къ Алексѣю Петровичу; словомъ, я цѣлый день сидѣлъ за бумагами и вчера еще долженъ былъ отправить отсюда Трубникова въ отрядъ къ Алексѣю Петровичу, по предписанію начальника штаба. Вчера ушибло на известковой работѣ двухъ Татаръ, изъ коихъ одинъ подъ вечеръ сталъ опамятоваться, а другой былъ безъ надежды и безъ памяти, и вѣроятно въ сію ночь умеръ.

29-го числа. Былъ наряженъ въ караулъ одинъ офицеръ Куринскаго баталіона, прапорщикъ Ктитаревъ, котораго я не велѣлъ наряжать въ должность, потому что онъ приставленъ къ пріемкѣ лѣса. Когда я спросилъ причину сего бумагою у Износкова, то онъ свалилъ вину сего на самого Ктитарева, стараясь оправдаться невѣдѣніемъ сего. Я не принялъ сего пустаго оправданія и, причитая поступокъ сей къ неповиновенію, предписалъ Мурзанову арестовать его въ крѣпости. Износковъ прислалъ ко мнѣ шпагу свою, объявивъ, что болѣзнь препятствуетъ ему идти на гауптвахту. Вчера я предписалъ Мурзанову сходить къ нему съ лѣкаремъ и буде онъ въ состояніи идти, то употребить силу для отведенія его, на что онъ грозился Мурзанову, показывая ему руки свои, которыя, говорилъ онъ ему, еще здоровы. Мурзановъ оставилъ его и донесъ мнѣ о происшедшемъ. Участь Износкова послѣ сего поступка быть солдатомъ. Не желая сдѣлать его несчастнымъ, я послалъ вчера ввечеру за Куколь-Яснопольскимъ, къ которому онъ имѣетъ довѣренность, и просилъ его уговорить Износкова идти на гауптвахту, что за старые проступки ему позволено будетъ выдти въ отставку безъ всякаго посрамленія, но что за сіе онъ будетъ неминуемо солдатомъ, и такъ что я ему позволяю одуматься и идти самовольно въ крѣпость на гауптвахту.

31-го. Пришелъ отвѣтъ отъ Износкова, коимъ онъ соглашался идти въ крѣпость, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему не на гауптвахтѣ сидѣть, а чтобы ему палатку разбили среди крѣпости. Видя, что съ безумцемъ никакого толка не будетъ, я представилъ Алексѣю Петровичу о семъ рапортомъ.

6-го. Получилъ я предписаніе отъ И. А. Вельяминова, коимъ онъ предписываетъ мнѣ смѣнить Износкова кѣмъ-либо другимъ изъ офицеровъ баталіона его, до назначенія бригаднымъ командиромъ другаго штабъ-офицера на его мѣсто.

8-го. Пріѣхалъ ко мнѣ Бакинскій мирза мой Магмедъ-Гуссейнъ, а Петровичъ уѣхалъ назадъ въ Дербентъ. Первый пріѣхалъ за полученіемъ 500 рублей ассигнаціями, подаренныхъ ему Алексѣемъ Петровичемъ въ награжденіе за службу его въ Туркменіи.

15-го Августа. Вчера ввечеру прибыла летучая отъ начальника штаба отъ 9-го Августа, въ коей онъ, разрѣшая мнѣ почти всѣ вопросы, ничего не пишетъ на счетъ Износкова. Кажется, что онъ еще не получилъ рапорта моего, написаннаго однакоже отъ 1-го Августа.

Давно уже не писалъ я сего журнала. Обыкновенный ходъ моихъ занятій прервался, время мое пропадало. Я дожидался отвѣта на счетъ Износкова дѣла; я не зналъ еще, какъ Алексѣй Петровичъ приметъ сіе дѣло, но зналъ, что часто строгимъ взысканіемъ онъ пренебрегаетъ и ба-

луетъ черезъ сіе своихъ подчиненныхъ. Онъ часто бываетъ слишкомъ ласковъ и слишкомъ милостивъ съ людьми, не заслуживающими сего. Боялся узнать, что онъ недоволенъ моимъ поступкомъ, тогда какъ мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ или арестовать Износкова, или позволить совершенное возмущеніе въ баталіонѣ его.

На дняхъ я получилъ предписаніе начальника штаба, въ коемъ онъ пишетъ мнѣ, что я не долженъ былъ подвергать аресту офицера, имѣющаго Георгіевскій крестъ, и что Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ замѣтить сіе. Я не отдалъ затѣмъ шпаги Износкову, ибо сіе произвело бы весьма дурныя послѣдствія; не писалъ къ Алексѣю Петровичу, ибо, стараясь оправдываться, я бы болѣе обвинилъ себя, и потому рѣшился дождаться: можетъ быть, время приведетъ новыя обстоятельства, которыя дадутъ мнѣ случай поправить сіе дѣло, въ коемъ я долженъ былъ избрать изъ двухъ отвѣтственностей меньшую; можетъ быть, самъ Алексѣй Петровичъ, сожалѣя о замѣчаніи мнѣ данномъ, одумается и поправитъ сіе письмомъ; можетъ быть, Верховскій пріѣдетъ и скажетъ мнѣ подробнѣе, какъ главнокомандующій сіе дѣло понимаетъ, и дастъ мнѣ хорошій совѣтъ. Я рѣшился дождаться 15-го числа сего мѣсяца, въ которое время я долженъ доносить Алексѣю Петровичу объ успѣхѣ работъ. Если время не приведетъ никакого полезнаго обстоятельства для сего дѣла, я еще обдумаю порядочно и, можетъ быть, рѣшусь написать къ Алексѣю Петровичу. На дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Тифлиса урядникъ казачій, привезшій мнѣ сумму отъ И. А. Вельяминова для уплаты рабочимъ. Сей урядникъ объявилъ мнѣ вчера, передъ обратнымъ отъѣздомъ своимъ, когда я ему отдавалъ бурку, обѣщанную мною князю Бебутову, для доставленія ему, что старикъ сей передъ выѣздомъ его изъ Тифлиса умеръ. Меня поразило сіе извѣстіе, ибо я уважалъ его и люблю дружески сына его и все семейство.

10-го. Обстоятельства перемѣнились; но я все еще не покоенъ, и время мое пропадаетъ всякій день. Въ теченіи сего времени прибылъ сюда маіоръ Асѣевъ, для командованія баталіономъ Износкова. Онъ принялъ баталіонъ, а Износкову я возвратилъ шпагу. Недавно пріѣзжалъ сюда Карчевскій, командиръ Апшеронскаго полка. Въ бытность его здѣсь Износковъ, уже прежде сего намѣревавшійся просить у меня прощенія, пришелъ ко мнѣ и, повинясь совершенно, просилъ меня быть ходатаемъ о его прощеніи у Алексѣя Петровича.

4-го Октября Карчевскій уѣхалъ отсюда, а Износковъ написалъ письмо къ Ермолову, которое онъ мнѣ вручилъ, а я отправилъ при своемъ письмѣ, прося, чтобы по отбытіи моемъ отсюда ему возвра-

тили баталіонъ, коего онъ лишился. Я ожидаю рѣшенія, которое выйдетъ сему дѣлу, дабы взять мѣры, чтобы замѣчаніе, посланное мнѣ Алексѣемъ Петровичемъ, загладилось. Между тѣмъ Износковъ, просившійся у меня на 12 дней въ Кубу, отпущенъ мною *).

*

Уже нѣсколько разъ прерывались записки сіи, но ни однажды не прерывались онѣ еще на столь долгое время какъ нынѣ: вотъ уже болѣе года какъ я не принимался за нихъ. Не въ лѣности заключается причина сего: я былъ крайне занятъ дѣлами по службѣ, и теперь принимаюсь за нихъ. Не полагаю, чтобы возрастъ мой или лѣта были сему причиною. Почему не писать и въ сорокъ лѣтъ журнала, а мнѣ еще 30-ти нѣтъ. Положимъ, что когда за 40 лѣтъ, то занятіе сіе можетъ показаться скучнымъ, а всего болѣе безполезнымъ: мало останется въ предположеніи лѣтъ для того, чтобы, перечитывая прошедшее, воспользоваться ошибками своими и впередъ ихъ не дѣлать; да и самая опытность созрѣвши не будетъ имѣть такой нужды въ сихъ справкахъ; и такъ останется въ виду уже не та цѣль, съ которою записки сіи писались въ молодыя лѣта. Тогда уже я всякій день долженъ приводить себѣ на память, что я пишу для своего потомства. Чтó же я передамъ потомству? Скучное описаніе поступковъ своихъ, изложенное во многихъ книгахъ, дурнымъ слогомъ, не переправленнымъ, записки писанныя въ торопяхъ, которыя, попавши въ руки постороннихъ людей, будутъ служить болѣе посмѣялищемъ, чѣмъ для пользы! Мысль сія, нѣсколько прискорбная, должна бы заблаговременно остановить меня въ семъ дѣлѣ; но, разсмотрѣвъ съ другой стороны, что я могу поручить ихъ человѣку, который не обратитъ во зло моей довѣренности, и главное, что злословіе, не имѣя уже предмета, могущаго оспаривать или огорчаться дѣйствіями онаго, умолкнетъ въ тѣсномъ кругу своего дѣйствія и въ скоромъ времени пресѣчется, ибо станетъ говорить о вещахъ и человѣкѣ, мало кого занимающихъ; притомъ же, вспомнивъ, что мертвыхъ ничто не безпокоитъ, я рѣшаюсь продолжать записки сіи для того единственно, что велъ ихъ до сего времени и не находилъ въ семъ обыкновеніи ни зла, ни большой траты времени. Тебѣ же, кому онѣ повѣрятся, если возмешь терпѣніе прочесть ихъ и хранить, поручаю прибавить къ нимъ обстоятельства моей смерти, дабы сдѣлать ихъ совершенно полными. Ты будешь въ правѣ истребить ихъ или держать у себя въ порядкѣ;

---

*) Дальнѣйшее писано слишкомъ черезъ годъ, въ Бешкегетѣ, гдѣ Н. Н. Муравьевъ командовалъ полкомъ, именно 17-го Декабря 1823. П. Б.

но предваряю тебя, что въ первомъ случаѣ ты долженъ бы выписать изъ нихъ все, касающееся до описанія видѣнныхъ мною мѣстъ. Статей таковыхъ много здѣсь найдется, и онѣ не должны пропадать, а служить для распространенія свѣдѣній, особливо о краѣ, еще столь мало извѣстномъ. Цѣль сія меня болѣе побуждаетъ вести сіи записки. Я бы самъ сдѣлалъ сіи выписки, если бы имѣлъ на то время; теперь же буду продолжать ихъ прежнимъ порядкомъ, смѣшивая свѣдѣнія сіи съ описаніемъ происшествій моей жизни.

Я видѣлъ ошибку, сдѣланную мною въ Таркахъ, когда обращался справедливо и строго съ подчиненными своими. Признавая только одно строгое исполненіе своихъ обязанностей, я начальствовалъ до того времени армейскимъ отрядомъ, не имѣлъ понятія о людяхъ составляющихъ общество офицеровъ въ полкахъ и не полагалъ, чтобы можно было пропускать важныя упущенія по службѣ, что даже должно было сіе дѣлать, особливо подъ начальствомъ Алексѣя Петровича, для того чтобы самому не навязаться на неудовольствіе. Я не имѣлъ еще въ виду того важнаго правила нашей военной службы, нынѣ узнаннаго мною—дѣлать только то, что̀ необходимо для того, чтобы не подвергнуть себя отвѣтственности, не помышляя много объ успѣхѣ дѣла и искорененіи зла. Я долженъ былъ скрывать неисправности подчиненныхъ, когда онѣ меня не вводили въ отвѣтственность и, судя по малому вниманію моего начальства къ поступкамъ частныхъ начальниковъ, не заботиться о всѣхъ упущеніяхъ и мерзостяхъ людей, мнѣ подчиненныхъ на самое короткое время, за коихъ дурную нравственность я ни предъ кѣмъ не отвѣчалъ. Правила сіи казались бы мнѣ странными и безчестными тогда; теперь, видя необходимость ихъ, порицаю поступки свои, называя ихъ безразсудными, но отнюдь не противными справедливости и чести.

Меня очень безпокоило замѣчаніе, полученное отъ Алексѣя Петровича черезъ начальника штаба. Мнительность и одиночество, въ которыхъ я находился, меня тревожили безъ мѣры. Я чрезвычайно желалъ видѣться съ кѣмъ нибудь изъ находившихся при главнокомандующемъ во время полученія моихъ донесеній, дабы узнать, какое впечатлѣніе онѣ сдѣлали, полагая, что сіе обстоятельство могло занять его столько, сколько и меня, и не подумавъ, что главнокомандующій, не имѣвшій причины сомнѣваться въ моей справедливости, могъ въ семъ случаѣ, при многихъ занятіяхъ своихъ, видѣть только неопытность мою, но, все таки заключить долженъ весьма дурно о моихъ подчиненныхъ, извѣстныхъ и доселѣ своею неисправностію и упущеніями. Не менѣе того, обстоятельство сіе меня столько безпокоило, что я готовъ былъ бы въ отставку подать, еслибъ домашнія обстоятель-

ства меня не понуждали въ службѣ оставаться. Тутъ я въ первый разъ узналъ настоящимъ образомъ, что̀ значитъ служить изъ необходимости и сожалѣлъ, что не могъ оставить сего скользкаго поприща, чтобы удалиться и жить въ независимости. Я узналъ, что Верховскій, возвратившійся изъ отряда Алексѣя Петровича, долженъ былъ на дняхъ пріѣхать къ командованію Куринскимъ полкомъ въ Дербентъ. Я послалъ Мещерякова съ письмомъ къ нему, въ коемъ убѣдительно просилъ его прибыть въ Буйнаки, что̀ въ 45 или 50 верстахъ отъ Тарковъ по дорогѣ къ Дербенту, для свиданія со мною. Богатая деревня сія принадлежитъ къ владѣніямъ шамхала и есть удѣлъ одного изъ законныхъ сыновей его Зобаира, мальчика 10 или 11 лѣтъ, который тамъ живетъ. Онъ принялъ меня, какъ владѣлецъ того мѣста, съ особенною ловкостью, несвойственной его лѣтамъ.

Верховскій прибылъ въ назначенный день. Я крайне обрадовался ему, тѣмъ болѣе, что много уважалъ сего человѣка и старался перенять отъ него благоразумную осторожность его въ обращеніи съ людьми, и хотя она была основана на сильной мнительности, но я видѣлъ, что безъ сего нельзя было обойтись въ службѣ, въ кругу людей совершенно постороннихъ одинъ другому и не связанныхъ ни дружбою, ни одними правилами. Мы провели ночь вмѣстѣ, всю почти въ разговорахъ, и онъ меня успокоилъ на счетъ дѣла Износкова, увѣривъ, что точно главнокомандующій никогда не сомнѣвался въ справедливости моихъ поступковъ и не показалъ даже большаго неудовольствія, узнавъ объ арестованіи маіоровъ, не обратилъ даже большаго вниманія на сей случай, не переставалъ знать меня таковымъ какъ и всегда полагалъ меня, и что я нисколько не лишился его довѣренности. И я долженъ былъ отъ души радоваться сему, видя необходимость оставаться въ службѣ, внутренно стыдился сему, но не открывалъ Верховскому чувствъ своихъ, зная, что онъ тутъ ничѣмъ не могъ утѣшить меня.

Это было въ Ноябрѣ. Мы разстались, и я далъ ему обѣщаніе въ путь свой ѣхать черезъ Дербентъ, дабы еще съ нимъ увидѣться, не взирая на просьбы Унгерна, уговаривавшаго меня ѣхать черезъ Кизляръ.

Холодъ усиливался, бури становились несносны на горѣ Тарковской, снѣга покрывали ее, и морозы начинали препятствовать работамъ; между тѣмъ по безпечности начальства отрядъ не распускался, и строеніе продолжалось. Я нѣсколько разъ уже писалъ о семъ къ начальнику штаба и не получалъ отвѣта. Жители приходили въ изнуреніе, лишались скота своего и не переставали изъ страха къ наказаніямъ повиноваться; но справедливая злоба не прекращалась противъ

насъ, и я очень опасался, чтобы не произошло отъ сего возмущенія, но не прекращалъ работъ безъ приказанія, ожидаемаго мною отъ начальника штаба.

Я перевелъ около 10-го числа Ноября мѣсяца отрядъ изъ лагеря въ городъ, и люди ежедневно ходили на гору на работу, пока я 23 или 24-го числа не получилъ по летучей картѣ предписанія, дабы прекратить работы и распустить отрядъ. Я немедленно сдѣлалъ сіе, и къ 1-му числу Декабря мѣсяца оставался уже въ Таркахъ одинъ Куринскій баталіонъ на зимовкѣ; въ крѣпость же ходила одна рота для занятія караула. Казармы хотя и были выстроены въ крѣпости, но по выдумкѣ инженеръ-капитана Газана (Француза, вкравшагося въ довѣренность къ начальнику штаба) онѣ покрывались уже два года сряду цементомъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дождевая вода, стекающая съ нихъ, собиралась въ бассейны, которые должны были напоять весь гарнизонъ; но цементъ сей, стоющій весьма дорого, солдатами, деньгами и обывателями, не удавался и, пропуская и вбирая въ себя воду дождевую, сгноилъ потолки. Примѣръ 1821 года былъ недостаточенъ для начальника штаба, который и въ 1822 велѣлъ тоже сдѣлать, отъ чего лишились мы успѣха деревянныхъ работъ, многихъ денегъ, нѣсколькихъ солдатъ и до 30 обывателей: ибо онъ заготовлялся въ весьма нездоровомъ мѣстѣ, откуда вывезено было до 300 больныхъ обывателей съ работъ. Вся крѣпость Тарковская была бы отпечаткомъ глупости, если бы не знали, что она предположена начальникомъ штаба, коего умъ и познанія извѣстны; но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно также упрямство и непомѣрный эгоизмъ, которые заставятъ его всѣмъ на свѣтѣ, чтò только не его собственное, пренебречь, лишь бы настоять на своемъ, хотя бы онъ и видѣлъ ошибку свою. Оттого самаго и выстроилась Тарковская крѣпость на высокой скалѣ, куда забраться весьма трудно, гдѣ нѣтъ ни капли воды и, чтò всего страннѣе, на сей высотѣ командуютъ ею на ружейный выстрѣлъ окрестныя возвышенія. Она выстроена по правиламъ фортификаціи и ничего не защищаетъ, ибо всѣ дороги идутъ мимо, и еслибы когда нибудь принуждены мы были Дагестанъ оставить, то оставили бы вмѣстѣ и крѣпость сію, въ коей нельзя держаться за неимѣніемъ воды. Для правильной защиты ея потребно до трехъ тысячъ человѣкъ. Казармъ въ ней дѣлается на двѣ роты, которыя уже всегда должны оставаться въ ней въ случаѣ военныхъ дѣйствій, для охраненія укрѣпленія, котораго никто не придетъ брать, ибо оно никому не мѣшаетъ и не вредитъ; и потому роты сіи должны быть исключены изъ числа дѣйствующихъ войскъ въ Грузіи.

Успѣхи сдѣланные въ строеніи въ 1822-мъ году были велики. Я самъ держалъ неослабный присмотръ за онымъ и, имѣя въ отрядѣ только половину того количества людей, которое находилось при семъ дѣлѣ въ 1821 году, я сдѣлалъ болѣе чѣмъ вдвое работы противъ того, что̀ тогда было сдѣлано, оставя то, что работа моя была вся изъ тесаннаго бѣлаго камня, высѣченнаго и обточеннаго правильно, а работа прошлаго года была изъ простаго камня, кладеннаго на известкѣ. Сію похвалу отдамъ себѣ: она справедлива и пріобрѣтена трудами.

Инженеръ-капитанъ Газанъ, который имѣлъ надзоръ за работами, былъ человѣкъ умный и со свѣдѣніями, но совершенно безъ правилъ и чрезвычайно тяжелаго характера. Онъ дѣлалъ многіе поступки, которые заслуживали, чтобы его выгнать изъ службы нашей: воровалъ у жителей куръ, телятъ, нарушалъ права свои съ рабочими. Я иногда останавливалъ его ласковыми словами, и если бы не происшествіе Износкова, то принялся бы за него; но двухъ дѣлъ разомъ дѣлать нельзя. Онъ и въ 1821 году былъ уже замѣченъ съ весьма дурной стороны артилерійскимъ подполковникомъ Кацаревымъ, который завѣдывалъ работами и который, выведенный изъ терпѣнія, отказалъ ему отъ оныхъ; въ нынѣшнемъ же 1823 году піонерный подполковникъ Евреиновъ, который управлялъ работами, ему также отказалъ отъ работъ, и ссора ихъ была доведена обоими до свѣдѣнія начальника штаба, черезъ что Евреиновъ получилъ большія неудовольствія.

30-го Ноября Апшеронскій баталіонъ съ артилеріею выступилъ изъ Тарковъ въ Кубу; піонерная рота на линію съ казаками, а я, отпустивъ къ своимъ мѣстамъ артилерійскихъ офицеровъ, надзиравшихъ за работами, отправился самъ 1-го Декабря въ Тифлисъ, черезъ Дербентъ, весьма довольный тѣмъ, что въ бытность мою не случилось возмущенія, чего легко можно было ожидать отъ насильственныхъ работъ, къ коимъ я по приказанію начальника штаба побуждалъ жителей. Одна строгость могла ихъ содержать въ порядкѣ при такихъ трудахъ и повинностяхъ; они сознавались, что строеніе сей крѣпости было для нихъ съ неба сосланное наказаніе за то, что они въ 1820 году взбунтовались противъ добраго владѣльца своего шамхала. Жители Мехтулинскихъ деревень, недавно покоренные Алексѣемъ Петровичемъ, до того времени были народъ вольный, управлявшійся всегда своими древними обычаями, а нынѣ подъ надзоромъ одного Русскаго пристава прапорщика Батырева повиновались съ покорностію и терпѣливо переносили строгія взысканія за то, что они иногда избѣгали разорительныхъ требованій, подводами и людьми на нихъ налагаемыхъ. Шамхалъ не зналъ что̀ дѣлать: весь народъ его былъ на построеніи; онъ боялся насъ, боялся своихъ подданныхъ и сосѣдей Акушинцевъ,

которые также были озлоблены тѣмъ, что я выручилъ отъ нихъ 46 человѣкъ Русскихъ, изъ коихъ иные уже по 20 и 30 лѣтъ у нихъ въ неволѣ были. Выручалъ же я ихъ, забирая въ плѣнъ жителей ихъ, пріѣзжавшихъ за солью въ шамхальство, заставляя ихъ работать въ крѣпости и возвращая по пяти человѣкъ за одного Русскаго, что̀ также было сдѣлано съ воли начальника штаба; но Акушинцы помнили зимній походъ къ нимъ Алексѣя Петровича и сраженіе подъ Лаватою и не смѣли тронуться. Они посылали ко мнѣ нѣсколько посольствъ; но я высылалъ ихъ изъ Тарковъ, не допуская до себя и содержалъ ихъ въ страхѣ бумагами, которыя къ нимъ писалъ; забратыхъ же въ плѣнъ заставлялъ работать въ крѣпости, преимущественно при добываніи воды посредствомъ машины и вѐрота, которые я устроилъ въ крѣпости, на берегу скалы, и которыми добывалось ежедневно одною бочкою воды на двѣ роты, изъ родника, находящагося въ городѣ у подошвы скалы. Бдѣніемъ и строгостію мнѣ удалось содержать въ порядкѣ Лезгинъ, привыкшихъ до того времени къ свободѣ и самоуправству. Но порядокъ сей не могъ долго существовать. Въ нынѣшнемъ году все взбунтовалось. Мехтулинцы убили пристава своего Батырева, Шамхальцы не стали повиноваться владѣтелю своему, и Алексѣй Петровичъ принужденъ былъ идти туда съ отрядомъ, гдѣ и остался зимовать. Но онъ не имѣлъ никакихъ дѣлъ, и возмущеніе было прекращено дѣйствіями бригаднаго генерала Фонъ-Краббе, который ходилъ къ нимъ съ отрядомъ изъ Кубы. Не менѣе того кажется, что дѣла были порядочныя; но присутствіе главнокомандующаго привело все въ порядокъ. Выѣзжая изъ Тарковъ, я долженъ былъ поручить край остававшемуся старшимъ и передалъ начальство новому командиру Куринскаго баталіона маіору Асѣеву, человѣку необразованному, развратнаго поведенія и вѣроятно корыстолюбивому, при томъ же слабому и весьма ограниченныхъ способностей ума. Шамхалъ, слабый, старый, боящійся своего народа и нашего правительства, не могъ управляться какъ настоящій владѣлецъ въ землѣ своей. Еслибы онъ могъ сіе дѣлать, то былъ бы опасенъ для насъ, потому что онъ не могъ переносить равнодушно тяжелыя и многочисленныя повинности, которыми мы разоряли народъ его; но, помня примѣръ 1819 года, когда всѣ почти его деревни взбунтовались, онъ оставался довольнымъ тѣми почестями, которыя ему Русскіе оказывали, и доходами съ жителей, въ надеждѣ, что онъ остатокъ старости своей проведетъ въ покоѣ и мало заботясь о томъ, что̀ послѣ него будетъ съ шамхальствомъ. Подполковникъ Евреиновъ, отправленный въ Тарки нынѣшней весною для командованія отрядомъ и строенія крѣпости Бурной, имѣлъ тѣже неопредѣленныя права на жителей, какъ и я. Не знаю поступ-

ковъ его; но человѣкъ сей, совершенный Европеецъ, со всѣми предубѣжденіями нашими, новый въ Азіи и чуждый обхожденію со здѣшними народами, вѣроятно не могъ и управлять ими ни строгостью, ни ласками, тѣмъ болѣе, что онъ и о языкахъ здѣшнихъ понятія не имѣетъ. Мирза-Исмаилъ, хитрый Персіянинъ, который находился при шамхалѣ, былъ человѣкъ умный и дѣятельности необыкновенной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокій и злой: онъ не разбиралъ почетныхъ людей между Лезгинами, не уважалъ старости и за неисполненіе приказаннаго взыскивалъ съ непомѣрною строгостью, черезъ что могъ способствовать къ озлобленію народа противъ насъ, еслибы его не воздерживать. При всемъ томъ онъ былъ необходимъ для насъ, и можно сказать, что во всемъ шамхальствѣ единый былъ человѣкъ, которому бы можно поручить непосредственное управленіе деревень. Онъ былъ честенъ, если не отъ природы, то изъ благоразумія, когда служилъ подъ моимъ начальствомъ. Сіе самое оправдывало его часто въ излишней взыскательности и не позволяло жителямъ на него жаловаться; но преданностью своею къ намъ онъ сдѣлалъ себѣ изъ шамхала естественнаго врага, который не могъ его съ рукъ сбыть, и давно бы истребилъ, еслибъ не опасался черезъ то оскорбить насъ. Полковникъ Верховскій, коему поручено было имѣть наблюденіе за краемъ, переносилъ въ нынѣшнемъ году штабъ-квартиру полка своего изъ Дербента; говорятъ, что большое число подводъ и повинности, наложенныя имъ по сему случаю на Каракайдакскія деревни, весьма ожесточили народъ противъ него. Алексѣю Петровичу мѣстное начальство доносило о готовящемся возмущеніи въ сихъ деревняхъ; онъ предписалъ Верховскому слѣдовать туда съ баталіономъ, что онъ и исполнилъ и, не замѣтя никакого движенія, донесъ, что все находится въ совершенномъ повиновеніи и что никто и не думалъ о возмущеніи. Вмѣстѣ съ симъ написалъ онъ письмо къ губернатору, въ коемъ извѣщалъ его, что въ слѣдъ за симъ пріѣдетъ въ Тифлисъ для женитьбы; ибо невѣста его, Пузыревскаго вдова, уѣхавшая самымъ оскорбительнымъ для него образомъ изъ Тифлиса, когда они уже были помолвлены, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, возвращалась. Верховскій посылалъ офицера за нею въ Митаву, и она прибыла въ Тифлисъ въ одинъ день почти со смертью жениха своего.

Верховскій, слѣдуя обратно съ баталіономъ изъ деревень Каракайдакскихъ, былъ уже въ недальнемъ разстояніи отъ Дербента, какъ, разговаривая съ своимъ полковымъ лекаремъ, онъ отъѣхалъ непримѣтнымъ образомъ на разстояніе одной версты отъ слѣдующаго за нимъ баталіона. За нимъ ѣхалъ Амулатъ съ тремя слугами своими, всѣ вооруженные. Спускаясь съ небольшаго пригорка, всѣ четверо

выстрѣлили въ него и, попавъ четырьмя пулями въ спину несчастному благодѣтелю своему, ускакали. Лѣкарь Амарантовъ, испугавшійся при видѣ полковника своего упавшаго въ крови съ лошади, поскакалъ къ баталіону съ симъ извѣстіемъ. Въ мигъ всѣ разсыпались нагонять Амулата, но уже поздно было: Амулатъ, имѣвшій сообщниковъ въ семъ злодѣйствѣ въ сосѣдственныхъ деревняхъ, перемѣнилъ лошадей и ускакалъ въ Аварію, гдѣ, по случаю смерти тамошняго хана Султанъ-Ахмета, его провозгласили ханомъ. Султанъ-Ахметъ, бывшій генералъ-лейтенантъ или генералъ-маіоръ и получавшій отъ двора нашего значительное жалованье, былъ естественный врагъ шамхалу и, имѣя владѣнія свои въ горахъ, въ надеждѣ на неприступность ихъ, не хотѣлъ покориться Алексѣю Петровичу, когда онъ съ войскомъ вступилъ въ Дагестанъ. Онъ сдѣлался намъ непримиримымъ врагомъ. Амулатъ заступилъ его мѣсто. Но дабы видѣть всю гнусность злодѣйства, сдѣланнаго Амулатомъ, надобно знать, что Амулатъ сей, женатый на дочери шамхала, былъ изгнанникъ изъ его владѣній. Фамилія его, оспоривавшаяся владѣніе сіе нынѣшнему Мехти-шамхалу, была въ гоненіи, можетъ быть несправедливымъ образомъ; но правительство наше предпочитало нынѣшняго слабаго старика сему молодому, храброму и пылкому человѣку. Онъ не переставалъ во все время кампаніи 1819 г. въ Дагестанѣ дѣйствовать противъ насъ, возмущалъ горцевъ, былъ въ дѣлахъ противъ нашихъ войскъ, разбойничалъ. Верховскій оставался зимою въ 1820 году командиромъ отряда во вновь завоеванныхъ деревняхъ Мехтулинскихъ, принадлежавшихъ Гассанъ-хану, и ему поручено было изловить Амулата и представить его какъ преступника для полученія казни. Смѣлый Амулатъ, терпя нужду въ горахъ и видя безполезность своего сопротивленія, рѣшился самъ явиться къ Верховскому и просить великодушной пощады. Онъ ее получилъ, и Алексѣй Петровичъ, уваживъ представленія Верховскаго, съ удовольствіемъ даровалъ ему жизнь. Амулатъ, лишенный всего большаго родоваго имущества въ шамхальствѣ, жилъ при Верховскомъ до Сентября или Августа мѣсяца сего года, въ который онъ умертвилъ измѣнническимъ образомъ своего благодѣтеля. Въ Тифлисѣ, въ походахъ, Верховскій его всегда при себѣ имѣлъ, помогалъ ему деньгами, содержалъ его и слугъ его съ лошадьми, ласкалъ, обучилъ нѣсколько Русской грамотѣ и берегъ его какъ сына, полюбивъ въ немъ казавшееся благородство души. Онъ примирилъ Алексѣя Петровича съ нимъ, доставилъ ему чинъ прапорщика и жалованье, наконецъ, передъ отъѣздомъ въ Дербентъ, выпросилъ позволеніе взять его и держать при себѣ, защищая его отъ обидъ шамхала. И кто бы могъ подумать, чтобы сей извергъ, облагодѣтельствованный Верховскимъ, могъ

быть его убійцею, по наученію горцевъ, обѣщавшихъ принять его къ себѣ въ ханы? Непростительно и Верховскому, позволившему Амулату столь ослѣпить себя, что онъ увѣрилъ его совершенно въ спокойствіи жителей и скрылъ всеобщій заговоръ, о коемъ узналъ командовавшій Чеченскою линіей г.-м. Грековъ и увѣдомилъ главнокомандующаго о томъ и о намѣреніи убить Верховскаго, за два дни до его смерти!

Вотъ начало и причины возмущенія, случившагося въ нынѣшнемъ году въ Дагестанѣ. Амулатъ, прибывши въ Аварію, немедленно собралъ войско и напалъ на транспортъ, слѣдующій къ отряду. Поспѣвшіе на помощь баталіоны Апшеронскаго полка дрались цѣлые сутки. Непріятель, бывшій въ весьма большихъ силахъ, нападалъ храбро, и сраженіе происходило цѣлые сутки на холодномъ оружіи. Ночью непріятель исчезъ, разбѣжавшись. Были еще другія дѣла, въ коихъ г.-маіоръ Фонъ-Краббе, тамошній бригадный командиръ, остался побѣдоноснымъ, тѣмъ что сжегъ нѣсколько деревень. Подполковникъ Евреиновъ также ходилъ съ отрядомъ въ Мехтулинскія деревни, которыя отказались высылать рабочихъ и захватили въ плѣнъ, изранивши сперва, своего пристава и переводчика при Евреиновѣ Мещерякова, который находился въ прошломъ году при мнѣ. Амулатъ, спѣшившій съ войскомъ, дабы захватить ихъ, опоздалъ: они уже были освобождены самими Мехтулинцами, опасавшимися мщенія нашего; но вслѣдъ за симъ, приставъ ихъ Батыревъ и переводчикъ его Митрофановъ были убиты изъ 30 ружей скрывавшимися въ засадѣ Мехтулинцами. Я слышалъ, что большія злоупотребленія и корыстолюбіе озлобили народъ противъ него; въ мою бытность онъ себя честно велъ. Алексѣй Петровичъ, взявшій для усиленія своего отряда 1-й баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка изъ Тифлиса, засталъ уже все усмиреннымъ и покорнымъ и, по извѣстіямъ мною полученнымъ, остается нынѣшнюю зиму въ Дагестанѣ на квартирахъ съ отрядомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію моихъ происшествій, я упомяну о нравахъ и обычаяхъ Лезгинъ, съ коими провелъ цѣлое лѣто. Дагестанъ занимаетъ всю восточную часть Кавказскихъ горъ, которая населена множествомъ народовъ разныхъ племенъ, одной вѣры, различныхъ обычаевъ, съ различными языками и управленіемъ. Я не въ состояніи войти въ подробное исчисленіе ихъ, по малому своему знанію ихъ; но что̀ знаю изложу здѣсь.

Восточная часть Кавказскихъ горъ можетъ раздѣлиться по мѣстному положенію своему на двѣ части: низменную, прилегающую къ берегу Каспійскаго моря, къ коей принадлежитъ также и часть покатости горъ, и горную, до самой вершины снѣговой цѣпи. Начиная описаніе сіе отъ праваго берега рѣки Сулака и простирая оное на

Югъ до Дербента, сѣверную часть низменнаго Дагестана составитъ шамхальское владѣніе, а за нимъ къ Югу до Дербента Каракайдакское уцмейство. Нынѣшній шамхалъ Мехти-ханъ ведетъ свой родъ отъ пророковъ. Правленіе всегда было болѣе патріархальное, чѣмъ самовластное, и онъ самъ всегда находился подъ вліяніемъ обычаевъ, которыхъ боялся преступить. Во владѣніяхъ его имѣется до 30 деревень, изъ коихъ главныя суть: Тарки, Буйнаки, Губденъ и Казалиши. Законная жена его—умная Персіянка, Пери-Джегалъ-Ханумъ, отъ которой онъ имѣетъ 5 или 6 сыновей, изъ коихъ старшій Солейманъ-паша, наслѣдникъ, 18 лѣтъ, избалованный мальчикъ, такъ какъ и всѣ наслѣдники у восточныхъ владѣльцевъ. Отецъ даже не заставляетъ его грамотѣ учиться, говоря, что онъ самъ обошелся безъ сего въ своей жизни, не забывалъ Бога и дожилъ благополучно до старости. Мальчикъ сей, пользующійся разными правами, но окруженный молодыми людьми развратными, проводитъ время на охотѣ и въ волокитствѣ. Меньшіе братья его имѣютъ свои удѣлы; они еще всѣ въ ребячествѣ, но обѣщаютъ болѣе старшаго. Удѣлы ихъ состоятъ въ деревняхъ, въ коихъ они и живутъ, подъ присмотромъ дядекъ своихъ; ибо обычай у шамхаловъ такой, что ни одного изъ сыновей своихъ не воспитываютъ дома, а отдаютъ ихъ богатому человѣку, который содержитъ ихъ на свой счетъ, воспитываетъ какъ хочетъ, имѣя въ виду управленіе удѣла за малолѣтняго и потому воспитаніе ихъ бываетъ совершенно пренебрежено, и шамхальскій сынъ наравнѣ съ другими мальчиками бѣгаетъ и играетъ на улицѣ, усовершенствуя дурныя или хорошія качества, данныя ему отъ природы.

Кромѣ сихъ сыновей шамхалъ имѣетъ еще другихъ, рожденныхъ отъ наложницъ, которые воспитываются такимъ же образомъ, называются ченке и пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ въ народѣ, но оказываютъ всегда, хотя они уже и во взрослыхъ лѣтахъ, почтеніе къ законнымъ дѣтямъ шамхала. Они не пользуются удѣльными деревнями, но жалуются землями, отъ коихъ получаютъ доходы. Вообще все потомство нынѣшняго шамхала отличается красотою своей.

Тарки можетъ быть названо столицею шамхальства. Обширная деревня сія лежитъ въ 4 верстахъ отъ моря, на покатости горъ; тутъ имѣется и замокъ шамхала—простое каменное строеніе, расположенное по азіятскому обычаю, въ коемъ шамхалъ большею частью имѣетъ свое пребываніе; но иногда живетъ онъ въ Казалишахъ и Буйнакахъ. Послѣдняя деревня расположеніемъ своимъ весьма похожа на Тарки.

Шамхалъ ведетъ жизнь умѣренную и не пышную; онъ часто показывается народу, который къ нему подходитъ безъ всякаго подобострастія, не такъ какъ въ Персіи, гдѣ народъ убѣгаетъ владѣтель-

ныхъ хановъ. Шамхалъ былъ прежде преданъ пьянству и съ окружающими его проводилъ по нѣскольку дней безъ просыпа, въ какое время и пользовались, дабы заставить его раздавать деньги и земли и дѣлать приговоры жестокихъ наказаній, какъ отрѣзаніе рукъ, выкалываніе глазъ, тѣмъ изъ подданныхъ, которые противны были окружавшимъ его. Палачъ, собесѣдникъ шамхала, съ нимъ вмѣстѣ напивался и исполнялъ велѣнія его со звѣрскимъ удовольствіемъ; но съ тѣхъ поръ какъ онъ далъ обѣщаніе Алексѣю Петровичу перестать пить, онъ сдержалъ свое слово, ведетъ жизнь умѣренную и трезвую, и добрый отъ души старикъ сей занимается разборомъ судебныхъ дѣлъ, когда просители къ нему приходятъ.

Владѣтели въ Дагестанѣ совершенно не то что въ Персіи и въ другихъ восточныхъ странахъ. Они могутъ болѣе называться старшими изъ старшихъ, чѣмъ государями. Правленіе ихъ патріархальное, и нарушеніе сихъ правъ можетъ только терпѣться въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда владѣтель покорилъ умы народа особенною бойкостью, смѣлостью или богатствомъ и пышностію, и въ особенности когда, имѣя владѣнія свои ближе къ морю, онъ находится подъ вліяніемъ могущественныхъ сосѣдей, которые находятъ выгоду свою въ утвержденіи власти его, для лучшаго содержанія въ покорности народа, подъ предлогомъ уваженія къ древнимъ обычаямъ ихъ и законному правленію. Послѣдній случай сей видимъ мы въ шамхальствѣ.

Шамхалъ часто бываетъ самъ судья, но никогда онъ не посягаетъ на разборъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже духовнымъ судомъ и самъ въ распряхъ съ сосѣдями прибѣгаетъ къ оному.

Я былъ любопытенъ узнать, какимъ образомъ могъ водвориться владѣтель въ земляхъ вольныхъ, сохранившихъ еще и до сихъ поръ всѣ древнія права, нравы и обычаи свои и не гнушающихся владыкою своимъ. Я узналъ, что соблюденіе правъ ихъ содѣлываетъ для нихъ шамхала совершенно сноснымъ. Водворенію же его начало было положено завоеваніями Аравитянъ, покорившихъ земли сіи, введшихъ въ оную законъ мусульманскій и оставившихъ, для поддержанія онаго, своихъ военачальниковъ, изъ числа родственниковъ Пророка. И такъ шамхалъ и прочіе владѣльцы Дагестана не ведутъ рода своего изъ числа природныхъ Лезгинъ; древнее же родство ихъ доставляетъ имъ уваженіе въ народѣ.

Весь народъ Дагестана исповѣдуетъ вѣру мусульманскую, Сунитскаго толка, и имѣетъ по сему непримиримую вражду къ Персіянамъ, принадлежащимъ къ расколу Али.

Окружающіе шамхала въ весьма маломъ количествѣ; ихъ почти никого и нѣтъ. Нѣкоторые старики, съ которыми онъ любитъ прово-

дить время, приходятъ съ нимъ совѣщаться и молиться. Законные сыновья его живутъ въ своихъ удѣлахъ или въ домахъ дядекъ своихъ; незаконныя же дѣти служатъ въ родѣ повѣренныхъ и употребляются въ разсылки съ различными порученіями, а также и на войнѣ, гдѣ они въ видѣ военачальниковъ находятся при небольшихъ толпахъ дурно вооруженныхъ поселянъ, несмѣлыхъ въ бою и не схватывающихся никогда съ непріятелемъ какъ слѣдуетъ. Безпорядки—главное свойство сего войска, неспособнаго ни къ какому дѣлу.

Доходы шамхала могли бы быть значительнѣе, судя по числу деревень въ его владѣніяхъ находящемуся; но жители не обременены налогами. Какъ онъ расходовъ совершенно почти никакихъ не имѣетъ, то и владѣетъ довольно великими сокровищами. Онъ одѣвается просто, ѣстъ пищу обыкновенную въ землѣ его, наложницъ беретъ безъ платы, и такимъ образомъ, довольствуясь произведеніями земли, не издерживаетъ ничего на роскошь и живетъ какъ простой Лезгинъ. Главные его доходы состоятъ въ жалованьи, получаемомъ отъ нашего двора, что̀ составляетъ 6000 р. сер. ежегодно. Откупъ рыбной ловли, на устьяхъ рѣки Сулака, доставляетъ ему отъ Астраханскихъ промышленниковъ до 17,000 рублей въ годъ, и таможенные сборы съ товаровъ слѣдующихъ по дорогѣ изъ Кизляра въ Баку и обратно. Несправедливый налогъ сей на товары и до сихъ поръ еще при Россійскомъ правленіи позволяется ему; но сборщики при семъ обогащаются больше шамхала, ибо не даютъ никакихъ отчетовъ во взимаемыхъ ими деньгахъ и представляютъ ему что̀ хотятъ. Къ сему присоединить штрафныя деньги, имъ получаемыя съ провиняющихся, и сокровища оставленныя ему предками. Онъ сливаетъ серебро имъ получаемое въ слитки по свойственному Азіятцамъ корыстолюбію, хранитъ слитки у себя въ комнатахъ въ сундукахъ, и считаетъ себя совершенно счастливымъ, презирая всѣ суеты и будучи доволенъ своимъ состояніемъ. Шамхалъ не умѣетъ даже пользоваться доходами, которые бы могло ему доставлять въ большомъ количествѣ озеро съ солью, находящееся близъ Тарковъ, южнѣе, въ 8 или 10 верстахъ къ берегу моря, изъ коего всѣ жители Кавказскихъ горъ приходятъ брать соль. Она расходится изъ рукъ въ руки до Чернаго моря, и безъ нея не могутъ существовать зимою многочисленныя стада ихъ овецъ. Онъ ничего не беретъ за сіе.

На Югъ отъ шамхальства находится уцмейство или владѣніе Каракайдакское, также прилежащее къ морю, коего владѣтель уцмій, такой же какъ шамхалъ, не желая совершенно покориться Русскимъ и принять войска наши, бѣжалъ въ 1819 году изъ своихъ владѣній, скрылся въ горахъ и воевалъ противъ насъ. Въ прошломъ году онъ

былъ убитъ измѣнническимъ образомъ, кажется племянникомъ своимъ, оставшимся подъ нашимъ покровительствомъ. Богатыми владѣніями уцмія управляетъ Русскій начальникъ Куринскаго полка, расположенный ротою въ селеніи Берекеяхъ, въ 25 или 30 верстахъ на Сѣверъ отъ Дербента, по дорогѣ въ Тарки ведущей.

За симъ владѣніемъ слѣдуетъ Дербентъ, бывшее достояніе Шихъ-Али-хана, бѣжавшаго отъ насъ во время похода Зубова въ Персію. Онъ обладалъ почти всѣмъ Дагестаномъ какъ законный правитель, или вліяніемъ на другихъ владѣльцевъ и вольныя общества. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ вредить намъ, гдѣ только могъ, и начальствовалъ въ 1819 году собравшимся со всего Дагестана войскомъ подъ Акушею, гдѣ и былъ разбитъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

На Западъ отъ шамхальства находятся Мехтулинскія деревни, лежащія въ горахъ, коихъ владѣлецъ былъ также изгнанъ главнокомандующимъ, и надъ оными поставленъ былъ приставъ изъ Кизлярскаго войска, который былъ убитъ въ возмущеніи нынѣшняго года. Жители сихъ деревень говорятъ особымъ языкомъ.

За ними къ Западу находится Аварія, коей ханъ Султанъ-Ахметъ также не покорился намъ. Неприступная земля его служила предѣломъ распространенію нетвердыхъ границъ нашихъ. Онъ умеръ въ прошломъ или нынѣшнемъ году, и мѣсто его заступилъ убійца Верховскаго Амулатъ-бекъ.

Къ Западу находятся также деревни Чиркейскія и Андійскія, лежащія уже почти на сѣверныхъ покатостяхъ горъ Кавказскихъ и граничащія съ Чечнею. Они намъ никогда не покорялись. Послѣдняя деревня славится лучшими бурками въ горахъ, и слѣдовательно во всемъ свѣтѣ. Деревни сіи не имѣютъ владѣльцевъ, управляются міромъ, составляя подобіе республики. Но гдѣ болѣе замѣтно сего рода правленіе, то въ союзныхъ деревняхъ Гергебильскихъ и Унцукульскихъ. Тамъ 32 деревни, лежащія на Юго-Западъ отъ Мехтулей, составили между собою оборонительный союзъ. Всякая изъ нихъ управляется особенно своими правами; на совѣщанія же для сношеній съ сосѣдями, миролюбивыхъ или военныхъ, собираются со всѣхъ старшины и на общемъ совѣтѣ рѣшаютъ дѣла сіи, къ коимъ не можетъ приступить одна изъ сихъ деревень въ особенности. За ними къ Западу въ горахъ лежатъ пять уѣздовъ, составляющихъ вмѣстѣ общество Акушинское. Акуша, одинъ изъ сихъ пяти уѣздовъ, пользуется преимуществомъ старшинства между ними, и тамъ находятся главные кази и старшины, рѣшающіе дѣла, которыя не могли рѣшиться въ каждомъ изъ сихъ уѣздовъ имѣющимися въ оныхъ второстепенными казіями и старшинами. Всякій изъ сихъ уѣздовъ имѣетъ свои деревни, и каждая

деревня опять тѣже права поодиночкѣ и тѣхъ же судей. Деревни Акушинскія богаты, многочисленны и сильны въ Дагестанѣ. Общество сіе, отличающееся отъ прочихъ образованіемъ своимъ, мудрымъ правленіемъ и силою, всегда имѣло большое вліяніе на всѣ другія общества и владѣнія Дагестана, такъ что оно даже имѣло у себя въ залогѣ сыновей владѣльческихъ (шамхаловъ сынъ находился тамъ въ залогѣ до 1819 года). Многочисленныя войска Акушинскія считались непобѣдимыми до вторженія къ нимъ Алексѣя Петровича, послѣ чего и довѣренность къ нимъ другихъ народовъ уменьшилась и гордость ихъ понизилась. Дабы сдѣлать ихъ подданными нашими, не обременяя налогами, главнокомандующій возложилъ на Акушинцевъ до 2000 барановъ ежегодной дани, которую они и доставляютъ, хотя теперь и съ меньшею исправностью, въ Дербентъ. Они видѣли, въ чемъ состояла цѣль нашего правительства, налагавшаго сію подать, для нихъ ничего незначущую, просили отмѣны оной, но не получили на то согласія главнокомандующаго, и старшины ихъ принесли присягу вѣрности Государю въ самой Акушѣ. Прежній же кази ихъ, человѣкъ вѣроятно бойкій и умный, возмущавшій народъ противъ насъ, былъ смѣненъ другимъ, нынѣшнимъ Зугумъ-кадіемъ: человѣкъ слабый, коему народъ не повинуется и который равно боится и насъ, и своихъ. Въ бытность свою въ Акушѣ Алексѣй Петровичъ плѣнилъ жителей оной своимъ великодушіемъ; но впечатлѣніе сіе, поддержанное страхомъ, скоро изчезло, и они къ намъ питаютъ сильную вражду.

Языкъ Акушинцевъ совершенно разный отъ другихъ, кои въ употребленіи въ Дагестанѣ; но письменный языкъ есть Арабскій, который весьма хорошо извѣстенъ всякому казію или муллѣ.

Въ сихъ земляхъ находятся во множествѣ окаменѣлости необыкновенной величины; окаменѣлыя улитки, имѣющія въ поперечникѣ до полъаршина и больше, довольно часто встрѣчаются на скалахъ; нерѣдко находятъ и въ большихъ камняхъ совершенно круглыхъ, по разбитіи ихъ, такія улитки. Цѣлыя змѣи огромной величины находились также на сихъ скалахъ окаменѣлыми. Не должно ли заключать по симъ рѣдкостямъ природы о потопѣ, покрывавшемъ нѣкогда Кавказскія горы? Я получилъ послѣ Акушинскаго похода одну такую улитку отъ начальника штаба, которая и хранится съ прочими, имѣющимися у меня камнями въ минералогическомъ собраніи.

Южнѣе Акуши находится Казыкумыхское владѣніе, коего прежній ханъ Сурхай, бывшій родственникъ Шихъ-Али-хана, бѣжавъ отъ насъ, скитался въ горахъ и наносилъ намъ всевозможный вредъ. Онъ, кажется, теперь умеръ; мѣсто же его занимаетъ Асланъ-ханъ, человѣкъ пьяный, имѣющій чинъ генералъ-маіора и преданный намъ, вѣ-

роятно, только до перваго случая. Владѣнія его, довольно обширныя, были посѣщены въ 1820 году генераломъ Мадатовымъ, который разбилъ толпу возмутившагося народа.

Занимательнѣе прочихъ находится одно небольшое общество на Западъ отъ Казыкайдакскаго владѣнія, называющееся, по имени своей столичной деревни, Кубечи. Въ нынѣшнія времена люди сего общества заслуживаютъ вниманія тѣмъ, что у нихъ находятся самыя лучшія оружейныя фабрики. Ремесло сіе общее занятіе почти всѣхъ жителей, и они снабжаютъ всѣ горы оружіемъ. Кубечинцы богаты, образованы поазіатскому, трудолюбивы, не занимаются разбоями, живутъ въ согласіи съ сосѣдями, любятъ миръ, тишину, опрятность и порядокъ. Они также Магометанскаго исповѣданія, но имѣютъ совершенно особый свой языкъ, ни въ чемъ не схожій съ языками окружающихъ ихъ сосѣдей. Они полагаются выходцами Европейскими, изъ общества Моравской братіи, оставившими свою родину по причинѣ гоненія и поселившимися въ горахъ Кавказскихъ. Имѣвъ случай, въ бытность мою въ Таркахъ, находиться съ ними въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ, я видѣлъ старшинъ ихъ, пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и распрашивалъ ихъ о происхожденіи ихъ. Они мнѣ сказали тоже самое, что они происходятъ отъ Франковъ. Они во всемъ отличны отъ прочихъ горцевъ: чертами лица, обхожденіемъ, нравомъ и языкомъ. Желая сравнить его съ Европейскими, я спрашивалъ ихъ объ ономъ и собралъ до 300 словъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ, изъ коихъ я нашелъ сходство только въ одномъ словѣ, помнится мнѣ *оксъ*, значущемъ *быкъ*; но сіе похоже больше на случайное сходство. Они сказывали мнѣ также, что вблизи Кубечей находится старинное одно зданіе, коего строенія не помнятъ и старики ихъ и о коемъ даже преданія ничего не говорятъ, и что на семъ зданіи есть надпись, которая по описаніямъ ихъ должна быть писана Латинскими буквами. Сколько мнѣ ни желательно было увидѣть сіе строеніе въ обратный проѣздъ къ Дербенту, но мнѣ не удалось сдѣлать сіе за краткостію времени. Собраніе же словъ я отдалъ, по возвращеніи своемъ въ Тифлисъ, Грибоѣдову, который меня просилъ о семъ.

На самой цѣпи Кавказскихъ горъ живетъ народъ, называемый Каракъ, менѣе образованный прочихъ, принадлежащій также къ роду Лезгинъ и имѣющій съ ними общее сходство въ одеждѣ и обычаяхъ. Каракцы находятся въ сношеніяхъ съ жителями, лежащими по обѣ стороны Кавказскихъ горъ и нанимаются въ войска для нападеній на Грузію, или въ войнахъ противъ сосѣдей у Лезгинъ Чарскихъ и Бѣлоканскихъ, имѣющихъ жилища свои на границахъ Кахетіи и Кизика.

Сѣвернѣе отъ шамхальства находятся Кумыкскія деревни, въ коихъ Андрева деревня, по многимъ обстоятельствамъ весьма занимательная, есть главная. Она теперь во владѣніи нашемъ. Кумыкскій народъ по обычаямъ своимъ можетъ назваться ступенью перехода народовъ, обитающихъ по восточной сторонѣ Кавказскихъ горъ и называемыхъ Лезгинами, въ народы, занимающіе сѣверную покатость сихъ горъ, подъ названіемъ Чеченцевъ; они схожи и на тѣхъ, и на другихъ. Такъ какъ я ихъ хорошо не знаю, то и не помѣщу здѣсь описанія ихъ.

Но прежде чѣмъ далѣе слѣдовать въ описаніи своихъ происшествій, нахожу еще нужнымъ обратить общій взглядъ на Лезгинъ, коихъ племена и названія отчасти мною здѣсь описаны. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ горахъ, не могутъ существовать безъ помощи прибрежныхъ къ морю Лезгинъ. Имѣя большія стада овецъ, они принуждены сгонять ихъ на зимнее время къ морю, въ шамхальскія и Каракайдакскія земли, гдѣ климатъ несравненно теплѣе, и потому они платятъ шамхальцамъ дань за луга ихъ овцами, изъ числа пригоняемыхъ ими, и занимаютъ хутора или зимовки, однажды ими выстроенныя. Сіе самое содержитъ ихъ въ нѣкоторой зависимости отъ шамхальцевъ, а въ теперешнемъ времени отъ насъ; хотя и запрещено главнокомандующимъ шамхалу пускать къ себѣ на зимовку барановъ враждебныхъ намъ народовъ, но сіе мало соблюдается шамхаломъ, который, опасаясь лишиться нѣсколькихъ податныхъ барановъ, принимаетъ къ себѣ барановъ непріятельскихъ намъ Лезгинъ, переданныхъ на имя мирныхъ племенъ. Извѣстно навѣрное по крайней мѣрѣ то, что люди Акушинской земли, скрывающіе у себя плѣнныхъ или бѣглыхъ солдатъ, пригоняли въ шамхальскія владѣнія барановъ своихъ на зимовку; но не велѣно было трогать ихъ, изъ опасенія, чтобы не возстановить черезъ сіе горцевъ и не быть принужденными предпринять къ нимъ новый походъ, который могъ быть не столь удаченъ какъ первый, совершенный Алексѣемъ Петровичемъ въ 1819 году.

Лезгины вообще просты и честны, придерживаются болѣе обычаевъ своихъ чѣмъ вѣры; гостепріимство считается у нихъ первою добродѣтелію, и нарушившій оное теряетъ все уваженіе между ними. Трудно согласовать качества сіи со столь многими примѣрами убійствъ, между ними случающимися и со мщеніемъ крови, у нихъ введеннымъ. Но первое случается большею частію когда они пьяны, ибо они очень привержены къ крѣпкимъ напиткамъ, не взирая на законъ имъ запрещающій сіе; второе же есть обыкновеніе, въ справедливости коего они совершенно увѣрены и которое исполняется ими безъ всякой злобы убійцы противъ убіеннаго. Лезгины раслы, сильны, здоровы;

лица ихъ значительны, и чѣмъ далѣе они простираются въ горы, тѣмъ черты лица становятся выразительнѣе, изображая нѣкоторое звѣрство. Женщины ихъ вообще прекрасны и умны. Жены ихъ не находятся въ такомъ рабствѣ, какъ въ прочихъ частяхъ Азіи, и хотя онѣ несутъ всѣ трудныя работы домашнія, но за то открыты и не заперты въ гаремахъ. Однако права супружества строго наблюдаются, и нарушительница онаго съ прельстителемъ неминуемо лишается жизни отъ руки мужа, если онъ ихъ вмѣстѣ застанетъ. За незамужними присмотръ у нихъ не такъ строгъ бываетъ, и хотя и сіи также строги въ сохраненіи своего цѣломудрія, но бываютъ случаи, что они нарушаютъ оное, соглашаясь жить съ полюбившими ихъ, которые могутъ купить право сіе деньгами, отданными родителямъ, и послѣ молитвы, которую имъ даетъ мулла или кази на совокупное житье. Обрядъ сего, такъ сказать, полубрака считается у нихъ законнымъ.

Просвѣщеніе народное весьма ограниченно въ Дагестанѣ. Свѣдущими можно назвать только однихъ духовныхъ; прочіе всѣ почти безграмотны, какъ и самъ шамхалъ и прочіе владѣльцы. Но и самыя свѣдѣнія духовныхъ не простираются далѣе словесности въ Арабскомъ языкѣ и знанія законовъ своей вѣры. Арабскій языкъ между ними очень обыкновененъ; они его съ малолѣтства знаютъ и также съ нимъ знакомы какъ со своимъ природнымъ языкомъ, и потому всѣ письменныя дѣла, даже частныя письма, свидѣтельства, памятныя записки, все дѣлается на Арабскомъ языкѣ во всемъ Дагестанѣ. Языку сему обучаются по всѣмъ правиламъ, изучая вмѣстѣ съ онымъ грамматику, синтаксисъ, риторику и поэзію.

Россійское правительство, водворившееся нынѣ въ сихъ земляхъ, истребитъ, безъ сомнѣнія, многіе вредные обычаи въ сей странѣ, но вмѣстѣ съ симъ поселитъ и развратъ въ нравахъ Лезгинъ, не говоря о всеобщей ненависти, которое оно уже успѣло пріобрѣсти здѣсь намъ. Сему причиною бываютъ распутство и корыстолюбіе чиновниковъ и неуваженіе къ тѣмъ, въ которыхъ народъ привыкъ видѣть судей и посредниковъ своихъ. Необразованный чиновникъ нашъ, зараженный всѣми пороками и всего болѣе предубѣжденіемъ Европейскимъ, что все несхожее съ нашими обычаями есть отпечатокъ невѣжества, полагаетъ порядочными людьми только тѣхъ, которые имѣютъ класные чины; почтеннаго же старика, пользующагося довѣренностью въ народѣ, считаетъ онъ уже за совершенно ничтожнаго человѣка, потому что онъ бороды не брѣетъ, или одѣвается не въ тонкое сукно. Несправедливое презрѣніе сіе и вышеозначенные пороки суть конечно причины всеобщей ненависти, которую правительство наше успѣваетъ пріобрѣсти въ самое короткое время посредствомъ своихъ чиновниковъ.

Я выѣхалъ 1-го Декабря (1822) изъ Тарковъ, въ сопровожденіи Туркменскаго аманата, сына Кіатъ-аги, Якши-Магмеда, который находился при мнѣ во все время, какъ я въ Таркахъ начальствовалъ работами. Отъѣхавъ верстъ 10 или 15, я встрѣтился съ отставнымъ полковникомъ Левенцовымъ, бывшимъ командиромъ Апшеронскаго (прежде Троицкаго) пѣхотнаго полка (его смѣнилъ Карчевскій). Хитрый старикъ Левенцовъ уже болѣе неспособенъ былъ командовать полкомъ; онъ былъ слабъ, и многія странности дѣлали его смѣшнымъ и даже несноснымъ для подчиненныхъ и начальниковъ. Впрочемъ говорятъ, что онъ былъ исполнителенъ и честенъ, но грубъ, своеобычливъ и необыкновенный чудакъ, изъ роду тѣхъ, которые мало къ чему способны въ нашемъ вѣкѣ. Говорятъ, что Алексѣй Петровичъ предлагалъ ему мѣсто главнаго смотрителя надо всѣми госпиталями въ Грузіи (самое приличное для него), но онъ не пожелалъ его имѣть. Карчевскій принималъ отъ него полкъ болѣе года, и пріемка сія наполнена любопытными и смѣшными происшествіями; наконецъ, онъ послѣ многихъ затрудненій и жалобъ, поплатился за полкъ дорогою цѣною и уѣхалъ, какъ говорятъ, съ большими деньгами, но не переставалъ выставлять себя бѣднымъ и неимущимъ человѣкомъ, дабы вселить въ другихъ состраданіе къ себѣ. Онъ ѣхалъ съ большимъ обозомъ, женою, дѣтьми, взрослыми сыновьями, которые по дурнымъ правиламъ ихъ и дурнымъ примѣрамъ родителей не годились къ службѣ и иногда били отца своего или вступали съ нимъ въ драку. Мнѣ жаль было сего старика, и я желалъ бы видѣть такихъ людей (кои прежде, можетъ быть, и вѣроятно, приносили пользу) оставляющими службу довольными. Онъ былъ весьма огорченъ своимъ положеніемъ и заслуживалъ состраданія по лѣтамъ своимъ. Начальство само было виновато, поручая ему мѣсто свыше силъ его и способностей.

Въ тотъ же день я прибылъ ночевать въ Буйнаки, гдѣ засталъ на ночлегѣ Апшеронскій баталіонъ, слѣдовавшій изъ Тарковъ въ Кубу. На другой день я пріѣхалъ ночевать въ деревню Берекей, столицу Каракайдакскаго уцмейства, въ коемъ начальствовалъ капитанъ Якубовскій, расположенный тамъ съ ротою Курцнскаго полка.

3-го числа я пріѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ и остановился у Верховскаго. Тутъ я получилъ орденъ Владимира 3-й степени, къ коему я былъ представленъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ въ награжденіе за послѣднюю экспедицію въ Туркменію. Онъ желалъ симъ вознаградить то, что я потерялъ въ первую экспедицію въ Хиву, за которую я получилъ полковничій чинъ, доставшійся мнѣ на вакансію. Тутъ, въ теченіе 4-хъ или 5-ти дней, я успѣлъ переговорить съ Верхов-

скимъ о всемъ предовольно и простился съ нимъ, не полагая, чтобы сіе было навсегда. Мы надѣялись увидѣться на свадьбѣ его въ Тифлисѣ, куда ожидали невѣсту его, вдову Аделаиду Пузыревскую. Но смерть для него была, можетъ быть, счастіе; ибо невѣроятно, чтобы чета сія могла ужиться, будучи совершенно различныхъ свойствъ, и послѣ поступка невѣсты его, оскорбившей его столь сильно.

7-го или 8-го числа я выѣхалъ изъ Дербента къ Кубѣ. Вечеръ провелъ я у барона Вреде, а на другой день пустился далѣе въ путь, въ сопровожденіи Петровича, который провожалъ меня до перваго ночлега. Я не хотѣлъ пропустить сего случая, чтобы не видать прямой верховой дороги, ведущей изъ Кубы въ Старую Шемаху; по ней считается только до 100 верстъ, тогда какъ по большой дорогѣ, идущей мимо Баки, считается ихъ до 300. Я поѣхалъ прямо черезъ горы и ночевалъ первую ночь въ деревнѣ Рустовѣ, въ 25 или 30 верстахъ отъ Кубы. Деревня сія лежитъ въ лѣсу и знаменита побѣдою, одержанною здѣсь при Тормасовѣ, помнится мнѣ, надъ Лезгинами, собравшимися подъ начальствомъ Шихъ-Али-хана. Тутъ я встрѣтился съ Кубинскимъ ханомъ, нынѣ пользующимся небольшимъ уѣздомъ, ибо все ханство управляется комендантомъ.

На другой день проѣхалъ я черезъ деревню Конакъ-Кентъ, коей названіе свидѣтельствуетъ о прославленномъ гостепріимствѣ жителей оной. Я остановился у тамошняго бека, который былъ предупрежденъ на счетъ моего пріѣзда. Онъ меня отвелъ въ холодный сарай, и пока приготовляли кушанье, вся деревня собралась ко мнѣ смотрѣть на меня, и самъ бекъ глупыми вопросами своими, для узнанія новостей, такъ надоѣлъ мнѣ, что я притворился незнающимъ Турецкаго языка, сколь ни былъ голоденъ, ничего не ѣлъ и, перемѣнивъ лошадей, уѣхалъ сердитый. Бекъ послалъ сына своего провожать меня, котораго я отпустилъ вскорѣ, велѣвъ ему сказать отцу, что напрасно онъ носитъ съ деревнею своею названіе гостепріимныхъ людей, что настоящее гостепріимство состоитъ въ угожденіи гостю, а не въ томъ, чтобы поставить передъ нимъ чашку съ вареннымъ пшеномъ, собрать всю деревню для любопытства и мучить глупыми вопросами; что онъ видѣлъ меня усталымъ отъ дороги и долженъ былъ мнѣ дать покой, а не хвалиться неопрятною, неумѣстною и незаслуживающею вниманія пышностію; чтобы впередъ онъ лучше умѣлъ принимать гостей, дабы заслуживать имя гостепріимнаго, ему данное.

Я скоро переѣхалъ хребетъ отрога горъ, идущаго отъ главной цѣпи Кавказскихъ. До сихъ мѣстъ видѣлъ я прекрасную природу, быстрые потоки рѣчекъ, шумящихъ въ тѣсныхъ и утесистыхъ ущельяхъ, по коимъ ѣхалъ, въ иныхъ мѣстахъ равнины, лѣса. Пріятное

разнообразіе сіе занимало меня всю дорогу, до вышеупомянутаго хребта, за которымъ южная покатость горъ не вездѣ уже представляла тѣ красоты. Стояла зима, и хотя снѣга не было на горахъ, но погода была холодная. Я пріѣхалъ очень поздно ночевать въ небольшую деревушку, составленную, такъ сказать, на границахъ Ширвани и Кубы, Татарами, бѣжавшими въ разныя времена изъ Ширвани и принадлежащими уже нынѣ, кажется, къ Кубинскому округу. Толпа любопытныхъ также сбѣжалась смотрѣть меня, оставя дома свои, въ коихъ они давно уже покоились; но такъ какъ деревня сія не пользовалась пышнымъ названіемъ Конакъ-Кента, какъ предъидущая, то я безъ всякихъ околичностей прогналъ докучливыхъ и на другой день не успѣлъ прибыть въ Шемаху, а спустившись въ обширную долину рѣки Перисагата, остановился ночевать въ маленькой и бѣдной деревушкѣ Татарской, носящей также имя Конакъ-Кента, но гдѣ и тѣни гостепріимства не было замѣтно. На слѣдующій день я пріѣхалъ къ обѣду въ Шемаху и засталъ всѣ окрестности города покрытыми снѣгомъ. Хотя разстояніе по сей дорогѣ отъ Кубы до Шемахи и считается только 100 верстъ, но я полагаю ихъ до 140. Дорога сія занимательна дикостью ущелій, по коимъ она проведена; по многимъ мѣстамъ она даже опасна, будучи весьма узка и идя по крутымъ скалистымъ покатостямъ горъ. Я доволенъ, что проѣхалъ ею и въ другой разъ неиначе бы рѣшился безъ надобности ѣхать по ней какъ лѣтомъ.

Въ Старой Шемахѣ былъ комендантомъ пріятель мой подполковникъ Старковъ, который принялъ меня съ удовольствіемъ и былъ очень радъ моему пріѣзду. Въ то время находился тамъ и прежній комендантъ подполковникъ Высоцкій, надъ коимъ пріѣхавшій генералъ-маіоръ Мерлинъ производилъ слѣдствіе по многимъ злоупотребленіямъ имъ сдѣланнымъ, за что онъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Высоцкій былъ одинъ изъ приверженцевъ Ладинскаго (моего предмѣстника по полку) и поддержанъ покойнымъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникомъ Наумовымъ, который умеръ въ теченіе прошлаго лѣта. Ладинскій, видя, что онъ не могъ устоять безъ сильной помощи при главнокомандующемъ, завладѣлъ совершенно Наумовымъ, который въ немъ души не зналъ; онъ имѣлъ своихъ приверженцевъ, посредствомъ которыхъ дѣйствовалъ по всей Грузіи, и по его назначеніямъ смѣнялись пристава, коменданты и сажались на ихъ мѣста люди нужные ему для совершенія мошенническихъ дѣлъ. Наумовъ однако кажется былъ честнымъ человѣкомъ, и вины его должны быть болѣе послѣдствія слѣпой довѣренности его къ Ладинскому, чѣмъ намѣренныя. Пользуясь довѣренностью Алексѣя Петровича, онъ успѣвалъ все дѣлать въ пользу Ладинскаго, котораго главнокомандующій зналъ за мошенника

и не велѣлъ даже пущать къ себѣ. Впрочемъ, я самъ слышалъ отъ Алексѣя Петровича, что онъ обвинялъ Наумова въ важныхъ ошибкахъ и грѣхахъ. Ладинскому надобно было овладѣть Наумовымъ со слабой его стороны; такъ какъ явно деньгами ему не удалось бы склонить его, онъ провѣдалъ въ немъ пристрастіе къ женщинамъ и подвелъ къ нему прокуроршу Мелину, платя ей за то въ видѣ вспомоществованія большія деньги. Развратная жена и нужда были причиною тому, что прокуроръ рѣшился украсть мѣшокъ съ червонцами изъ казначейства казенной экспедиціи. Она и дѣти ея умерли въ дорогѣ на обратномъ пути въ Россію, а прокуроръ самъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Женщина сія, кромѣ собственнаго явнаго разврата, развратила также многихъ другихъ и поселила раздоръ во многихъ семействахъ. Послѣ сего Ладинскій обратился къ другой женщинѣ. Въ Тифлисѣ была нѣкая княгиня Сумбатова, недурная собой и коей мужъ, человѣкъ глупый, безтолковый, снисходительный и добрый, согласился уступить, по исканіямъ Ладинскаго, жену свою Наумову; но для сего надобно было наградить значительно и мужа, и жену. Вотъ какъ сіе сдѣлалось. Въ Борчалинской дистанціи находился приставомъ отставной маіоръ Харьковскаго драгунскаго полка Брежинскій, человѣкъ простой и неспособный къ сему дѣлу; но онъ правилъ гораздо честнѣе Ладинскаго. Такъ какъ 7-й карабинерный полкъ, коего Ладинскій былъ командиръ, расположенъ въ сей дистанціи, то ему весьма выгодно было бы имѣть ее подъ своимъ управленіемъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на Брежинскаго въ злоупотребленіяхъ, имъ производимыхъ по дистанціи, и устроилъ дѣло такимъ образомъ, что его же назначили для произведенія слѣдствія надъ обвиненнымъ имъ. Онъ уговорилъ многихъ жителей принести присягу въ утвержденіе его показаній, и послѣ того приставъ былъ преданъ суду въ исполнительной экспедиціи по волѣ главнокомандующаго. Какъ ни розыскивали дѣло, но его совершенно обвинить не могли; открыли небольшія злоупотребленія весьма простительныя, именно, что жители сами дѣлали ему бездѣльные подарки, какъ-то одну или двухъ лошадей, нѣсколько незначущихъ ковровъ, иногда барана и прочее. Приставъ оправдался; но, дабы отмстить Ладинскому, онъ открылъ разные поступки его, которые, какъ я слышалъ отъ Ивана Александровича, дѣлали его преступникомъ. Ладинскій не могъ оправдаться. Говорятъ, что онъ участвовалъ въ побѣгѣ Александра-царевича, котораго онъ также назвался было ловить; что онъ передавалъ за большія деньги письма въ Персію и сообщалъ туда важныя бумаги, содержаніе коихъ онъ узнавалъ посредствомъ своихъ приверженцевъ. Я бы не рѣшился по однимъ слухамъ восприять о немъ такого дурнаго

мнѣнія (хотя всѣ поступки его явно отвращали отъ него всякаго порядочнаго человѣка), но меня въ семъ увѣрилъ самъ Алексѣй Петровичъ, который о немъ относился самымъ презрительнымъ образомъ. Не менѣе того онъ умѣлъ снискать себѣ защитниковъ въ князѣ Горчаковѣ, которому помогъ въ званіи посредника въ сдачѣ 41-го егерскаго полка подполковнику Авенаріусу, и въ П. Н. Ермоловѣ, который, по добродушію своему, не зналъ дурнаго человѣка въ свѣтѣ. Приставъ былъ уволенъ отъ должности и уѣхалъ въ Россію; но съ сего времени и Ладинскій совершенно потерялся во мнѣніи Алексѣя Петровича, который помнилъ еще, что если бы не уѣхалъ отсюда вскорѣ маркизъ Паулучи (бывшій главнокомандующій въ Грузіи), то бы Ладинскій былъ солдатомъ за воровство, коимъ онъ занимался во время Персидской войны и голода, когда онъ самъ былъ приставомъ Борчалинской дистанціи и оставлялъ войска безъ провіанта. Онъ тогда былъ отрѣшенъ отъ должности и скитался по деревнямъ безъ мѣста; но отъѣздъ маркиза спасъ его, и Ртищевъ, смѣнившій Паулуччи, помогъ ему подняться и даже далъ ему полкъ. Старикъ сей былъ завлеченъ окружавшими его, которыхъ Ладинскій всѣхъ успѣлъ подкупить. Не менѣе того, послѣ сего происшествія Ладинскій еще держался и успѣлъ доставить, посредствомъ Наумова же, мѣсто Борчалинскаго пристава князю Сумбатову, коего жену доставилъ Наумову и самъ былъ ея любовникомъ. Чета, а болѣе мужъ и Наумовъ, остались довольными; но надобно было и жену наградить. Онъ заставилъ Наумова выстроить ей каменный домъ въ Тифлисѣ, на что̀ и далъ ему своихъ нижнихъ чиновъ, и самъ пользовался тѣмъ, что въ пріѣзды свои въ Тифлисъ останавливался и жилъ въ семъ домѣ, сборищѣ развратныхъ женщинъ и единомышленныхъ заговорщиковъ его. Распоряженія сіи доказывали хитрый и изобрѣтательный умъ его; всѣ остались довольными, и онъ получилъ желаемое.

Бѣгство Мустафы-хана Ширванскаго оставляло мѣсто комендантское вакантнымъ въ Ширванѣ; туда былъ назначенъ пріятель же Ладинскаго подполковникъ Высоцкій. Генералъ Мадатовъ, начальникъ трехъ ханствъ, былъ въ явной ссорѣ съ Ладинскимъ; но тайныя сношенія ихъ были непонятны. Онъ былъ друженъ съ Наумовымъ, и они иногда видались другъ у друга и не дѣлали себѣ взаимно никакого зла. Сокровища ханскія, на полученіе коихъ льстилась казна, исчезли, тогда какъ всѣмъ извѣстно было, что ханъ не могъ увезти ихъ и бѣжалъ безо всего, съ одною женою своею и нѣсколькими только слугами. Макаевъ, грубый Грузинъ и вѣроятно корыстолюбивый, былъ тогда приставомъ въ Ширванѣ; по прибытіи своемъ въ Тифлисъ, онъ

былъ посаженъ подъ арестъ, хотѣлъ что-то объявить начальству, послана была къ нему коммисія, и онъ внезапно умеръ.

Высоцкій, прибывъ въ Ширванъ, захотѣлъ поживиться въ сей богатой землѣ. Онъ много на себя взялъ, выдалъ себя за родственника Алексѣя Петровича, получалъ большіе подарки отъ жителей, кромѣ того получалъ большія выгоды отъ различныхъ употребленій, и какъ послѣ говорили, отправилъ однажды цѣлый обозъ къ Ладинскому. Но куда дѣлись вещи сіи, неизвѣстно; знаютъ только, что Ладинскій, уже сбиравшійся выѣхать изъ Грузіи и ожидавшій меня для сдачи полка, отправилъ въ Россію также большой обозъ и такъ скоро, что начальство не успѣло и освидѣтельствовать прибывшихъ верблюдовъ изъ Ширвана; а потому и полагаютъ, что онъ былъ участникомъ въ утаеніи ханскихъ сокровищъ, что весьма легко можетъ статься. Говорятъ, что и самъ Мадатовъ былъ въ семъ дѣлѣ участникомъ. Онъ былъ нѣкоторое время въ немилости у Алексѣя Петровича, что было весьма замѣтно; но дѣло сіе, развертывающееся въ отсутствіе главнокомандующаго изслѣдованіями И. А. Вельяминова, вдругъ замялось по прибытіи главнокомандующаго, неизвѣстно почему; но если справедливы слухи о семъ, то вѣроятно потому, чтобы не запутать Мадатова, столь выхваленнаго имъ предъ Государемъ и безпримѣрно щедро награжденнаго богатѣйшимъ имѣніемъ въ Карабахѣ.

Ширванскіе беки и народъ не могли долѣе терпѣть притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ Высоцкимъ, и по наущенію генерала Мадатова первые пріѣхали въ Тифлисъ жаловаться Алексѣю Петровичу на своего начальника. Его вызвали изъ Ширвана, и онъ долго находился въ Тифлисѣ, между тѣмъ какъ дѣло его разсматривали. Поводомъ къ сему обстоятельству былъ случай, который я узналъ слѣдующимъ образомъ. Будучи еще въ началѣ 1822 года въ Тифлисѣ, я часто видалъ Высоцкаго, съ которымъ прежде едва былъ знакомъ, и не зналъ настоящей причины, по которой онъ такъ долго жилъ въ Тифлисѣ. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ, и когда всѣ посторонніе вышли, онъ показалъ мнѣ секретное предписаніе къ нему И. А. Вельяминова, въ коемъ было сказано, что, не взирая ни на какія обстоятельства, онъ долженъ былъ приступить къ розыску дѣла, въ коемъ нечего ему опасаться мщенія отъ своего непосредственнаго начальника Мадатова, ибо онъ исполнялъ симъ свою обязанность. Когда онъ былъ въ Ширванѣ, онъ доискался, что Мадатовъ переселилъ оттуда до 300 дворовъ въ Карабахъ на тѣ земли, о утвержденіи коихъ за нимъ старался Алексѣй Петровичъ у Государя, и написалъ сіе въ письмѣ къ Наумову, который показалъ письмо И. А. Вельяминову, а сей послѣдній далъ предписаніе розыскать дѣло, на что Высоцкій отвѣчалъ, что

не могъ приступить къ розыску дѣла обвиняющаго его начальника. Въ отвѣтъ на сіе получилъ онъ отъ него секретное предписаніе, которое показалъ мнѣ. «Вотъ за что меня гонятъ, сказалъ онъ мнѣ, вотъ какъ я невинно попался. Теперь меня здѣсь держутъ безъ всякаго дѣла и даже не объявляютъ причины, за которую меня держутъ; хотя бы нарядили слѣдствіе или судъ, то бы я доволенъ былъ. Узнайте вину мою, окажите мнѣ сію милость, я болѣе ничего не прошу; или помогите мнѣ совѣтомъ, какъ узнать ее. Я хочу писать письмо Алексѣю Петровичу; совѣтуете ли мнѣ сдѣлать сіе? Я отвѣчалъ ему, что для узнанія вины его самое лучше средство сходить къ Алексѣю Петровичу или Ивану Александровичу и спросить о ней, если онъ полагалъ себя невиннымъ; письмо же писать я не совѣтовалъ ему, потому что средство сіе не понравится Алексѣю Петровичу. Онъ благодарилъ меня и вышелъ. Я въ тотъ же день, сострадая о немъ, былъ у Вельяминова и, заведши разговоръ, старался узнать мнѣніе, которое онъ о немъ имѣлъ, и получилъ самый неблагопріятный отзывъ: его называли преступникомъ, мошенникомъ и всѣми именами уличеннаго въ большихъ злоупотребленіяхъ. Я догадался изъ сего, что дѣло его вѣрно уже разобрано и что онъ обманулъ, представилъ себя незнающимъ вины своей, для того единственно, чтобы вывѣдать отъ меня что-нибудь или найти во мнѣ человѣка, который бы по незнанію дѣла сталъ бы просить о немъ. Но я болѣе еще въ семъ увѣрился, когда въ тотъ же или на другой день, зашедши къ Мадатову, засталъ его въ сильномъ безпокойствѣ. Первое слово его было о Высоцкомъ. «Вы не хорошо сдѣлали, сказалъ онъ мнѣ, что совѣтовали Высоцкому писать къ Алексѣю Петровичу; онъ написалъ, и главнокомандующій былъ очень недоволенъ симъ».—«Я ему не совѣтовалъ, отвѣчалъ я, а напротивъ того отговаривалъ его отъ сего, сказавъ, что къ сему средству, которое неприлично, должно бы только приступить уже въ самой крайности, когда бы онъ не въ состояніи былъ самъ спросить начальство о винѣ своей».—«Зачѣмъ же онъ у васъ былъ?» спросилъ Мадатовъ.—«Онъ приходилъ за совѣтомъ».—Были ли при томъ посторонніе?»—«Никого не было».—«И вы никому о семъ не говорили?—«Никому»—«Черезъ кого же могло бы сіе выдти?»—«Вѣроятно черезъ Высоцкаго».—«Итакъ, вы видите, съ какимъ человѣкомъ вы дѣло имѣли. Теперь же я скажу вамъ, что онъ давно уже какъ былъ разруганъ главнокомандующимъ за его вины, и не велѣно ему туда и ходить. Онъ весьма хорошо знаетъ свои грѣхи и былъ подосланъ къ вамъ отъ шайки своихъ покровителей, Ладинскаго и Наумова, которые не могутъ дѣло его поправить». Я удивился и радъ былъ, что не вмѣшался въ сіе дѣло, особливо услышавъ имена людей,

изъ коихъ перваго гнушался, а другаго убѣгалъ, какъ глупаго и грубаго человѣка, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ я въ ссорѣ былъ и о связи коихъ съ Высоцкимъ я ничего не зналъ. Я оправдался у Мадатова, хотя и его считалъ не лучше сихъ двухъ, и болѣе не видалъ у себя Высоцкаго, который, вѣроятно, отъ него же узналъ, что я уже извѣстенъ о его дурныхъ намѣреніяхъ. Дѣло Высоцкаго продолжалось, и онъ теперъ смѣненъ Старковымъ, бывшимъ Кубинскимъ комендантомъ.

Въ теченіе лѣта Наумовъ ѣздилъ на воды Кавказскія и, обручившись тамъ съ дѣвицею Бахметьевой, въ которую онъ былъ влюбленъ и которая его терпѣть не могла, возвратился въ Тифлисъ женихомъ и ожидалъ невѣсты своей, какъ вдругъ смерть скоропостижно застала его и открыла всѣ дѣла. Ладинскій въ то время былъ въ Тифлисѣ. Онъ много плакалъ, называя Наумова своимъ единственнымъ другомъ; но слезы его были вѣроятно притворныя: онъ мыслилъ только о томъ, чтобы достать всѣ бумаги и письма покойнаго и истребить всѣ тѣ изъ оныхъ, которыя могли бы обнаружить его собственные поступки. Ему удалось сдѣлать сіе: объявивъ, что Наумовъ ему передъ смертью поручилъ ихъ, онъ ихъ взялъ, большею частію, и многое скрылъ черезъ сіе. Но другая часть попалась Ивану Александровичу, который по нимъ сталъ открывать всѣ связи и дѣйствія сего общества. Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ терпѣть сего, объявивъ, что мертвыхъ судить не будетъ, самъ прочелъ нѣкоторыя бумаги и всѣ сжегъ, желая черезъ то спасти отъ поношенія память человѣка, къ которому онъ имѣлъ слишкомъ большую довѣренность и вмѣстѣ съ симъ спасъ и Ладинскаго, коего дѣла онъ узналъ, но не преслѣдовалъ его, потому что тотъ уже оставлялъ Кавказскій корпусъ. Можетъ быть, причиною сему служило и то, что въ сихъ дѣлахъ былъ замѣшанъ Мадатовъ, котораго онъ не могъ преслѣдовать за злоупотребленія, представивъ его столь отличнымъ образомъ Государю. Съ тѣхъ поръ Ладинскій совершенно потерялся въ мысляхъ начальства и не поправилъ мнѣнія о себѣ; дѣла же сіи остались скрыты.

Увидясь въ Ширванѣ съ Высоцкимъ, я не могъ не вспомнить поступка его противъ меня. Я не напоминалъ ему объ ономъ, но видно было, что и онъ помнилъ его. Я не болѣе двухъ разъ видѣлся у Старкова съ нимъ и принялъ его холодно.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о Старой Шемахѣ въ сихъ запискахъ, имѣя нѣсколько разъ случай видѣть ее; но теперь она

заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ прежде. По изгнаніи или побѣгѣ Ширванскаго Мустафы-хана, новая столица Фитагъ, находящаяся на высокихъ горахъ въ 40 верстахъ почти отъ большой дороги, была истреблена по приказанію нашего правительства, и всѣ жители переведены въ развалины Старой Шемахи. Сіе случилось въ 1821 году. Жителямъ симъ, проведшимъ съ трудомъ зиму въ шалашахъ и кибиткахъ, не позволяли строиться, потому что городъ сей хотѣли выстроить по плану, который еще не былъ утвержденъ главнокомандующимъ. Лѣто 1822 года и часть прошедшей зимы прошли также въ ожиданіи сего разрѣшенія. Безпокоиваемые непогодою, стужею и зноемъ, многіе просили позволенія строиться, и имъ позволили, наконецъ, сдѣлать сіе, взявъ подписку съ нихъ, что по первому требованію правительства они безпрекословно сломаютъ сіи дома и выстроятъ новые на тѣхъ мѣстахъ и по тѣмъ планамъ, которые имъ укажутъ. Они принуждены были согласиться на сіе изъ нужды, выстроили базаръ и нѣкоторые дома; но главнокомандующій въ проѣздъ свой зимою въ семъ году въ Шемаху, кажется, разрѣшилъ имъ строиться по новому плану, который утвердилъ. Не менѣе того я уже засталъ въ проѣздъ свой множество новаго строенія въ городѣ, обширный базаръ и многіе домики среди обширныхъ и величественныхъ развалинъ. Правда, что новыя строенія сіи были самыя пустыя, такъ что и оставить не могло быть жаль. Новый городъ сей долженъ быть одинъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Грузіи, ибо жители ханства сего богаты и ведутъ значительную торговлю. Медленность правительства нашего въ позволеніи строиться внушила недовѣрчивость въ жителяхъ къ намъ; если же заставятъ ихъ еще строиться по Европейскимъ фасадамъ, сіе будетъ самое вѣрное средство совершенно расположить народъ противъ насъ и довершить къ намъ ненависть и неуваженіе, вселенныя до сего также злоупотребленіями чиновниковъ нашихъ. Я узналъ въ Шемахѣ, что Алексѣй Петровичъ, выѣхавъ изъ Тифлиса, намѣревался проѣхать въ Карабахъ, откуда хотѣлъ прибыть въ Шемаху. Имѣя надобность видѣться съ нимъ и опасаясь разъѣхаться съ нимъ въ Елисаветполѣ, я ожидалъ извѣстія о выѣздѣ его изъ сего города, чтобы самому немедленно отправиться въ Шушу по прямой дорогѣ, переправляясь черезъ Куру въ Зардабѣ. Сіе самое понудило меня провести около 5 или 6 дней въ Старой Шемахѣ. Наконецъ, не дождавшись настоящаго отвѣта, я пустился въ путь, ночевалъ первую ночь въ Новой Шемахѣ, вторую, послѣ 35 или 50 верстнаго перехода влѣво отъ большой дороги, въ деревнѣ называющейся, помнится мнѣ, Гардемуръ, а на третью прибылъ въ Зардабу, послѣ 40 слишкомъ верстъ ѣзды,

гдѣ ночевалъ на лѣвомъ берегу у Куры у тамошняго бека Рагима, который надоѣлъ мнѣ хвастовствомъ своимъ и несноснымъ гостепріимствомъ подобнаго Конахъ-Кентскому. Со мною былъ Туркменъ Якши-Магмедъ и слуга его, прочихъ же людей своихъ съ лошадьми и вьюками я отправилъ по прямой дорогѣ въ Елисаветполь, гдѣ они должны были дожидаться меня.

На другой день, переправясь черезъ Куру и проѣхавъ около 40 верстъ, я прибылъ ночевать въ деревню Карабахскаго ханства, начинающагося уже у самой Куры. Тамъ я засталъ на ночлегѣ всю Ширванскую конницу, составленную изъ лучшихъ и богатѣйшихъ бековъ, которые ѣздили встрѣчать Алексѣя Петровича, проводили его до Шушинской горы въ Карабахѣ и на обратномъ пути своемъ расположились въ сей деревнѣ ночевать. Встрѣча сія главнокомандующему, приготовленная Мадатовымъ, была довольно пышная: всѣ беки, всадники и наѣздники трехъ ханствъ Ширванскаго, Нухинскаго и Карабахскаго, были собраны въ самыхъ богатыхъ сбруяхъ и одеждахъ своихъ на первомъ посту отъ Елисаветполя къ Карабаху и встрѣтили Алексѣя Петровича съ пальбою и ристаніемъ.

Съ сего ночлега переѣхалъ я еще около 40 верстъ, въ сопровожденіи посланнаго со мною Рагимъ-бекомъ племянника его, и прибылъ ночевать въ небольшую деревню, лежащую у подошвы Карабахскихъ горъ, а на другой, выѣхавъ въ горы, прибылъ въ Шушу, гдѣ и явился въ тотъ же день къ главнокомандующему, который меня принялъ ласково, нисколько не думая о происшествіи Износкова, столько меня занимавшемъ. Я прибылъ въ Шушу, помнится, 24-го числа и засталъ тамъ также генерала Мадатова и подполковника Реута, командира 42 егерскаго полка, расположеннаго при Чанахчаѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Шуши.

Я хотѣлъ однакоже поговорить съ Алексѣемъ Петровичемъ на счетъ дѣла Износкова и поручилъ Воейкову намекнуть ему, что меня очень безпокоило замѣчаніе, мною полученное по сему предмету. На другой день ввечеру, за ужиномъ, разговорились о Таркахъ, и я не упустилъ случая напомнить ему, что я освободилъ 46 Русскихъ изъ Акуши, въ бытность мою тамъ. Онъ вѣрно былъ дурно расположенъ въ то время; ибо, вмѣсто похвалы, я заслужилъ отъ него замѣчаніе, что мы, частные начальники, разстраиваемъ миръ и дружбу, которую онъ пріобрѣтаетъ съ неповиновавшимися намъ доселѣ народами. Я сказалъ ему, что дѣлалъ сіе по приказанію его, объявленному мнѣ начальникомъ штаба его письменно, и замолчалъ. Разговоръ сей еще

болѣе далъ поводу мнительности моей думать о своей службѣ, и 28-го числа, поутру, я пришелъ къ нему проститься, не зная еще, что предпріиму по прибытіи въ Тифлисъ, и полагая, что самое лучшее будетъ отказаться отъ полка; но онъ почувствовалъ обиду мнѣ нанесенную. Прежде всего началъ онъ разговоръ о строеніяхъ Тарковской крѣпости. Я обязанъ былъ ему правду сказать и, вопреки неудовольствій, которымъ подвергался черезъ сіе со стороны начальника штаба, объявилъ ему, сколь несообразно со здравымъ распоряженіемъ построеніе сей крѣпости, сколь дорого стоили, и людьми, и деньгами, плохія известковыя крыши, тогда какъ опытъ прошлаго года удостовѣрялъ въ непрочности ихъ; что отъ сего средства погнили потолки казармъ и, показавъ ему, что на сей счетъ можно бы уже давно покрыть всѣ казармы желѣзомъ, не изнуряя людей и не озлобляя жителей на насъ безмѣрными требованіями, говорилъ о несообразности архитектуры сей крѣпости и дурномъ выборѣ мѣста, а также и о дурномъ расположеніи жителей. Ему было непріятно слушать сіе, и я можетъ быть неосторожно сдѣлалъ; ибо ошибки сіи, слишкомъ явныя, относились на счетъ начальника штаба; но я не расположенъ былъ никого щадить, видя, что всѣ труды мои ни во что ставились.

„Я слышалъ, продолжалъ онъ, что ты полагаешь меня, недовольнымъ тобою за арестованіе Износкова? Пустое! Я знаю тебя и имѣю полную довѣренность къ тебѣ, знаю труды твои; но не должно было арестовать Георгіевскаго кавалера: это противно уставу“.

„Я прошу васъ объ его прощеніи, сказалъ я. Извините меня, если я васъ такъ безпокоилъ своею жалобою; но я не видалъ другихъ средствъ къ укрощенію его; впрочемъ я просилъ объ удаленіи его только на время командованія моего; ему послужитъ урокомъ сіе наказаніе; теперь же прошу васъ возвратить ему баталіонъ“.—„Нѣтъ, сказалъ онъ, обнявъ меня, не дамъ ему баталіона; я самъ мерзавцевъ не терплю, и онъ не будетъ служить у меня въ корпусѣ; но я доставлю ему отставку“. И въ самомъ дѣлѣ Износковъ получилъ ее съ повышеніемъ чина и, кажется, съ пенсіономъ половиннаго жалованья.

„Не полагай, чтобы я сомнѣвался въ справедливости твоей, сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ; поѣзжай теперь въ Тифлисъ. Пора полкъ принимать. Предупреждаю тебя, что будешь имѣть дѣло съ Ладинскимъ, первымъ и естественнымъ мошенникомъ; не вѣрь ему, будь крайне остороженъ и не торопись, чтобы онъ тебя не обманулъ“.

Я простился съ нимъ. Разговоръ сей вознаградилъ всѣ безпокойства, перенесенныя мною въ теченіе 4 или 5 мѣсяцевъ, и я вышелъ отъ него довольнымъ. Онъ принялъ ласково Якши-Магмеда и приказалъ, по просьбѣ моей, продолжать ему дачу столовыхъ денегъ, которыя онъ прежде получалъ.

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Шуши, я въ тотъ же день, послѣ прощанія съ Алексѣемъ Петровичемъ, пошелъ къ подполковнику Реуту. Домъ его былъ обставленъ пѣхотою; я вошелъ и увидалъ у него на постелѣ сидящаго Джафаръ-Кули-агу Карабахскаго, прощающагося съ дѣтьми и матерью.

Побѣгъ или изгнаніе Карабахскаго Мехти-Кули-хана случились лѣтомъ 1822 года, по стараніямъ правительства, желавшаго овладѣть симъ ханствомъ. Мехти-Кули былъ человѣкъ боязливый, развратнаго поведенія, пьяный и проматывалъ ужасныя доходы свои на людей, кои удовлетворяли неукротимую страсть его къ.... Ему стоили напитки до 80,000 червонцевъ въ годъ, и онъ никогда ничего не имѣлъ. Желая удержаться въ своемъ ханствѣ, онъ не замедлилъ утвердить за Мадатовымъ земли и деревни, принадлежащія Шахъ-Назаровымъ, въ надеждѣ на его покровительство; но Мадатовъ, получивъ ихъ, не замедлилъ взять на себя порученіе склонить его къ побѣгу, такъ какъ и Ширванскаго хана. Мехти-Кули-ханъ бѣжалъ, опасаясь, по разнымъ подложнымъ наговорамъ, чтобы его въ Россію не увезли, и облагодѣтельствованный имъ Мадатовъ былъ орудіемъ правительства въ семъ случаѣ, такъ какъ и въ изгнаніи Ширванскаго хана и въ отравленіи Нухинскаго.

Джафаръ-Кули-ага, который имѣлъ права на ханство, былъ любимъ народомъ въ Карабахѣ и врагъ хану. Когда ханъ бѣжалъ, полагая, что онъ заступитъ его мѣсто, онъ прострѣлилъ себѣ руку въ двухъ мѣстахъ пулями самымъ осторожнымъ образомъ, и распустилъ слухъ въ народѣ, что ханъ при выѣздѣ своемъ хотѣлъ его убить и ранилъ его; я же полагаю, что онъ былъ наученъ къ сему Мадатовымъ для того, чтобы имѣть достаточный предлогъ выслать его за сей поступокъ въ Россію и завладѣть совершенно ханствомъ. Но какъ его заставили молчать о данномъ ему совѣтѣ Мадатовымъ, того не понимаю; вѣроятно страхомъ, ибо онъ меня всегда увѣрялъ, что его ранили ханскіе слуги при побѣгѣ его.

Джафаръ-Кули-ага, молодой человѣкъ, молодецъ собой, бойкій и довольно образованный, былъ намъ всегда естественный врагъ. Онъ приводилъ Абабъ-Мирзу въ 1811 году съ войскомъ, когда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ остатки Троицкаго баталіона въ Карабахѣ. Онъ послѣ того получилъ прощеніе и позволеніе возвратиться, но былъ замѣченъ съ дурной стороны правительствомъ, былъ захваченъ и везомъ въ Россію за конвоемъ, но въ 4-хъ переходахъ отъ Шуши бѣжалъ отъ провожавшихъ его казаковъ; вторично былъ прощенъ, возвратился изъ Персіи и нынѣ захваченъ въ квартирѣ Реута, куда онъ былъ зазванъ будто за другимъ дѣломъ. Ему дали только два часа времени собраться въ дорогу и проститься съ родными.

Я его засталъ въ семъ положеніи. Онъ былъ крайне изумленъ. Съ нимъ находился сынъ его Керимъ, 15-ти лѣтній мальчикъ, который обучался въ Тифлискомъ училищѣ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ. Народъ, любящій его, собирался толпами на площадяхъ и улицахъ и рядилъ о участи его.

Я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Шуши и ночевалъ на Поджалинскомъ посту, гдѣ засталъ д. с. с. Могилевскаго и П. Н. Ермолова, ѣдущихъ въ Шушу для описи ханства, открытія доходовъ и введенія нашего правительства. Въ туже ночь прибылъ туда и Джафаръ-Кули-ага, съ сыномъ своимъ Керимомъ, въ сопровожденіи казачей и пѣшей команды, подъ надзоромъ войсковаго старшины Грекова.

Петръ Николаевичъ, ослѣпленный Ладинскимъ, превозносилъ мнѣ его отличныя качества и хорошее состояніе полка; но я уже былъ предупрежденъ Алексѣемъ Петровичемъ, который самъ говорилъ: „братъ мой Петръ въ немъ души не знаетъ и не видитъ его мошенничествъ; его никакъ не разувѣришь на счетъ Ладинскаго“. И въ самомъ дѣлѣ, сколько я ни увѣрялъ Петра Николаевича въ противномъ, все было тщетно: онъ прямо за него заступался, увѣря, что Алексѣй Петровичъ обманутъ. Наконецъ, я пересталъ говорить, видя, что мои слова напрасны, и взялъ даже отъ добраго Петра Николаевича (увѣрившагося молчаніемъ моимъ, что я перемѣнилъ свое мнѣніе) письмо отъ него къ Ладинскому, гдѣ онъ меня описывалъ преданнымъ человѣкомъ ему, съ коимъ не трудно будетъ кончить дѣло о сдачѣ полка.

Вторая ночь меня застала на Тертерѣ, гдѣ ночевалъ и Джафаръ-Кули-ага, въ сопровожденіи одной казачьей команды. Всю дорогу до Тифлиса я съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ и игралъ по вечерамъ въ шахматы. Онъ очень безпокоился на счетъ своей участи и все спрашивалъ ме-

ня, куда его везутъ, отпустятъ ли его въ Петербургъ, позволятъ ли ему въ службу вступить и не лишится ли онъ посимаго имъ чина полковника. По незнапію моему, я не могъ ему отвѣчать на сіи вопросы и старался его всячески утѣшать въ его несчастіи, проводя съ нимъ довольно пріятно вечера на станціяхъ.

На третій день я прибылъ въ Елисаветполь, гдѣ пробылъ два дни и проводилъ время свое съ Пономаревымъ, принимавшимъ меня съ извѣстнымъ его гостепріимствомъ. Кажется, что я 31-го числа выѣхалъ оттуда и встрѣтился на Шамхорѣ опять съ Джафаръ-Кули-агой, котораго провожалъ уже казачій подполковникъ Долотинъ до Демургасава, гдѣ выѣхалъ къ нему на встрѣчу переводчикъ маіоръ Назаровъ, который уже повезъ его въ Россію и, привезши въ Симбирскъ, возвратилъ ему жалованную отъ Государя саблю, оставилъ его, а самъ возвратился въ Тифлисъ *).

*) Писано 31 Декабря 1823 года въ Башкегетѣ. Н. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854-й годъ *).

Апрѣль. Теперь, по вскрытіи Невы и прочтеніи приказовъ Непира, всѣ трубятъ и злые, и добрые: „Во всемъ виноватъ князь Меньшиковъ. Онъ не умѣлъ заготовить ни одного винтоваго корабля, запустилъ все вѣдомство, не знаетъ своей обязанности, преданъ любимцамъ, думаетъ объ остротахъ, а во время посольства не сумѣлъ воспользоваться выгодою своего положенія... бравадами своими возстановилъ противъ насъ даже партію, преданную нашимъ видамъ". Правда-ли все это? А между тѣмъ, громъ военныхъ дѣйствій уже раздается на Балтикѣ и на Черномъ морѣ. Одесса обложена, Севастополь, Свеаборгъ, Кронштадтъ заперты. Однако у насъ въ Петербургѣ все скромно и тихо; опасеній мало, хотя движеніе войскъ чрезвычайно. „J'ai demandé à Papa", говорила одна великая княжна графинѣ Комаровской (которая мнѣ это пересказывала) „qu'il rétablisse l'empire Grec. Il m'a dit, qu'il ne sait lui-mêmec ce qu'en sera fait par les puissances". Конечно, сказать трудно. Несомнѣнно то, Турціи не будетъ, и анекдотъ Константинопольскій оправдается: князь Меньшиковъ спросилъ Коранъ и требовалъ, чтобъ въ немъ были уничтожены нѣсколько строчекъ; Англо-Французы потребовали Коранъ и бросили его въ Босфоръ. Несомнѣнно, что теперь разыгрывается все таже драма 1848 года. Можетъ быть, что война продлится надолго, союзники утвердятся на Босфорѣ, намъ моря будутъ заперты.

Бомбардированіе Одессы, торжество Щеголевской батареи и награды. Ожиданіе нападеній на Кронштадтъ и Свеаборгъ, военныя мѣры по разнымъ частямъ города, пожертвованія, рвеніе молоде-

---

*) См. выше стр. 0232.

жи и новый наборъ по 12 съ тысячи. Удаленіе наше изъ Молдо-Валахіи и вступленіе въ Сербію Австрійцевъ; гадательное выжиданіе Германіи, которая конвенціей 9 Апрѣля (Augs. Zeit. № 124) связала себя съ западными державами, хотя все еще держится системы Мантейфеля: auf dem bisher verfolgten Wege in voller Einigkeit mit Oestreich und ganz Deutschland und im Einvernehmen mit den andern europäischen Grossmächten fortzuschreiten... Все это еще чревато событіями, послѣдствія которыхъ, едвали ожидаемыя, обнаружатся скорѣе, нежели думаютъ. Во всякомъ случаѣ съ той и другой стороны разочарованіе будетъ непремѣнно. Но посреди восторженныхъ пѣснопѣній всей Россіи, замѣчательно равнодушіе Петербурга, всегда эгоистическаго, и упреки Москвы, всегда оппозиціонной... Графиня Ростопчина написала стихи:

Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ,
Пускай всѣ Русскіе вельможи
Изъ Чухонъ, Ляховъ и Армянъ,
На Русскихъ вовсе не похожи;
Пускай, наслѣдіе Петра,
Страшилище враговъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ,
Вся наша гвардія осталася вѣрна
Названью прежнему—потѣшныхъ.
А слава древняя дружинъ,
Сословіе дѣтей боярскихъ,
На мѣсто теплое, иль заряся на чинъ,
Погрязло въ дрязгахъ канцелярскихъ,
И саблю замѣнивъ перомъ,
Кольчугу бранную позорнымъ вицмундиромъ,
Ярыжкамъ уподобилось во всемъ
И стало мерзостнымъ вампиромъ,
Который день и ночь сосетъ
Всѣ соки лучшіе изъ Русскаго народа
И даже ухомъ не ведетъ,
Что есть ужъ два изданья Свода;
Пускай и самый нашъ народъ,
Врагъ ненавистныхъ иноземцевъ,
По праздникамъ мертвецки пьянъ,
По буднямъ трудится на Нѣмцевъ.
Пускай казна истощена,
И намъ по прежнему пристала
Та фраза старая, что „наша Русь сильна,
Обильна, только въ ней порядка мало,“—

Все это ничего! Придетъ, придетъ пора:
Ударитъ часъ, возстанетъ Русь Святая,
И вотъ тогда изгонятъ васъ,
Наемниковъ иноплеменныхъ стая!...

А Хомяковъ въ стихотвореніи, ходящемъ по рукамъ, „Къ Россіи", выразился еще сильнѣе въ религіозномъ своемъ одушевленіи. Онъ говоритъ:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Я получилъ эти стихи отъ А. П. Глинки. Порицатели этихъ стиховъ находятъ однако пріятнымъ и распространять ихъ...
...Займы сдѣланы повсюду и еще будутъ сдѣланы: это не подлежитъ сомнѣнію. Текущихъ доходовъ едва достаточно для установившихся требованій, не говоря уже о тѣхъ расходахъ, которые придумываютъ династическіе интересы, случайная политика и несоразмѣрное возникновеніе требованій мелкихъ, но тѣмъ не менѣе жгучихъ и важныхъ. У насъ назначеніе частыхъ наборовъ и частныя пожертвованія (ихъ насчитываютъ теперь до 6 мил., включая сюда пожертвованія Яковлева 500 т., Штиглица 300 т., князя Юсупова 180 т., графа Шереметева 150 т.) ослабляютъ частныя достоянія и, при недостаткѣ сбыта за границу, окажутъ вліяніе на поступленіе подушной и земской подати, и можетъ оказаться огромный недочетъ. Съ другой стороны это должно имѣть вліяніе и на откупа, такъ что уже и теперь новая система свободной винопродажи отложена до 1857 года, и г. Броку предоставлено дискреціонное право, не производя торговъ, войти въ соглашеніе съ откупщиками, которые не упустятъ сей оказіи и не потеряютъ ни копѣйки... Кромѣ того уменьшится таможенный доходъ. Уменьшеніе важной этой статьи, и при томъ довольно значительное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и 28 или 30 мил. сократятся по крайней мѣрѣ на половину. Чтò мы будемъ дѣлать? Сдѣлаемъ внутренній заемъ и выпустимъ билеты и серіи. Но это можетъ уронить курсъ и породить смущеніе. Уменьшить расходы? Но они уже уменьшены, и эта мѣра едвали принесетъ пользу. Министры и члены Совѣта втайнѣ радуются затрудненію новаго министра финансовъ; но чтò сами они сдѣлали бы въ данномъ случаѣ? Былъ у меня Г. И. Кузьминскій (начальникъ ссуд-

ной казны) и говорилъ, что пріемъ залоговъ и закладовъ такъ увеличился за последнее время, что казна хочетъ принять некоторыя ограниченія, опасаясь и за недостатокъ денегъ, и за помещенія. Это не безъ связи съ событіями и не безъ вліянія на будущее.

Мы получили для разсмотренія на консультаціи проэктъ Межеваго Устава. После инструкцій 1754 и 1766 годовъ, это третья попытка. Онъ составленъ въ 1835—1845 г. особымъ комитетомъ. Управляющій Межевымъ Корпусомъ М. Н. Муравьевъ такъ отзывается (на 83 стр. своей записки) объ этомъ Уставе: „Онъ вовсе не соответствуетъ настоящему направленію и развитію межевой части. Уставъ этотъ не могъ бы остаться въ своей силе и безъ всехъ переменъ, совершившихся въ межевомъ управленіи; ибо въ Уставе или повторенъ действующій законъ, или безъ всякой практической необходимости допущены произвольныя и весьма серьезныя измененія въ противность 52 статье Свода, не говоря уже о безпрестанной и совершенно ненужной перефразировке существующихъ законовъ. Поэтому оставить проэктъ безъ разсмотренія и безъ всякихъ последствій“. О действующихъ межевыхъ законахъ (Св. Зак., т. X) статсъ-секретарь Блудовъ приложилъ особую записку, въ которой, между прочимъ значится (стр. 5), что „Сводъ такъ недостаточенъ, что можно исправить его только однимъ способомъ: новою переделкой всего Свода на основаніи коренныхъ законовъ, а въ особенности же на основаніи Межевой Инструкціи, которой ясность и последовательность совершенно исчезла въ Своде“ (стр. 8), что „сіи постановленія такъ сбивчивы, что даже трудно решить, есть ли тутъ противоречія или нетъ“ и проч... И это говорятъ лучшіе сановники управленія и по важнейшей части государственнаго благоустройства!... Опаснейшій нашъ врагъ, это наше внутреннее управленіе.

Молодыя великія княгини ездили къ Сергію и путь до Москвы совершили въ 10 часовъ! Это птичій полетъ. Графъ Клейнмихель встретилъ ихъ на станціи, и Марья Николаевна жаловалась, что ехали тихо. Надобно сказать правду, что железная дорога идетъ у насъ хорошо: ни неисправностей, ни безпорядковъ, ни несчастій почти не было и нетъ. Но за то выручка нисколько не соответствуетъ издержаннымъ капиталамъ. Въ последнее время, когда насъ заперли съ Юга и съ Севера, отправленіе и привозъ тяжестей значительно уменьшились и грозятъ совершенно прекратиться. Государь это зналъ и выразилъ, при самомъ начале дела, что дорога не будетъ окупаться, но что она важна въ государственномъ и военномъ отношеніяхъ.

Глупому дѣлу въ Силистрійской вылазкѣ, стоившей намъ такъ много народа, никто не вѣритъ. Говорятъ, что не можетъ быть, чтобъ дивизіонный генералъ С. рѣшился самъ на такое дѣло, вблизи, въ виду корпуснаго командира и самого главнокомандующаго и чтобъ въ такомъ неосновательномъ предпріятіи такъ неосновательно приняли участіе свитскій генералъ князь П. Урусовъ и флиг.-адъют. гр. Орловъ (раненый; мать уже поѣхала къ нему третьяго дня, а отецъ, какъ сказывалъ мнѣ Кочубей, плакалъ, выходя изъ кабинета Государя). Неблагонамѣренные говорятъ, что это ошибка самого Паскевича; другіе предполагаютъ, что это было просто недоразумѣніе. Къ этому непріятному слуху присоединилась и молва о сожженіи Улеаборга, едва-ли вполнѣ достовѣрная; ибо союзный флотъ щадитъ Финляндію.

Іюнь. Военныя обстоятельства все болѣе и болѣе налегаютъ на всѣхъ враждующихъ и особенно на насъ. Всякое плаваніе на двухъ моряхъ прекращено. Строгой блокады нѣтъ, но корабли берутся и нейтральные. Дѣйствія Австріи, обнародованіемъ актовъ Греческихъ дѣлъ, все болѣе и болѣе оказываются предательскими. Нѣтъ сомнѣнія, что обсерваціонная армія эрцгерцога Фердинанда вызываетъ и съ нашей стороны обсерваціонную армію барона Остенъ-Сакена, независимо отъ Дунайской арміи князя Горчакова (а князь Паскевичъ, оконфуженный, ѣдетъ въ Гомельское свое имѣніе). Адъютантъ Прусскаго короля, молодой Мантейфель, пріѣхалъ, опереженный Берлинскимъ военнымъ посланникомъ графомъ Бенкендорфомъ, конечно не съ предложеніемъ услугъ. Греція, Сербія и др. если не заняты, то будутъ заняты союзными войсками. Между тѣмъ кромѣ внутренняго займа въ 30 мил. р., кромѣ приношеній 20 мил., кромѣ экстраординарныхъ суммъ 11 мил., мы уже, черезъ посредство Штиглица, дѣлаемъ заемъ въ 50 мил. И это все еще въ началѣ. А потери на Балтійскомъ и Черномъ морѣ! Но все это ничего. Мы вытерпимъ и вынесемъ. Главное—нравственное униженіе.

Стихи Хомякова зашли далеко и вызвали два отвѣта. На выговоры графа Закревскаго за написаніе такихъ стиховъ Хомяковъ отвѣчалъ, что онъ не сочинялъ ихъ, а перевелъ со Славянскаго изъ молитвъ, читаемыхъ при молебствіи 25 Декабря. Черезъ Третье Отдѣленіе сочинителю запрещено не только печатать или распространять, но даже и читать друзьямъ эти стихи *).

*) Графъ Закревскій, лично знавшій Хомякова еще по службѣ его въ гвардіи (въ царствованіе Александра Павловича), хорошо знакомый и съ его

На нихъ отвѣчала графиня Ростопчина, 9 Апрѣля 1854 г.

Самъ Богъ сказалъ: „Чти мать свою!"
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Поносишь бранію неправой
Ты мать родимую свою и пр!..

Другой отвѣтъ, написанный тоже Московскою (Арсеньевой, ур. Камыниной), менѣе грозенъ и заносчивъ:

Стыдись, о сынъ неблагодарный,
Отчизну-матерь укорять,
И рѣчью жесткой и коварной
Покровы съ язвъ ея срывать!
То правда: древле гласъ Пророка
Каралъ въ бѣдахъ Ерусалимъ;
Но, чуждый страсти и порока,
Онъ духомъ Божьимъ былъ водимъ,
И вдохновенія лежала на немъ
Священная печать.
Но чья же власть намъ указала
Тебя пророкомъ почитать? и т. д.

18 Іюня. Ну, всѣ отдохнули: Паскевичъ болѣе не командуетъ арміей. Онъ поздно началъ и поздно кончилъ. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ графа Сологуба. И точно, написано прекрасно. На 25 Іюня *) ожидаютъ нападенія соединенныхъ флотовъ на Кронштадтъ. Едвали, впрочемъ, оно будетъ. Однако ни эта медленность флотовъ, ни побѣда князя Андронникова не въ состояніи утвердить въ насъ увѣренности въ успѣхъ, ни вызвать хоть одного голоса въ Европѣ въ нашу пользу. Нашихъ Мейндорфовъ, Бруновыхъ Европа не удостоиваетъ и простыхъ сообщеній, а бумаги старика Нессельроде прямо называютъ канцелярскими придирками. Буря западная грозила намъ давно, и давно мы, не увѣреные въ Австріи и Пруссіи, желали имѣть на своей сторонѣ Англію. Этими союзами мы хотѣли окружить своевольную Францію и

матерью, призвалъ къ себѣ Хомякова и объявилъ ему повелѣніе не читать своихъ стиховъ даже и знакомымъ. „Ну а матушкѣ можно?" спросилъ Хомяковъ.— „Можно, но только съ осторожностью", отвѣчалъ улыбаясь тогдашній хозяинъ Москвы. *П. Б.*

*) День рожденія Николая Павловича. *П. Б.*

положить начало строгаго Русскаго порядка въ Европѣ. Путешествіе великихъ княгинь въ Англію и переписка Сеймура конечно не имѣли другой цѣли. Посольство Меньшикова, назначенное въ подражаніе графу Лейнингену, было поводомъ къ объясненію нашего положенія, и съ того времени отъ бравадъ и уступокъ мы пришли къ тому безвыходному состоянію, изъ котораго выведетъ насъ (хотя не время смѣяться) развѣ какой нибудь загадочный планъ примиренія старика Меттерниха. Очевидно, что событія выбили совершенно изъ колеи знаменитый тріумвиратъ: Меттернихъ, Абердинъ и Нессельроде. Дѣло идетъ о народныхъ массахъ, столкнулся Западъ съ Востокомъ. Мы пытались поправить дѣло бравадами. Занятіе княжествъ, Синопское дѣло, переходъ черезъ Дунай—все это отвѣты на надменныя предложенія Англо-Франціи. Бравады не помогли, напротивъ вызвали соотвѣтственныя мѣры. Наконецъ, насъ заперли на Югѣ и Сѣверѣ. Мы пытались поправить дѣло уступками: посольства графа Орлова, принца Мекленбургскаго, нота Нессельроде 17 Марта, чествованіе Англійскихъ плѣнныхъ, наконецъ инструкція князю Горчакову (Штутгардскому) въ Вѣну, въ отвѣтъ на требованіе объ очищеніи княжествъ и Дуная. И это не помогло! Пруссія, въ докладѣ графа Гольца о займѣ 30/м., обругала насъ; Австрія показала совершенное недовѣріе къ намъ, какъ видно изъ трактатовъ 20 Апрѣля. Прусскій король сказалъ:... que c'est avec un regret bien sincère que le roi se voit obligé à renoncer, pour le moment au moins, à cette attitude médiatrice, qui lui semblait prescrite et par les sentiments personnels, et par les intérêts de son pays, tant qu'il pouvait s'en promettre de salutaires résultats. Францъ-Іосифъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ обязаться за исполненіе того, что̀ не въ его власти. Франція, найдя поводъ (браваду Меньшикова) вмѣстѣ съ Англіей, настоящей нашей соперницей, никогда не думала согласиться на statu quo ante. На это была бы согласна Австрія; но теперь и она уже идетъ далѣе, и предательская политика ея, еще такъ недавно оглашенная въ исторіи Итальянской кампаніи Суворова и союзной войны Венгерской, снимаетъ личину и выставляетъ армію. Буоль-Шауенштейнъ, еще въ Январѣ, тихонько писалъ Англіи: „Русскіе продали свои корабли Грекамъ въ Тріестѣ. Принимайте мѣры; а теперь они прямо заключаютъ конвенцію съ Турціей о занятіи княжествъ и Сербіи". Конечно предательская эта политика можетъ и, по правдѣ, должна перейти и на нашу сторону; но для этого нужна великая побѣда; а гдѣ она? На пораженіе Азіатскихъ шаекъ и полчищъ никто не обращаетъ вниманія, а на Дунаѣ все идетъ, какъ и говорили при отправле-

ніи Паскевича, очень плохо: людей потеряно множество; осада Силистріи снята, княжества очищаются; въ Крыму ожидаютъ высадки, а у насъ и главнокомандующаго нѣтъ. Все это великое дѣло, надо признаться, ведено такъ дурно, такъ по всероссійскому манеру, что надежда Европейскихъ журналовъ — отреченіе или кончина Государя (страшно сказать!) повторяется и у насъ. И въ самомъ дѣлѣ, могущество наше на съѣздахъ въ Варшавѣ и Ольмюцѣ достигло страшной своей степени, а легкомысленная довѣрчивость въ перепискѣ Сеймура доказываетъ такое надменное забвеніе отношеній взаимности и народнаго права, что, кажется, намъ придется получить тяжкій урокъ и узнать, что не въ этомъ состоятъ сила и величіе, не въ Балтикѣ можно имѣть флотъ надежный, не такъ слѣдовало преслѣдовать завоеваніе Кавказа, не такими путями примирять Польшу. Я не могу себѣ выяснить, гдѣ поворотъ и рѣшеніе вопроса: въ возстаніи-ли демократіи нетерпѣливой или въ обращеніи Германіи; не могу представить положеніе Государя даже и по заключеніи какого бы то ни было мира; не могу представить и Россію безъ этой сильной личности при столь слабыхъ нашихъ учрежденіяхъ.

Минье приводитъ отрывокъ одного письма Людовика XIV отъ 29 Апрѣля 1709 года (слѣдов. въ старости и въ годы неудачъ противъ всей Европы), гдѣ надменный властитель говоритъ съ большою откровенностью: „Je me suis toujours soumis à la volonté divine, et les maux dont il lui plaît d'affiger mon royaume, ne me permettent plus de douter du sacrifice qu'elle demande que je lui fasse de tout ce qui me pourrait être le plus sensible. J'oublis donc ma gloire!“ Эти слова не совсѣмъ искренни, и старикъ едвали хотѣлъ то сказать, что̀ сказалъ... Забыть славы нельзя. Но развѣ Россія похожа сколько нибудь на Францію? Все Европейское принято у насъ чрезвычайно формально. Формальности эти гнетутъ даже наше общество (стоитъ посмотрѣть Москву) чуждыми наростами, которые въ разладѣ и съ вѣрою, и съ обычаями, и съ нуждами нашими...

Іюль. Съ тѣхъ поръ, какъ молодое поколѣніе заняло мѣста оберъ-секретарей и оберъ-прокуроровъ, приказный порядокъ во многомъ измѣнился: прежнія формы начинаютъ гнуться и ломаться, крючкотворство въ веденіи дѣлъ замѣняется общими выводами теоріи права, рѣдко уважающими прежній опытъ. Я не думаю, чтобъ какъ прежнее, такъ и новое не имѣло вредныхъ послѣдствій для утвержденія въ народѣ довѣрія къ правосудію. Это особенно относится къ дѣламъ гражданскимъ, въ которыхъ признаніе истины, при непрочномъ у насъ понятіи о пріобрѣтеніи и собственности,

и безъ того весьма трудно. Назначеніе юношей на мѣста судей и прокуроровъ дошло до того, что даже Танѣевъ вынужденъ былъ въ прошломъ году придумать ограниченія. Это породило въ общемъ мнѣніи убѣжденіе въ неопытности молодыхъ дѣятелей, а нелюбовь къ министру юстиціи производитъ то, что Совѣтъ всегда готовъ отвергнуть всякую общую мѣру, предлагаемую имъ или объ улучшеніи штатовъ, или о лучшей подсудности; Сенатъ же, ропща на произвольныя распоряженія министра по отпускамъ, перемѣщеніямъ и наградамъ, тихомолкомъ подкарауливаетъ его на дѣлахъ, имѣющихъ какую нибудь важность. Къ этому и соперничество Комиссіи Прошеній дошло до того, что ни одной Субботы (засѣданія консультаціи оберъ-прокуроровъ) не проходитъ, чтобъ мы не перерѣшили нѣсколько дѣлъ, рѣшенныхъ въ другіе дни. Что́ же касается уголовнаго правосудія, то здѣсь, за неимѣніемъ противорѣчія сторонъ, другая крайность, едвали не горшая для государства. При дѣйствіи стараго XV тома наказанія были весьма однообразны: плети, Сибирь, кнутъ. Это отмѣнено; ибо ссылка только увеличивала число бродягъ, доведшее правительство до клейменія, и по Уложенію 1845 года, по Европейскимъ примѣрамъ, установили розги и заключеніе въ роты, рабочіе дома, смирительные, тюрьмы и проч., т. е. въ такія мѣста, которыхъ не было и нѣтъ ни въ одной губерніи. Присужденные къ заключенію завалили и безъ того плохія и тѣсныя тюрьмы. Въ 1853 приняты были опять ссылка и розги. На долго-ли, неизвѣстно; но ослабленіе видовъ наказанія бросается въ глаза. Не смотря, однако, на это ослабленіе, старики-сенаторы первый вопросъ ставятъ такъ: какъ бы наказать полегче? И Уложеніе въ 3000 статей даетъ этому всевозможныя удобства: выборомъ видовъ преступленія, пріисканіемъ статей, понижающихъ и мѣру, и степень наказаній, и особенно 1177-я статья XV тома, требующая исключенія всякой возможности сомнѣнія въ невинности или виновности. Статья эта требуетъ совершенно невозможнаго. Главнѣйшая причина столь неудовлетворительнаго положенія дѣлъ, по мнѣнію моему, есть централизація. При этомъ порядкѣ всевозможная гласность немного пособитъ, а у насъ и гласности нѣтъ, и порядокъ жалобъ чрезвычайно неудовлетворителенъ...

Вотъ все ждали объявленія войны Австріи, а газеты извѣщаютъ объ обѣдахъ и тостахъ князя Горчакова въ Вѣнѣ. Гвардейскіе полки пріостановлены, новаго набора нѣтъ, и повидимому все обѣщаетъ сближеніе съ Германіей. Но этотъ застой конечно

не нормальное явленіе, и Луи-Наполеонъ всматривается, гдѣ бы ударить побольнѣе. А между тѣмъ конституціонный вопросъ уже всплылъ: возстаніе о'Доннеля въ Испаніи принимаетъ широкіе размѣры, молодой императоръ Австрійскій вводитъ совѣщательныя собранія, Англійское министерство торжественно объявляетъ, что оно не выйдетъ въ отставку единственно потому, что кромѣ него, ни Дерби, никто кабинета не составитъ. Оксфордскій билль прошелъ, Шведское духовенство эмансипируетъ Евреевъ. Все это явленія знаменательныя.

Вчерась Великій Князь Константинъ пустился въ море съ своими адъютантами: княземъ Голицынымъ, Истоминымъ и Юсуповымъ на Американской лодкѣ новаго устройства. Вѣтеръ опрокинулъ лодку. Князь спасся на высланномъ за лодкой катерѣ, прочіе также спаслись. Князь Голицынъ потонулъ. Это единственный сынъ князя Александра Ѳедоровича. Извѣстіе это въ Петергофѣ и здѣсь произвело самое непріятное впечатлѣніе. Чувствительный Рикордъ, въ глазахъ котораго все это происходило, говорятъ, разбитъ ударомъ. Всѣ сожалѣютъ князѣ о Голицынѣ, какъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ и опытномъ морякѣ.

Сегодня Государь Императоръ, за то, что команда корабля не отвѣчала ему: „здравія желаемъ!“ посадилъ капитана В. П. Опочинина на сальникъ. Это посрамленіе глубоко оскорбило весь Балтійскій флотъ, и безъ того убитый своимъ положеніемъ.

Въ Августѣ я ѣздилъ въ деревню (въ Орловскую губернію, Болховскаго уѣзда). Въ деревнѣ меня не поразили ни это отсутствіе общественной жизни, такъ лѣниво обновляемой запоздалыми извѣстіями и газетами, ни грязь, ни слякоть; меня поразили бѣдность до дикости нашего народа и дурная ѣзда до невозможности по деревенскимъ дорогамъ. Крестьяне, я увѣренъ, въ теченіи вѣковъ, въ большинствѣ своемъ, не подвинулись ни на шагъ впередъ. Они очень недалеки отъ домашнихъ животныхъ. Этотъ старикъ не мытый, никогда нечесанный, босоногій; эта женщина полуобнаженная, мальчишки грязные, растрепанные, валяющіеся въ грязи и на соломѣ, все это не человѣческія фигуры! Всѣ они, какъ будто внѣ черты государственной жизни, какъ будто незаконныя дѣти Россіи, какъ будто побѣжденные мечемъ побѣдителей имъ не соплеменныхъ; какъ будто записки совѣтовъ и комитетовъ, всѣ эти дѣла въ судахъ и палатахъ не объ нихъ, не для нихъ... Какая неизвинительная безпечность высшихъ и низшихъ правителей! А дороги! Онѣ въ томъ же состояніи, какъ были тотчасъ послѣ потопа.

Молитва діакона о плавающихъ, путешествующихъ (они же страждущіе) ничего не помогаетъ. Къ довершенію бѣдствія, мы, помѣщики, ѣздимъ по этимъ дорогамъ въ Европейскихъ экипажахъ.

Я имѣлъ три любопытныя встрѣчи въ деревнѣ: а) наборъ, б) архіепископъ Смарагдъ и в) А. П. Ермоловъ. О наборѣ я узналъ, когда, сидя на балконѣ, услышалъ какіе то вопли и отголоски. Чтò такое? „Это бабы голосятъ". Наборъ—это захватъ, угонъ, плачъ!... Едвали Ермоловъ теперь можетъ быть народнымъ полководцемъ...

Сентябрь. Дѣла мірскія идутъ своимъ порядкомъ, и демократическое начало, т. е. гласность, независимая отъ перламентаризма, и народность, независимая отъ политической власти, все расширяется и усиливается. Мы оставили княжества. Мы потеряли Аландскіе острова, мы утратили довѣріе къ нашей непобѣдимости, къ обилію нашихъ средствъ и къ самой твердости характера нашего Государя. Несчастныя дѣйствія на Дунаѣ, настойчивость Франціи и сближающейся съ ней Австріи привели насъ къ уступчивости. Только одна Пруссія не вполнѣ отъ насъ отступилась, и то можетъ быть потому, что демонстрація Французская въ Булонскомъ лагерѣ выразилась немного поспѣшно. Странное дѣло! Все личное вліяніе Николая, столь явно и сильно ощутительное, повидимому, перешло къ Наполеону. Онъ налегъ всею силою своей демократичной власти на Австрію, на которую онъ можетъ послать легіоны Венгровъ и Поляковъ; онъ пробудилъ мысль объ единствѣ Германіи, увлекъ всѣхъ Нѣмцевъ. Онъ вызвалъ къ себѣ для свиданія Альберта Англійскаго, Леопольда Бельгійскаго и юношу Португальскаго. Взятіе Аландскихъ острововъ не представляетъ важности; важнѣйшаго надо ожидать въ Крыму. Нравственное, политическое униженіе наше въ настоящее время очевидно и едва ли скоро минуетъ. Сгоряча мы мало чувствуемъ потери и убытки, но они очень велики, и послѣдствія ихъ долго будутъ тягостны. Противъ всякаго ожиданія, Паскевичъ опять въ Варшавѣ. Говорятъ, и Воронцовъ опять будетъ на Кавказѣ. Внутри никакихъ распоряженій: второй наборъ—и только! О лучшемъ устройствѣ и помину нѣтъ. А между тѣмъ этотъ вопросъ чрезвычайно упростилъ бы и вопросъ внѣшній, уменьшеніемъ опасенія и недовѣрія къ Азіатскому нашему управленію, пробудя сочувствіе въ соплеменныхъ намъ народахъ и вызвавъ лучшихъ дѣятелей, съ благородными стремленіями. Демократическое начало и у насъ проявляется: записками, стихами, письмами профессоровъ, унтеръ-офицеровъ, крестьянъ. Профессоръ Погодинъ снова написалъ записку,

гдѣ предлагаетъ отпустить на волю Поляковъ; унтеръ-офицеръ Крыловъ прославляетъ Суворова, а Костромской крестьянинъ Комаровъ пишетъ Государю, посылая 10 р.: „Государь-батюшка, кабы ты зналъ, какъ мы тебя жалѣемъ и любимъ!“ Говоръ въ Москвѣ неумолчно требуетъ драться, идти на проломъ; на большихъ дорогахъ ямщики читаютъ газеты, въ деревняхъ лакеи интересуются новостями, а мы принимаемъ пункты Вѣнской конференціи, а мы восхваляемъ прокламаціи Турокъ при занятіи Валахіи. Къ этому грустному состоянію дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ присоединяются случайности общія и мѣстныя: плохой урожай озимыхъ, страшные ураганы и феномены, пожары, особенно въ Самарѣ, въ Москвѣ и даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ, гдѣ 13 Августа сгорѣло 130 домовъ (цѣлый кварталъ Измайловскаго полка), холера, не прерывающаяся и неоднократно возобновляющаяся то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, болѣзнь на картофель и застой торговли.

Едва огласилась нота 10 Августа въ отвѣтъ на Австрійскіе 4 пункта, какъ общее ожиданіе, хотя и приготовленное, было поражено донесеніемъ князя Меньшикова о высадкѣ непріятеля въ Крыму, у Евпаторіи! Духъ занимается. Что̀ будетъ? Мы считаемъ минуты и молимъ Бога. Говорятъ, что высадка послѣдовала въ двухъ мѣстахъ, и въ Ѳеодосіи особый корпусъ Турокъ. Говорятъ, обложатъ Севастополь съ суши и съ моря. Многіе надѣятся, многіе сомнѣваются; но никто не боится.

Съ 10 по 13 нѣтъ никакихъ извѣстій, и никто не знаетъ ничего. Слухи темные, толки дерзкіе, участіе общее. Конечно, какъ бы ни разыгралось это дѣйствіе военной драмы, рѣшительнаго тутъ ничего не будетъ, хотя бы на голову разбили насъ и сожгли весь флотъ. Все это потери, неудачи, опытъ... Но Крымъ — это перлъ въ вѣнцѣ нашей короны; онъ тѣсно связанъ съ Кавказомъ: двѣ страны, въ которыхъ Европейская, Русская образованность думала дѣйствовать благодѣтельно. Не можетъ быть, чтобъ до сихъ поръ не было болѣе обстоятельнаго донесенія отъ князя Меньшикова и чтобъ его не обнародывали, если оно благопріятно. Сомнѣваюсь, чтобъ Англо-Французы рѣшились на такое важное предпріятіе, не обдумавъ зрѣло, не взвѣсивъ всѣхъ случайностей. Но во всякомъ случаѣ мы дешево не уступимъ и, чѣмъ сильнѣе пораженіе, тѣмъ глубже возчувствуемъ его и тѣмъ сильнѣе воспрянемъ. Убійственно слушать, что мы, послѣ 80 лѣтъ владычества въ Крыму, какъ въ Польшѣ, не можемъ положиться на сочувствіе туземцевъ.—Недостатки, неустройства внутренняго управленія пре-

слѣдуютъ насъ повсюду. Дай Боже, чтобъ хоть эти неудачи открыли глаза и показали намъ, какъ важно (важнѣе всякихъ предпріятій задуманныхъ о Китаѣ, Японіи, Индіи), какъ важно благоустройство внутреннее, которое влекло бы къ намъ крайнія наши провинціи. Эти временные успѣхи Запада неопасны. Какъ ни вредно вліяніе его, какъ ни безчестны поступки воителей съ беззащитными прибрежными Финляндцами, съ женами и малолѣтками (краснѣешь за образованность), съ отдаленными поднѣжными берегами Бѣлаго моря, гдѣ не пощажены ни бѣдная хижина, ни бѣдная церковь—временные успѣхи Запада не останутся для насъ безъ пользы: они укажутъ намъ ошибки наши въ прошедшемъ и лучшіе пути въ будущемъ, внеся въ народъ новыя понятія, новыя требованія и сознаніе своей самостоятельности.

13 Сентября. И нынче ничего нѣтъ изъ Севастополя, или и нынче ничего не хотятъ сказать. Видно только и слышно только, что тамъ наборъ, а здѣсь заемъ.

15 Сентября. Нынче есть донесеніе, что князь Меньшиковъ оставилъ свою позицію. Вѣрно, было дѣло и проиграно.

Перешелъ р. Качу и остановился подъ Севастополемъ! Не нынче, завтра надо ожидать рѣшительнаго извѣстія. Нѣкоторые думаютъ, что, напечатавъ такое непріятное извѣстіе, правительство имѣетъ еще болѣе непріятное. Какой говоръ, какой ропотъ, какое нетерпѣливое ожиданіе и какое громкое осужденіе! Мы теряемъ Севастополь, а съ нимъ и вліяніе на морѣ, на христіанъ, на Кавказъ, на Востокъ! У меня сидѣли генералы, старикъ Обручевъ и Раговскій; потомъ я былъ у стариковъ Кочубеевъ: какой гвалтъ, какія порицанія! Разговаривая о войнѣ, на вопросъ министра Брока, достаточно-ли войскъ у князя Меньшикова, князь Д. отвѣчалъ: qui est ce qui s'attendait à une entreprise aussi gigantesque? Но авось не все потеряно!

Сраженіе при Альмѣ было жаркое... Княжевичъ пишетъ брату своему (сенатору), что они бунтуютъ Татаръ и что это отчасти удается. Газеты выдаются въ самомъ оборванномъ видѣ. Чего опасаются и что́ скрываютъ? Порицанія громки. Никто понять не можетъ донесенія 18 Сентября. Какъ могли Французы, отдѣлясь отъ Англичанъ (и кн. Меньшиковъ объ этомъ не имѣлъ свѣдѣній), перейти съ Сѣверной стороны на Южную, пройдя мимо Меньшикова и Корнилова, непонятно.

27 Сентября. И все хуже и хуже! Слышали, что С. Арно умеръ. Пришла вѣсть о страшномъ пожарѣ въ Мемелѣ, гдѣ сгорѣло на 6 мил. товаровъ нашихъ, нами запроданныхъ.

Октябрь. Уныніе въ городѣ общее. Князь М. Д. Горчаковъ назначенъ главнокомандующимъ южной арміей.

Послѣ завтра, 2 Октября, мы разсматриваемъ дѣла о Байдарской долинѣ и о Бессарабскихъ межахъ, обагряемыхъ кровью. Оттого-ли, что мы любимъ просторъ или оттого, что не привыкли къ осѣдлости долины и межи у насъ не удерживаются, долины мы захватимъ, какъ захватилъ Байдарскую Потемкинъ, а межи отнесемъ или запашемъ. Такъ поступали мы на Сѣверѣ съ Пермскими землями, такъ поступали на Востокѣ съ землями Калмыцкими и Башкирскими, такъ дѣлали мы на Югѣ съ землями Татаръ, такъ дѣлаемъ на Западѣ съ конфискованными имѣніями Поляковъ. Конечно захватить, обработать и получить отъ земли пользу, по-крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи, еще извинительно; но мы захватимъ и начнемъ мѣнять, торговать и, не получая существенной пользы, отдаляемъ отъ себя и возстановляемъ противъ себя мѣстное населеніе, такъ что въ мирное время мы—завоеватели своихъ собственныхъ земель, а во время войны мы должны опасаться и защищаться отъ этихъ нашихъ подданныхъ. Неуваженіе собственности, захватъ, воровство—главнѣйшіе недостатки непостоянной, выбитой изъ историческихъ границъ нашей жизни.

Избави, Боже, безпорядковъ внутреннихъ! Возгораемыхъ матеріяловъ такъ много, что пожаръ можетъ обнять все пространство, и демократія, и необузданная анархія далеко превзойдутъ въ своихъ разрушеніяхъ тѣ государства, гдѣ разъяренное поколѣніе встрѣчаетъ какое нибудь препятствіе въ порядочныхъ учрежденіяхъ, историческихъ преданіяхъ и привычкахъ. Всѣ эти крѣпостные, всѣ эти обобранные крестьяне и инородные, церковные, мелкопомѣстные владѣльцы, и эти безпомѣстные мѣщане и разночинцы, срочные арестанты, безсрочные отпускные, все это обнаруживаетъ неустройство и безпорядокъ.

По 27 Сентября все еще не было никакихъ дѣйствій. А между тѣмъ, какое торжество всей Европы вслѣдствіе слуховъ о взятіи Севастополя! Но чему вы радуетесь? Чего торжествуете? Вы поднимаете на себя Русскую націю и подрываете собственный оплотъ. Сентъ-Арно умеръ, Барбесъ прощенъ. Повидимому наши дѣла поправляются. Для насъ каждый часъ—выигрышъ. Осуждаютъ холодность кн. Меньшикова. Не подѣйствуютъ-ли на старика великіе князья Николай и Михаилъ, уѣхавшіе въ Крымъ? Хвалятъ Корнилова, который будто-бы сказалъ: „отступленія не будетъ, и если я самъ прикажу отступать—поднимите меня на штыки!» Войска все идутъ; на Югѣ и на Западѣ, кажется, собираются тучи гроз-

нѣе прежнихъ. Говорятъ о назначеніи Остенъ-Сакена на Кавказъ, но указа еще нѣтъ. Толки въ гостиныхъ и въ иностранныхъ журналахъ все объ Альмскомъ сраженіи. Хвалятъ стойкость нашихъ. Привезенные плѣнные, кажется де-Мортье и Гонди, признаютъ, что положеніе соединенной арміи становится затруднительнымъ. Говорятъ, что знаменитые генералы Шангарнье и Ламорисьеръ допущены во Францію и вступаютъ въ службу. Сомнѣваюсь. Говорятъ о партіи, направленной противъ Меньшикова, къ которой присоединяется и такъ называемая Нѣмецкая; во главѣ ея Нессельроде и Мейндорфъ. Въ самомъ дѣлѣ, оставленіе его съ слабыми силами, самый рескриптъ, чрезвычайно сухой и блѣдный, гдѣ какъ бы говорится: „съ распространеніемъ правъ и власти вы оправдаете вполнѣ наше къ вамъ довѣріе“... Какъ будто прежде онъ не оправдывалъ? Князь три раза писалъ о подкрѣпленіяхъ и получилъ отвѣтъ лишь тогда, когда написалъ объ опасности, угрожающей Оріандѣ! Нынче, говорятъ, пріѣхалъ изъ арміи курьеръ съ важными депешами. Курьеръ этотъ—сынъ князя. Молодой князь не привезъ собственно ничего и прибылъ (хоть и не время было оставлять въ настоящую минуту Крымъ) для представленія личныхъ объясненій, безъ которыхъ, какъ выразился Государь, онъ ничего не понимаетъ изъ донесеній. Чтó значитъ переходъ съ Сѣверной стороны на Южную? Какъ могъ пропустить непріятеля князь Меньшиковъ?

10 Октября. Въ обществѣ говорятъ о трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Іюльскихъ—Сентябрьскихъ книжкахъ Revue de Deux Mondes. Статьи эти о Россіи и въ самомъ дѣлѣ замѣчательны. Одна: „Les Allemans en Russie и les Russes en Allemagne“. Сочинитель слишкомъ много придаетъ значенія такъ называемому имъ тріумвирату: Остермана, Бирона и Миниха. Выходцы эти дѣйствовали исключительно своекорыстно и безъ общаго плана; они дѣйствовали тогда, когда младенчествующее государство было игрушкою партій, не однихъ Нѣмцевъ (являлись и Шетарди и Лестокъ), и даже маленькая Швеція, въ манифестѣ Левенгаупта, хотѣла силою прекратить игру этихъ вліяній. Талландье не выставилъ ни одного факта, важнаго въ нашей исторіи. Польскія дѣла и раздѣлъ производили у насъ (за исключеніемъ Репнина) Нѣмцы, и вообще этотъ элементъ былъ болѣе рабскимъ исполнителемъ, нежели добросовѣстнымъ слугою. Вторая статья о Герценѣ. Онъ товарищъ мой по Университету. Это разборъ его сочиненій, весьма поверхностный, сочиненій соціалистическихъ, обличающихъ талантъ и силу. Въ Сентябрьской книжкѣ появилось еще его сочиненіе „Тюрьма и Ссылка“;

ничего особеннаго, хотя очень вѣрно и занимательно. Разсказаны процессъ его 1834 года и пребываніе его въ Вяткѣ при сатрапѣ Тюфяевѣ. Три изгнанника наши: Тургеневъ, Головинъ и Герценъ много способствуютъ усиленію невыгоднаго о насъ общаго мнѣнія. Замѣчательнѣйшая статья третья: La guerre et les finances de la Russie, Леона Фоше. Я не предполагалъ и не полагаю, чтобъ мы шли къ банкротству. Думаю, что дефицитъ будетъ гораздо болѣе 100 т. франковъ. Порицая кредитныя учрежденія наши, Л. Фоше приходитъ къ несостоятельности, кажется, потому, что смотритъ на насъ съ Французской точки зрѣнія. Справедливы его разсужденія о томъ, что необразованность, крѣпостное право и непомѣрное преобладаніе государственной власти чрезвычайно замедляютъ развитіе цѣнностей и ослабляютъ силу самаго правительства. Наша страна слишкомъ поздно вступила на историческое поприще, чтобъ безъ драгоцѣннаго наслѣдія Римскихъ остатковъ выработаться самостоятельно. Страна континентальная, Россія едва чувствуетъ необходимость juris gentium и до сихъ поръ почти чужда Европейскому праву; но конечно не въ той степени, какъ желаютъ и убѣждены приверженцы „Святой России": они хотятъ жить съ волками, а имѣть въ дѣлежахъ часть льва. Россія чужда Европейскому праву, по отдаленности своей и по молодости.

Съ 1 Сентября по 12 Октября дѣла мало поправились. Союзники разъѣзжаютъ по полуострову, берутъ что̀ хотятъ, идутъ и переходятъ куда пожелаютъ. Приступаютъ къ правильной осадѣ Севастополя; входъ въ гавань прегражденъ шестью затопленными кораблями. Нынче напечатанъ журналъ князя Меньшикова по 1 Октября и откровенное описаніе Альмской битвы (тутъ недостаетъ двухъ извѣстій: что изъ строя у насъ выбыло болѣе 7 т. и что при ретирадѣ князя Меньшикова захваченъ непріятелемъ не хвостъ обоза, а между прочимъ цѣлыхъ 50 патронныхъ ящиковъ). Но что же все это значитъ? Молодой и ученый генералъ-адъютантъ князь Ливенъ помѣстилъ вчера въ Journal de St.-Pétersbourg объяснительныя похвалы движеніямъ князя Меньшикова; но легче-ли намъ отъ этого? Развѣ это маневры, чтобъ разсматривать такія бѣдствія съ точки зрѣнія науки? По трупамъ нашимъ повѣряютъ свои теоріи! А между тѣмъ современно съ осадой журналы предсказываютъ движеніе Омера-паши къ Измаилу (Лидерсу во избѣжаніе столкновеній съ Австріей приказано не начинать дѣла), прибытіе Балтійскаго флота въ Ревель. По донесеніямъ отъ 5 и 6 Октября должно заключить, что дѣло идетъ не на животъ, а на смерть. Съ земли и съ моря союзники обложили крѣпость. Корниловъ убитъ, Нахи-

мовъ раненъ, лучшіе моряки сгибли; осада приближается, и князь Меньшиковъ объявилъ морякамъ готовиться при штурмѣ къ рукопашному бою. Все это грустно, все это плохо; я не военный человѣкъ и судить не смѣю, но невольно представляются вопросы: 1) Неужели съ 1 Сентября не могли подослать войскъ въ большемъ числѣ? 2) Затопивъ входъ въ гавань кораблями, не умножилъ-ли князь Меньшиковъ силы союзниковъ, развязавъ имъ руки располагать матросами на сухомъ пути и осудивъ нашъ остатокъ флота на бездѣйствіе? Война развивается въ огромныхъ размѣрахъ и, конечно, борьба великихъ началъ, столь долго замедлявшаяся, рѣшится не на этомъ маломъ полуостровѣ. На Западѣ собираются новыя силы: пославъ 700 судовъ, Англія готова послать еще столько же; во Франціи война сдѣлалась дѣломъ національной чести, для чего счастливый и ловкій выходецъ готовъ протянуть руку и соціалисту Барбесу, и легитимисту Ляроштфуко. Австрія принимаетъ рѣшительное положеніе, къ которому общее мнѣніе клонитъ и Пруссію...

Пары и электричество, машины и печатаніе, наука и соревнованіе производятъ чудеса, и нашъ вѣкъ по справедливости можетъ гордиться успѣхами обширными, быстрыми, пожалуй, непомѣрными. Но какъ объяснить себѣ, при этихъ успѣхахъ, тѣ страшныя бѣдствія, которыя насъ окружаютъ? То пожары: Самарскій, Вандейскій, Мемельскій, Нью-Кастльскій, то потопленіе пароходовъ и столкновеніе поѣздовъ, наводненія, подобно бывшему въ Силезіи, эти игры биржи и банкротства. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что своекорыстныя стремленія употребляютъ во зло всѣ эти достиженія вѣка; развитіе вообще идетъ такъ поспѣшно, такъ невнимательно, что огражденія, необходимыя для самого его, за нимъ не поспѣваютъ. Эту мысль, примѣняя къ частностямъ и даже къ мелочамъ, невольно слѣдующимъ общему потоку, я хотѣлъ между прочимъ доложить министру, когда представлялся ему дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; но министръ такъ былъ веселъ, такъ былъ доволенъ, что я не могъ ничего сказать ему и почти испугался этой веселости въ настоящее время, когда разрушеніе городовъ и потоки крови колеблятъ въ основаніяхъ государства и угрожаютъ нескончаемою борьбою... Въ исторіи, особенно современной (nous sommes satisfaits, говорилъ Луи-Филиппъ своимъ министрамъ въ Январѣ 1848 года) этотъ покой, это довольство знаменуютъ окончаніе порядка, уступающаго мѣсто другому...

7 и 8 Октября. У меня сидѣлъ графъ А. П. Толстой и разсказывалъ, что министръ государ. имуществъ получилъ повелѣніе о выселеніи Татаръ изъ Крыма. Не отвѣчая за достовѣрность, я

нисколько не сомнѣваюсь въ такой мѣрѣ. И послѣ этого удивляются, что Татары приняли союзниковъ, какъ друзей? Говорятъ, у насъ теперь въ Крыму 150 т. войска, а Французы отправляютъ весь южный лагерь, 40 т., въ Крымскій отрядъ... Вообще, судя по подробнымъ письмамъ Княжевича, по журналу, присланному вдовою Корнилова, и по самымъ распоряженіямъ послѣдняго времени, Севастополь не былъ укрѣпленъ!... А вотъ и побѣда 13 Октября, благодаря дивизіи Липранди, и побѣда хорошая, хотя и не дешево намъ стоившая. Любопытенъ анекдотъ, разсказываемый изъ Гатчины, гдѣ въ небольшомъ кругу генералъ-адъютантъ О—въ говорилъ о нашемъ могуществѣ: „Достаточно Государю сказать одно слово, и мы передушимъ враговъ его". На этотъ патетическій возгласъ сухо и строго замѣтила В. Н.: „Les ennemis de l'Empereur sont ceux qui ne lui disent pas ce qui est", и за симъ общее молчаніе придало этимъ словамъ особое значеніе.

Ноябрь. Императорская фамилія формируетъ, подъ распоряженіемъ графа Перовскаго, полкъ стрѣлковъ изъ опытныхъ въ стрѣльбѣ удѣльныхъ крестьянъ Архангельской, Вологодской и Новгородской губерній, въ Русской формѣ, можно съ бородой. Сюда допускаются и охотники изъ свободныхъ состояній. Это вызовъ, кличъ, и можно навѣрно сказать, что на него откликнутся полки желающихъ (3 р. въ мѣсяцъ и паекъ привлекутъ и не патріотовъ). Должно надѣяться, что этому примѣру послѣдуютъ и помѣщики; можетъ быть, явится цѣлая армія. Но какая же это будетъ армія, развѣ въ замѣнъ внутренней стражи? Въ большомъ размѣрѣ это будутъ казаки, гверильясы безъ достоинствъ казаковъ. И кому противопоставить этихъ охотниковъ съ ружьями, предназначенными для дичи и зайцевъ? Врагамъ, съ штуцерами, противъ которыхъ лучшіе наши полки стоять не могутъ! Положеніе Севастополя ужасно. По мнѣнію Княжевича, это не война, а бойня. Въ Симферополѣ сверхъ 11 гошпиталей приказано открыть всѣ казенные дома. Лекарей весьма мало, а Медицинскій Департаментъ Военнаго Министерства спрашиваетъ, въ какой мѣрѣ они потребуются тамъ! Посланъ знаменитый операторъ Пироговъ съ 10 врачами.

Извѣстія съ Кавказа по обыкновенію лучше, хотя имъ или не вѣрятъ, или не обращаютъ на нихъ вниманія. Баронъ Николаи разбилъ Шамиля и, положивъ 1000 чел., потерялъ 35 (!?).

Ноябрь. Гудитъ по городу общій говоръ о потеряхъ при вылазкѣ 24 Октября. Въ самомъ дѣлѣ, если у насъ 10 т., да у непріятеля столько же—это страшное побоище. Повидимому непріятель нашелъ насъ въ Крыму такъ не приготовленными, что, одержавъ

блестящую побѣду подъ Альмой и пройдя смѣло между Севастополемъ и нашей арміей на Южную сторону, онъ занялъ превосходную позицію, и пришедшія многочисленныя подкрѣпленія не въ состояніи выбить его. Мы исключительно заняты военнымъ дѣломъ; три четверти бюджета расходуется на войско, а между тѣмъ, какъ мы отстали въ технической части отъ враговъ нашихъ!

Сегодня сидѣлъ у меня и разсказывалъ о Крымскихъ дѣлахъ очевидецъ, ст. сов. Вар—ндтъ, посланный въ началѣ Сентября для наблюденія за перемѣщеніемъ судебныхъ управленій. Страшно становится при разсказахъ о томъ, что̀ было въ Евпаторіи, гдѣ уѣздный судья, выѣхавшій съ дѣлами и канцеляріей, взятъ въ плѣнъ, дѣла пропали, канцелярія разбѣжалась, одинъ засѣдатель Генцель тайкомъ, черезъ недѣлю, пробрался въ Перекопъ; въ Симферополѣ, гдѣ безсмысленный губернаторъ бѣжалъ безъ спросу и по приказанію князя Меньшикова догнанъ за 18 верстъ или, какъ говорятъ Симферопольскія бабы, взятъ Меньшиковымъ въ плѣнъ; въ Ялтѣ, гдѣ В—андтъ не нашелъ ни людей, ни лошадей, и только тѣнь порядка поддерживалась полицеймейстеромъ маіоромъ Кузьминскимъ. Вообще, по словамъ В—ндта, экспедиція застала Крымъ въ совершенный расплохъ, и послѣ Альмскаго сраженія, 8 Сентября, прямое движеніе непріятеля на Севастополь или Симферополь могло-бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія: въ Симферополѣ Татары уже праздновали торжество непріятелей, и В—андтъ видѣлъ ихъ въ Татарской части города шумными и гуляющими.

Рѣчь Брайта. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ члена парламента Брайта, перепечатанномъ изъ Times въ J. de St. Pétersbourg 7 и въ С.-Петерб. Вѣд. 9 Ноября. Это возгласъ противъ войны, выраженный по случаю Манчестерской подписки въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ. Политическое письмо Брайта замѣчательно тѣмъ, что оно совершенно чуждо политикѣ и разсуждаетъ о бѣдствіяхъ войны, о томъ, какъ умирающіе Русскіе, утоляя жажду изъ рукъ врага, стрѣляютъ въ него при самомъ издыханіи, а врагъ грабитъ съ труповъ образа Христа и Богородицы. Какъ Русскій, я болѣе нежели кто бы то ни былъ соболѣзную объ утратахъ государства, объ этихъ 30 т. убитыми и ранеными, о разграбленіяхъ на берегахъ Бѣлаго моря, Балтики и Крыма, соболѣзную неустройству, въ которомъ нашла насъ Понтійская экспедиція. Особенно оскорбительно читать эти ноты Нѣмецкихъ педантовъ и не видѣть кругомъ себя ни одного союзника, а напротивъ видѣть повсюду болѣзни, страхи, колебанія высшихъ, негодованіе среднихъ, неудовольствіе всѣхъ. Но опять же, какъ Русскій, я

люблю думать, что эти событія приведутъ къ повороту и, способствуя самостоятельному развитію внутренней жизни, откроютъ Русскому генію поприще высшее и лучшее, нежели наружный, парадный блескъ, поприще, на которомъ полицейское, военное государство со временемъ явится сильнымъ и великимъ не одною численностью полчищъ, но мыслію и словомъ, учрежденіями и дѣятельностью.

Четвертаго дня, встрѣтя старика Кочубея извѣстіемъ о потеряхъ непріятеля отъ бури, я, скрѣпя сердце, выслушалъ отъ него: „Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе Божіе". У Кочубея племянникъ взятъ въ плѣнъ и теперь находится въ Калифорніи; а сынъ Нессельроде, состоящій при посольствѣ въ Мюнхенѣ, пріѣхалъ изъ Берлина. Молодой дипломатъ утверждаетъ, что Германія болѣе за насъ. Этого быть не можетъ: кромѣ газеты Герлаха ни одного листка не найдешь, въ которомъ можно было бы замѣтить эту наклонность. Лучшая газета Аусбургская совершенно не за насъ; правда, что она и противъ Франціи, и противъ Пруссіи.

Есть какое-то ослѣпленіе, какая-то мечтательная самоувѣренность во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Убытки терпимъ страшные, народу гибнетъ множество, политическое униженіе крайнее, уступчивость неслыханная, а мы не приступаемъ ни къ чему! Я полагаю отъ того, что у насъ нѣтъ ни людей, ни денегъ и что всякое усиліе грозитъ скорымъ истощеніемъ.

По разговорамъ въ обществѣ многіе согласны сверхъ четырехъ пунктовъ уступить Кавказъ по Кубань. Болѣе: уступить Финляндію по Кемь. Болѣе: возстановить царство Польское. Но, боги безсмертные, гдѣ же остановятся эти уступки? Кемь и Нева, Польша и Малороссія.... и попробуйте начать уступать: васъ въ грязь столкнутъ. Видно какое-то опасеніе въ сужденіяхъ о нашемъ положеніи. Но несомнѣнно, что одни недовольные радуются; другіе, осторожные, равнодушны; мы третьи, удручаемся, хотя тоже робко. (Такъ искоренено честное чувство національнаго достоинства, такъ рабски скованы самыя благородныя чувства гражданина). Я страшусь особенно за войну внутреннюю: войди въ Россію армія, она, съ этимъ крѣпостнымъ правомъ и съ этимъ легіономъ безпутныхъ и недовольныхъ, можетъ возобновить страшную Пугачевщину. Нашъ главный врагъ—это наше дурное управленіе.

Декабрь. Императрица очень больна, и дворъ не переѣзжаетъ въ столицу. Новый наборъ съ восточной полосы. Это уже третій. Договоръ Австріи съ западными державами все еще неизвѣстенъ. Ее ругаютъ, особенно министра Баха. Острякъ Тютчевъ отзывается: „La position du bon Dieu n'est pas une sinécure à présent; quand au diplo-

mates errants, il faut dire: des diplomates, qui ont errés". Говорятъ о стихахъ князя Вяземскаго про принца Наполеона (онъ боленъ кровавымъ поносомъ), проливающаго кровь за отечество, о принцѣ Кембриджскомъ, помѣшавшемся въ разсудкѣ (Preuss. Zeit говоритъ о 38 человѣкахъ тоже помѣшавшихся при Инкерманѣ), о лордѣ Рагланѣ, будто бы повѣсившемся съ отчаянія... По письмамъ изъ Крыма бездѣйствіе князя Меньшикова и нераспорядительность властей готовы возбудить ропотъ. Онъ ссорится тамъ съ Иннокентіемъ, выпроводя несвоевременнаго утѣшителя изъ Севастополя, бравируетъ популярность и Петербургскія распоряженія и ждетъ... Чего онъ ждетъ? Какъ бы ловчѣе поймать звѣря или ускользнуть отъ него. Вотъ и 6 Декабря прошло. Кромѣ наградъ, и съ ними неудовольствій и порицаній, ничего нѣтъ. Генералъ Дохтуровъ сообщилъ мнѣ свой разговоръ съ генераломъ Гербелемъ о недостаткѣ пороха.

7 Декабря разнесся слухъ, что Балаклава сожжена войсками Липранди, и пришли газеты (Ind. Belge и Ausburg. Zeit) съ нотою гр. Нессельроде къ барону Будбергу о нашемъ согласіи на 4 пункта, а именно: 1) Общее ручательство за сохраненіе религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія Османской Имперіи, безъ различія исповѣданій, со стороны пяти державъ; 2) покровительство княжествъ, принадлежащее вообще пяти державамъ на тѣхъ же условіяхъ, которыя въ ихъ пользу постановлены нашими договорами съ Портою. 3) Пересмотръ договора 1841 г.; Россія не воспротивится уничтоженію онаго, если султанъ, какъ ближайшій участникъ въ ономъ, на то согласится. 4) Свободное плаваніе по Дунаю, которое постановлено и которое ограничивать Россія никогда не намѣревалась. Само собой разумѣется, что основанія сіи принимаются въ томъ убѣжденіи, что Западныя державы останутся вѣрны обязательствамъ, которыя онѣ приняли въ виду всей Европы относительно огражденія будущности религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія, предоставляемыхъ отнынѣ ручательству всѣхъ державъ и что, такимъ образомъ, будетъ достигнута главная цѣль, которую въ настоящую войну имѣла Россія въ виду.

14 Декабря. Что долженъ значить манифестъ, сегодня обнародованный? Куда пойдемъ мы съ жезломъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ? Какое святое дѣло будемъ защищать послѣ согласія на четыре пункта? Что же это за игра войною и миромъ? Такія обнародыванія, не принося никакой существенной пользы внутри Имперіи, ослабляя повтореніями святость долга, вредятъ во мнѣніи

нашихъ сосѣдей-враговъ, и я увѣренъ, что манифестъ 14 Декабря (день дурной памяти) вызоветъ не только непріятныя толкованія, но и открытый разрывъ общественнаго мнѣнія.

Въ дѣлахъ войны нѣтъ ничего новаго. Въ Моск. Вѣдом., № 149, помѣщена статья экономиста Молинари о томъ, что блокада приноситъ болѣе вреда Англіи и Франціи, нежели Россіи. Конечно, при молодыхъ интересахъ нашихъ это, повидимому, такъ представляется, но въ существѣ едва-ли такъ. Остановка развитія молодыхъ элементовъ чрезвычайно вредна въ будущемъ. Прекращеніе хлѣбной торговли на Югѣ и въ Балтикѣ, независимо отъ уменьшенія благосостоянія внутренняго, можетъ послужить къ открытію другихъ рынковъ, увеличивъ производительность въ Америкѣ и въ самой Турціи съ Молдо-Валахіей. Война въ Крыму и Кавказѣ подавитъ возникающія тамъ отрасли винодѣлія и шелководства. Здѣсь рѣшаютъ цифры, а не разсужденія. Во всякомъ случаѣ, жалобы на строгость блокады не совсѣмъ основательны.

Загадочный трактатъ 2 Декабря Австріи, кажется, объясняется. Тайныя статьи вѣроятно обязываютъ ее съ 1 Января къ союзу наступательному (отсюда и нашъ манифестъ 14 Декабря). Пруссія послала полномочныхъ въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ. Но чего она можетъ ожидать? Угрозъ и принужденія. Ее заставятъ принять участіе и силою, и общественнымъ мнѣніемъ. Если и послѣ нашего объявленія 28 Ноября о безусловномъ согласіи на 4 пункта Австрія и союзники не даютъ отвѣта и военныя снаряженія усиливаются, то что сдѣлаетъ одна Пруссія? Непонятно, до чего мелочны расчеты Англійскихъ министровъ (особенно самаго мелочнаго изъ нихъ, военнаго, герцога Ньюкестля). Повидимому ближайшая цѣль ихъ, подорвавъ нашу внѣшнюю торговлю, возвысить столь ослабленную Робертомъ Пилемъ земельную собственность и овладѣть рынками Востока; какъ будто они не знаютъ, какъ маловажна для насъ эта торговля, для насъ, націи бѣдной и не связанной торговыми системами? Какія средства употребляютъ они? Блокаду. Да мы въ блокадѣ и безъ того семь мѣсяцевъ въ году. Формированіе легіона наемныхъ иностранцевъ? Но гдѣ они ихъ найдутъ? Развѣ въ Англіи и Ирландіи. Пойдутъ ли Нѣмецкіе демократы (чего именно хочется и Германіи и Франціи) въ легіонъ наемниковъ? Сомнительно. Демократія занимаетъ положеніе, которое ей дѣлаетъ честь въ глазахъ друзей ея. Она чуждается Французскаго выходца и дѣйствуетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ....

МИХАИЛЪ СУХАНОВЪ КРЕСТЬЯНИНЪ-ПОЭТЪ.

Въ первомъ изданіи „Стихотвореній“ извѣстнаго поэта-крестьянина Ѳедора Слѣпушкина, вышедшемъ въ 1828 году, въ предисловіи сказано: „Михаилъ Сухановъ, Архангельскій крестьянинъ, заслуживающій особеннаго вниманія къ его участи, первый счастливо послѣдовалъ примѣру Слѣпушкина; но дарованіе сего новаго крестьянина-поэта раскрылось не столько въ сельскихъ картинахъ, какъ въ басняхъ, остроумно и пріятно написанныхъ“.

О Михайлѣ Сухановѣ мы встрѣтили нѣсколько извѣстій въ тетрадяхъ Курскаго помѣщика Дмитрія Андріановича Деменкова *). Въ „замѣчаніяхъ во время пребыванія въ Архангельскѣ съ 15 Сентября до 6 Декабря 1823г.“ Деменковъ упоминаетъ, между прочимъ, о знакомствѣ своемъ съ Сухановымъ, этимъ, какъ онъ его называетъ, „самороднымъ Русскимъ поэтомъ“.

По словамъ Деменкова, Михаилъ Сухановъ былъ „лавочникомъ“. Родомъ Сухановъ былъ изъ „разносошныхъ“ (не *черносошныхъ*-ли?) крестьянъ Архангельской губерніи, Княже - Островской волости, деревни Славянской, находящейся неподалеку отъ города Холмогоръ, гдѣ жилъ отецъ его, занимавшійся мелочной торговлей. Сухановъ рано выучился грамотѣ и пристрастился къ чтенію. Случайно попали къ нему въ руки стихотворенія Ломоносова, и онъ съ жаромъ принялся изучать ихъ, имѣя цѣлью начать писать самому такія же стихотворенія, какія писалъ его великій соотечественникъ. Скоро онъ, дѣйствительно, началъ пописывать стишки; послѣдніе выходили на первыхъ порахъ плохи, но онъ былъ очень доволенъ ими и читалъ ихъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Нѣкоторые одобрили его занятія; онъ сталъ работать неутомимо, просиживалъ за стихами цѣлыя ночи, но не забывалъ при этомъ и своихъ торговыхъ дѣлъ. Отецъ его, чтобы пристроить сына, завелъ для него лавочку въ Архангельскѣ и посадилъ за прилавокъ, передавши всю торговлю на его полную отчетность.

Въ Архангельскѣ молодой Сухановъ познакомился, благодаря своимъ стихамъ, съ нѣкоторыми молодыми лицами изъ моряковъ, которые въ то время, какъ извѣстно, отличались образованностію, и они уговорили его послать стихи въ „Русскій Инвалидъ“, гдѣ они и были напечатаны съ полной подписью имени Суханова.

„Онъ еще молодъ, говоритъ Деменковъ, имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ исторіи, географіи, литературѣ; видно, что достаточно читалъ; но его образованіе не имѣетъ ничего законченнаго и систематичнаго. Порою онъ выказываетъ такія знанія о нѣкоторыхъ предметахъ, какихъ нѣтъ ни у одного изъ насъ (моряковъ, такъ какъ Деменковъ въ это время служилъ во флотѣ), а иногда доходитъ до на-

*) См. о немъ „Русскій Архивъ 1887, I, 305 и слѣд.

ивности ребяческой, потому что не знаетъ самыхъ простыхъ вещей. Онъ хочетъ учиться французскому языку и желаетъ побывать гдѣ-нибудь за границею. Онъ достаетъ книги отовсюду, гдѣ только можно достать, и собралъ у себя уже достаточное количество ихъ, но жалѣетъ, что не можетъ достать лучшихъ для руководства и заняться ими на свободѣ къ основательному изученію и образованію себя".

Уже потомъ, когда Деменковъ уѣхалъ изъ Архангельска и жилъ въ своемъ Курскомъ имѣніи, его товарищъ и пріятель, тоже изъ моряковъ, М. Ф. Рейнеке, прислалъ ему нѣсколько коротенькихъ стишковъ, относившихся непосредственно къ Деменкову и другимъ его товарищамъ-морякамъ.

1. Г-ну Д(еменкову).

Таланты рѣдкіе, умъ лучшій, превосходный
И въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ!
Ну, можетъ ли кто быть тебѣ подобный?
Конечно, нѣтъ.

2. Г-ну Р(ейнеке).

Нѣтъ совершеннаго, всѣ въ мірѣ утверждаютъ;
Но всѣ сознаются, что есть, какъ васъ узнаютъ.

3.

УСТАРѢВШЕЙ КРАСАВИЦѢ (г-жѣ Нестеровой).

Прелестная! Чтó сдѣлалось съ тобою?
Нѣтъ прелестей, исчезнулъ огнь очей!
Увяла ты, какъ вешній цвѣтъ отъ зною,
И не придетъ къ намъ радость прошлыхъ дней!

5.

БУХВОСТОВУ.

Не блескомъ золота, не титлами отцовъ,
Но вѣрностью къ царю и добрыми дѣлами
Сталъ первымъ наряду съ великими мужами.
Умрешь, но Россъ тебя чтить будетъ въ вѣкъ вѣковъ!

6.

ПОРОКЪ И ДОБРОДѢТЕЛЬ.

(подражаніе).

Порокъ.

Вселенная моей подвластна волѣ!

Добродѣтель.

А я—на небесахъ! Чего еще мнѣ болѣ?...

Приведя эти стихи, Деменковъ замѣчаетъ, что нельзя не признать въ Сухановѣ „поэтическаго дарованія и замѣчательныхъ способностей, которыя со временемъ еще болѣе могутъ усовершенствоваться".

Н. Добротворскій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1846-й годъ. [1]).

1846-го года 22-го Марта, Пятница. Тимчиха [2]). Это первый настоящій весенній день этого года. Мнѣ пришло на мысль, возвратясь вечеромъ въ свой флигель, отдать себѣ отчетъ въ немъ, передавъ его простыя подробности бумагѣ. Кто знаетъ, доживу ли до новаго перваго дня весны и если доживу, то въ такомъ ли ощущеніи полнаго тѣлеснаго и душевнаго здоровья, съ семействомъ, въ полномъ ли комплектѣ, какъ нынѣ, меня окружающемъ, и даже подъ своей ли, какъ теперь, домашней крышкой?

Я проснулся въ половинѣ седьмаго. Солнце, сквозь зеленыя сторы, вызвало меня бодро на ноги; каминъ запылалъ, сторы подняты, и ясный тихій день взглянулъ въ мой кабинетъ. Термометръ показывалъ три град. Реомюра; но не прошло получаса, какъ уже поднялся до 6-ти. Я рѣшился выдти въ утреннемъ платьѣ, съ военнымъ плащемъ сверхъ него, по лѣтнему обычаю, на зеленый кругъ передъ домомъ и флигелями, такъ недавно еще бывшій подъ снѣгомъ, подъ плакучую березу еще безлистную, и ждать тамъ свой кофе. Между тѣмъ какъ я

---

[1]) Въ послужномъ спискѣ графа П. Х. Граббе значится, что 18 Сентября 1842 г. онъ уволенъ отъ командованія войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. *П. Б.*

[2]) Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Тамъ долго жилъ, провелъ послѣдніе годы, кончилъ дни свои и похороненъ графъ Павелъ Христофоровичъ. *П. Б.*

медленно, съ трубкой, наслаждаясь ежеминутно болѣе и болѣе грѣющимъ солнцемъ, допивалъ свою чашку, на лѣстницѣ главнаго корпуса дома показалась вереница моихъ дѣтей, одинъ за однимъ, покрывшая семь ступенекъ, кто съ палкой, кто съ зонтикомъ. Три мальчика и четыре дочери взошли въ такомъ порядкѣ на кругъ и съ громкимъ ура всѣ на перерывъ кинулись ко мнѣ или, лучше сказать, на меня. Утро показалось мнѣ еще прекраснѣе, такъ что классы отмѣнены. Новое ура. На кругу пошли разныя игры. Собаки домашнія и дворовыя окружили, ласкали и забавляли дѣтей, обгоняя ихъ, чтобы прежде завладѣть мячикомъ. Софья сѣла въ срединѣ разщелины, раскинувшейся на три пня отъ корня березы, не подозрѣвая, какую прекрасную картину этимъ для меня составила. Чрезъ нѣсколько времени показалось новое, важное лице, между двумя нянями: дитя по четвертому году восхитительной, трогательной красоты, мое восьмое дитя, четвертый сынъ, еще у груди матери, которую оба они, ни она отнять, ни онъ оставить рѣшиться не могутъ. Одѣтый въ пальто, въ панталончикахъ, въ шапкѣ съ кисточкой и съ козырькомъ, какъ его братья, будто большой человѣкъ, онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ важно руку и умными карими своими глазками окинулъ новую для него сцену. Собаки большія и малыя окружили его почтительно, какъ онѣ по инстинкту почти всегда дѣлаютъ съ дѣтьми. Начались новыя игры для забавы дитяти. Наконецъ, и мать, отдавъ свои приказанія по хозяйству, вышла къ намъ. Скоро ея присутствіе напомнило ребенку, гдѣ искать своего завтрака. Пошли споры: онъ требовалъ, чтобы мать сѣла тутъ же на траву; мать указывала ему на присутствіе двухъ учителей и, наконецъ, рѣшили войдти въ мой кабинетъ, и я съ ними. Но тутъ уже не до груди. Разныя вещи на моихъ столахъ приводятъ его въ искушеніе и со столовъ переходятъ на коверъ, на полъ. Между тѣмъ время общаго завтрака въ полдень близко; мнѣ надобно одѣваться; насилу уговорили дитя идти въ домъ. Всѣ усѣлись, раскраснѣвшіе отъ игръ и весенняго солнца, около домашняго стола. Разговоръ не помню какъ палъ на малолѣтнаго сына Шамиля, потребованнаго мною и выданнаго отцемъ въ критическую минуту штурма передъ взятіемъ Ахульго. Какъ свойственно женщинѣ, жена замѣтила, почему на дѣтяхъ отражаются также ужасы

войны и зачѣмъ я настаивалъ на выдачѣ сына. Трудно было объяснить, почему война, особливо съ народомъ полудикимъ, доводитъ до поступковъ, обыкновенному понятію о человѣколюбіи противныхъ. Имена тутъ ничего не значатъ—Шамиль или другой; но онъ былъ представитель секты мюридовъ, непримиримыхъ враговъ Россіи, котораго надобно было уничижить или уничтожить. Разговоръ перешелъ къ военной дисциплинѣ, торжество которой я разсказалъ въ остановленномъ, какъ жезломъ волшебнымъ, штурмѣ почти взятой уже Варшавы, также Парижа въ 1814-мъ году. Наконецъ, трогательныя сцены добродушія нашихъ солдатъ на штурмѣ Ахульго. Затѣмъ прибавилъ я общія замѣчанія о важности, какую дисциплина имѣла у всѣхъ народовъ, безсмертнаго величія въ Исторіи достигшихъ и разсказалъ казнь юнаго Манлія, побѣдившаго противъ повелѣнія консула-отца. Это возмутило противъ меня жену, и напрасно оправдывался я, что разсказываю объ этомъ, какъ о самомъ крайнемъ, жесточайшемъ выраженіи военной дисциплины. Она, казалось, страшилась за своихъ мальчиковъ, и чтобы обезоружить и вмѣстѣ съ тѣмъ кольнуть меня, напомнила о моемъ собственномъ поступкѣ противъ старшаго въ Грузіи. Вмѣсто оправданія, ею ожидаемаго, я призналъ себя совершенно виновнымъ и поступокъ этотъ, хотя противъ человѣка недостойнаго, объяснилъ, не думая извинять, разстройствомъ тѣлеснымъ и душевнымъ, тогда постигшимъ меня. Новая бѣда, зачѣмъ передъ дѣтьми и при чужихъ признаю свою вину, накликая на себя будто опасность.—Между тѣмъ завтракъ давно кончился; мы весело встали. Черезъ полчаса поданы мнѣ, двумъ старшимъ мальчикамъ и учителю музыки, верховыя лошади, и мы выѣхали въ поле. Дороги почти просохли; новые всходы начинаютъ зеленѣть, невидимые жаворонки наполняютъ воздухъ своимъ звонкимъ веселымъ гимномъ, теряясь въ синевѣ воздуха, такъ что дѣти молодыми своими глазами едва отыскивали ихъ, какъ черную точку въ пространствѣ. Сегодня мы не могли дождаться, а вчера удалось видѣть, какъ одинъ изъ жаворонковъ, послѣ долгой неутомимой пѣсни своей, какъ бы истощенный чрезмѣрнымъ усиліемъ, спустился какъ пуля съ высоты на землю.—Захвативъ край села Блотницы, мы възъѣхали на дворъ къ сосѣду, помѣщику Мазараки; не слѣзая, вызвали его. Онъ вышелъ

съ сонными глазами на крыльцо и сплеча началъ разсказъ объ обидахъ, сдѣланныхъ ему его братьями. Въ промежуткѣ двухъ словъ я простился съ нимъ, и мы отправились далѣе. Вдали увидѣли коляску съ дочерьми, возвращавшимися также съ прогулки домой. Мы сдѣлали тоже, но въ домъ не вошли. Я вызвалъ жену, чтобы показать новые парники и доставить ей часто забываемое движенiе. Длинная и широкая тополевая аллея въ плодовомъ саду, надъ которою работали, понравилась ей и дѣтямъ. Отведя ее домой, съ мальчиками и однимъ учителемъ мы пошли далѣе въ паркъ, куда звали насъ крики журавлей, перелетавшихъ надъ нимъ; на силу отыскали ихъ глазами въ вышинѣ. Въ верховой прогулкѣ видѣли два раза дикихъ утокъ и одного дикаго гуся, низко летѣвшаго съ крикомъ, вѣроятно по потерянномъ товарищѣ. Такъ наступила половина шестаго, часъ нашего обѣда и, не смотря на искушенiе спущенной на воду лодки, надобно было идти домой.—Обѣдъ прошелъ мирно; только Володя, не сидящiй еще за столомъ, шумно кружилъ около него, преслѣдуя разныхъ воображаемыхъ звѣрей съ палкой въ рукахъ, съ ожесточенiемъ и не слушая никого. Наконецъ, онъ согласился однакоже присѣсть за особенный столъ на собственный обѣдъ. — Когда столъ былъ убранъ, продольный коверъ и боковые сняты, тогда учитель музыки сѣлъ за рояль и, послѣ прелюдiи изъ Прецiозы, веселый галопъ вызвалъ легкими парами дѣтей въ залу, гдѣ начались танцы, галопъ, полька и заключились кадрилью. Въ восемь часовъ, приласкавъ прежде у груди менѣе трехъ другихъ счастливо рожденную дочь Марiю, я ушелъ тихонько въ свой флигель, гдѣ пылалъ уже каминъ и горѣла лампа. Здѣсь, усѣвшись въ кресла и болѣе обыкновеннаго тронутый признательностiю къ Творцу за тихiя и нѣжныя ощущенiя дня, вмѣсто чтенiя развертутой уже книги, мнѣ пришло желанiе отмѣтить этотъ день безискусственнымъ разсказомъ. Но вотъ и одиннадцать часовъ ночи; огонь въ каминѣ погасъ; вокругъ меня давно все успокоилось. Благодарю Небо за протекшiй день, моля о подобныхъ до послѣдняго дня.

1846. Блотница. 15 Ноября. Ibrahim ne se crut pas précisément égal de Napoleon, mais il ne voyait pas entre l'empereur et lui une distance bien grande, et il exprimait avec la franchise naturelle à son caractère *l'admiration qu'il éprouvait pour lui-même.*

Cela n'est rien en comparaison des choses que je viens d'entendre, il n'y a pas plus de quinze jours, à Varsovie. *Je suis grand, je suis bon, je suis généreux.* Et ces énormités se disaient avec une naïveté comme s'il s'agissait d'autrui.

17-го Ноября. Никто не можетъ точнѣе опредѣлить, какіе спасительные успѣхи Европа, эта представительница, глава человѣчества, сдѣлала въ протекшее тридцатилѣтіе не только въ матеріальномъ своемъ бытѣ, но и въ понятіяхъ о взаимныхъ истинныхъ отношеніяхъ и потребностяхъ народовъ и правительствъ, какъ тѣ, которые жили, видѣли ее и дѣйствовали съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія. Главное пріобрѣтеніе, по моему мнѣнію, общественнымъ духомъ и разумомъ сдѣланное, есть это общее опасеніе войны между Европейскими государствами, это ясное о ней понятіе, способствовавшее рѣшить перомъ и договорами столько щекотливыхъ и раздражительныхъ вопросовъ, которые не задолго еще передъ тѣмъ несомнѣнно предоставлены были бы кровавому рѣшенію меча. Не говорю о неоднократныхъ возстаніяхъ покоренныхъ въ прошедшемъ періодѣ народовъ, недавно подавленныхъ силою; но и здѣсь торжество новыхъ понятій удержало смуты въ ихъ предѣлахъ, не допустивъ до всеобщей войны, неопытностію и буйствомъ вызываемой. Конгрессы и протоколы предпочтительнѣе армій и сраженій. — Какое удивительное развитіе получили въ это время силы умственныя и промышленныя во всей Европѣ и отразились даже на другихъ частяхъ свѣта! Конечно огромные капиталы употребляются еще на содержаніе армій, по видимому безполезныхъ и въ нѣкоторыхъ большихъ государствахъ вѣроятно превышающихъ дѣйствительную потребность. Но кромѣ осторожной постепенности, съ которою должны производиться всѣ важныя измѣненія (а уничтоженіе или уменьшеніе постоянныхъ армій есть одно изъ важнѣйшихъ) Провидѣніе указало каждому изъ сильнѣйшихъ трехъ государствъ употребленіе оружія въ образовательномъ духѣ противъ народовъ, коснѣющихъ въ полудикомъ состояніи и вѣковыми предразсудками общій ходъ человѣчества къ лучшему затрудняющихъ. И будто нарочно, вездѣ противупоставило оно новыя и неожиданныя препятствія каждому изъ нихъ, чтобы новому порядку вещей въ Европѣ, еще не привычному, способствовать самою трудно-

стію отступить отъ него, чтобы дѣйствовать по прежнему. Между тѣмъ и внутренніе вопросы, каждое изъ государствъ нынѣ занимающіе, вопросы раздражительные и опасные, волнующіе массы, требуютъ, чтобы правительства, кромѣ нравственнаго могущества, имѣли бы и матеріальное въ ежеминутномъ своемъ распоряженіи.

Нисходя съ этихъ головокружительныхъ высотъ политическихъ умозрѣній, коснемся нѣкоторыхъ частностей, которыми упрекаютъ новый порядокъ вещей. Утверждаютъ, будто число бѣдныхъ вообще (paupérisme), а въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ усовершенствованныя машины замѣнили руки, въ особенности, чрезвычайно умножилось. Очень подозрѣваю, что бѣдныхъ было много и въ исчезающемъ прежнемъ поколѣніи; но некогда было въ общихъ тогда тревогахъ войны обращать на нихъ вниманіе, и вопли ихъ заглушались шумомъ оружія. Теперь ихъ конечно много, но не одно вниманіе всѣхъ правительствъ и общества обращено на эту язву человѣчества; и тѣ и другія обладаютъ средствами и волею употреблять ихъ на облегченіе бѣдствующихъ. Общественная благотворительность, даже тщеславіемъ подстрекаемая, вмѣсто прежней личной, всегда недостаточной, дѣйствуетъ въ обширномъ размѣрѣ на пособіе неимущимъ, между тѣмъ какъ лучшіе умы изслѣдуютъ политическія и нравственныя причины и изыскиваютъ средства если не уничтожить вовсе, то по крайней мѣрѣ ослабить уничижительную болѣзнь народовъ. Новыя понятія о свободной торговлѣ, прежде одной наукѣ и немногимъ мыслящимъ головамъ принадлежавшія, нынѣ примѣромъ Англіи, можетъ быть изъ личныхъ исключительныхъ видовъ, въ исполненіе приводимыя и недовѣрчивость возбуждающія, но въ существѣ своемъ непреложныя, обойдутъ со временемъ весь свѣтъ и съ осторожностію и вниманіемъ къ мѣстнымъ интересамъ всѣми или главнѣйшими государствами принятыя, болѣе нежели что либо должны возвысить уровень общественнаго благосостоянія. Администрація или внутреннее управленіе, цѣлью котораго есть облегченіе подробностей и взаимныхъ обязанностей жизни для всѣхъ и каждаго, смягчила свои суровыя формы и видимо совершенствуется.

Пути сообщенія — одна изъ главнѣйшихъ потребностей и въ одно и тоже время причина и признакъ возрастанія богат-

ства народнаго, въ остальной Европѣ даже до безразсудныхъ спекуляцій доходящія, отъ Сѣвера нашего огромнаго отечества начинаютъ досягать середину его и не замедлятъ, позволено надѣяться, оживить дѣятельностію производительныя силы плодороднаго Юга имперіи.

Монархическое начало, чрезъ страшное горнило опыта въ западной Европѣ перешедшее, всѣ утопіи убѣжденіемъ въ своемъ преимуществѣ побѣдившее, просвѣщеніемъ смягченное, степенью процвѣтанія народовъ условленное, для Россіи столько же необходимое, сколько священное, никакимъ умозрѣніямъ болѣе не подлежащее, спасительно и, безъ малѣйшей тѣни раздражающаго сопротивленія, благодѣтельно царитъ надъ великой имперіей, и неисповѣдимыя судьбы готовитъ ей въ будущемъ.

Есть вопросъ важный, опасный, неизбѣжный, коего разрѣшеніе, дѣти, предстоитъ вашему времени: измѣненіе отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Съ намѣреніемъ избѣгаю выраженія *освобожденіе крестьянъ*, подавшаго поводъ къ столькимъ ложнымъ, опаснымъ и мечтательнымъ понятіямъ. Совокупныя пользы правительства, владѣльцевъ и крестьянъ этого требуютъ; но исполненіе требуетъ величайшей осторожности, усерднаго и безкорыстнаго содѣйствія владѣльцевъ мѣрамъ правительства. Это подвигъ будущаго полустолѣтія. Это его опасность.

1847.

4-го Марта 1847. Блотница. Теперь только, послѣ почти трехлѣтняго уединенія, въ тишинѣ кабинета, когда волны прошедшаго улеглись мало по малу въ успокоенной душѣ, ясно представляется мнѣ, какъ мало предоставлено человѣку времени на размышленіе во время плаванія его по бурному морю жизни и сколько причинъ быть глубоко признательнымъ къ провидѣнію Творца имѣетъ тотъ, кто, не смотря на то, вошелъ, наконецъ, въ тихую пристань, съ совѣстью не вовсе истерзанною, съ душею не раздраженною и не совсѣмъ притупленною, простымъ и вѣрнымъ наслажденіямъ природою и семействомъ еще доступною, съ остаткомъ тѣлесныхъ силъ и здоровья, позволяющимъ забывать накопившіеся годы и недалекую уже старость.

Конечно на этотъ смотръ прошедшей своей жизни, важ-

нѣйшій изъ всѣхъ смотровъ для человѣка, первыя спѣшатъ представиться ошибки, упущенія, неудачи, проступки; а все похвалы достойное, искупающее, какъ бы съ усиліемъ и ослабленное является на вызовъ памяти.

7-го Марта. Къ вамъ обращаюсь, мои мальчики; вы, еще играющіе на порогѣ жизни, подъ крышей и крыломъ родителей; вы, ихъ забота, ихъ радость, любовь ихъ. На васъ озираюсь я, тоже съ порога жизни, но противоположнаго, обдумываю, разсматриваю свою протекшую жизнь, выбираю изъ нея, что̀ можно бы поставить вамъ въ подражаніе, чего избѣгать. Природа хотя въ различной степени, но не скупо надѣлила васъ наружными дарами, кажется и здоровьемъ. Вы растете и цвѣтете подъ небомъ Малороссіи, подъ климатомъ, въ умѣренной степени знакомящимъ васъ съ дѣтства съ суровостію Сѣвера, по которому ширится ваше огромное отечество, и со зноемъ Юга, куда оно уже такъ далеко и еще далѣе готово нести свое владычество. Вы старшіе уже привыкли и рады тому и другому. Каждый день вы съ отцемъ своимъ, молодѣющимъ для васъ, зимою ходите безъ разбора полями, чрезъ глубокіе снѣга, по лѣсамъ, долинамъ, прыгаете черезъ рвы, катаетесь по льду, забывая о морозѣ, вѣтрѣ, застигаемые иногда вьюгой, безъ страха, напротивъ съ радостію; весной же, лѣтомъ и осенью до первыхъ снѣговъ, верхомъ, безъ дорогъ, носясь вскачь по полямъ, рытвинамъ, и проводя всѣ часы, отъ ученія свободные, на открытомъ воздухѣ, не пользуясь даже для обѣда палаткой, подъ дубами разбитой, купаясь, плавая или сами управляя лодкой и выдумывая разныя безконечныя игры, вашему возрасту свойственныя. Все это не только дѣлаетъ отроческіе годы ваши счастливыми, но готовитъ васъ къ доброму вступленію на поприще, гдѣ толпа чуждыхъ вамъ людей столкнется съ вами и вступитъ въ состязаніе за все, что̀ обѣщаетъ жизнь и въ чемъ такъ часто обманываетъ. Смѣло впередъ, дѣти! Вооруженные чувствомъ чести, душевнаго благородства, съ долею необходимыхъ первоначальныхъ познаній, открывающихъ вамъ виды и пути къ тѣмъ, которыя впередъ нужны или манить васъ будутъ, принимайте, встрѣчайте бодро всѣ навѣванія жизни, благородно и охотно всѣ требованія долга, на пути вамъ предстоящемъ, съ довѣріемъ и чистосердечіемъ давая руку испытаннымъ, честнымъ, и съ

осторожною привѣтливостію встрѣчая чужихъ, неизвѣстныхъ, съ холоднымъ, но безобиднымъ достоинствомъ отталкивая негодныхъ.

10-го Марта. Изъ первыхъ встрѣчъ самая упоительная, опасная, слишкомъ часто на всю жизнь рѣшительная, встрѣча женщины! И теперь, при опытности цѣлой продолжительной жизни, не очень знаю, что̀ бы я могъ посовѣтовать, какъ уберечься отъ опаснаго, обаятельнаго, неодолимаго увлеченія. Строгое, не говорю даже совершенное отъ нихъ удаленіе, потемняетъ разсудокъ, раздражаетъ чувственность до изступленія, придаетъ прелести и достоинства тѣмъ изъ нихъ, которыя мало или вовсе ихъ не имѣютъ и въ ослѣпленіи чувствъ и разсудка не рѣдко предаетъ въ руки ихъ на долго или даже на всю жизнь молодость, лучшей участи достойную. Всего вѣрнѣе было бы со многими изъ этихъ прелестныхъ, но колючихъ цвѣтковъ, играть съ осторожностію, удовлетворяя взаимной чувственности, до встрѣчи съ тою, которой должны принадлежать уже нераздѣльно и сердце и чувства. Хорошо бы до двадцати, но непремѣнно до восемнадцати лѣтъ должно, воздерживаться отъ удовлетворенія чувственности для полнаго развитія физическихъ силъ, такъ тѣсно связанныхъ съ умственными и душевными. И позже этого неумѣренность, хотя не столько вредная, но можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Ничѣмъ нельзя лучше удержать или возстановить разстроенное равновѣсіе, какъ привычкою къ занятіямъ умственнымъ, строгимъ исполненіемъ обязанностей жизни, на каждомъ лежащихъ, разностороннимъ образованіемъ всѣхъ даровъ, въ удѣлъ Богомъ намъ данныхъ, сильнымъ и правильнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ всякаго рода, притупляющимъ излишнюю чувственность и возобновляющимъ истощенныя силы. Исторія полна громкихъ, но не высказала всѣхъ тайныхъ бѣдствій, неумѣренностію этой страсти порожденныхъ. Какъ рѣдки Улиссы, затыкающіе уши отъ Сиренъ при страстномъ и соблазнительномъ ихъ призывѣ!

Праздность придаетъ необыкновенную силу этой потребности, которая, разсудкомъ и твердыми правилами управляемая, должна бы доставлять одно неукоризненное и натурѣ человѣческой необходимое наслажденіе. Но бѣдный разсудокъ! Тутъ трудно и много ему дѣла.

Ранняя женитьба была бы лучшимъ умирителемъ въ этомъ непобѣдимомъ влеченіи къ женщинѣ. Но сколько условій должны соединиться, чтобы сдѣлать ее счастливою!

Обольщеніе невинности и разстройство семейнаго быта останутся всегда проступками, не смотря ни на какіе софизмы.

12-го Марта. Je ne suis pas seulement retiré des emplois publics, je rentre en moi-même. Je puis promener mes regards dans la solitude et marcher dans les sentiers de la vie privée avec une vraie satisfaction de coeur. Ne portant envie à personne, je suis décidé à être content de tous, et dans cette disposition je descendrai doucement le fleuve de la vie, jusqu' à ce que je m'endorme avec mes pères.

Je sais que, malgré la force de ma constitution, je suis d'une famille oú l'on vit peu et que je dois m'attendre à reposer bientôt dans la tombe. Je ne veux pas me plaindre. J'ai eu mon jour.

———

13-го Марта. Съ новымъ удовольствіемъ прочелъ я Введеніе Гизо къ описанію жизни Вашингтона. Счастливы оба, и великій мужъ, нашедшій себѣ такого историка, и писатель, встрѣтившій въ исторіи людей такую полную и неукоризненную жизнь. Ни въ одномъ изъ твореній Гизо, вообще примѣчательныхъ, не отзывается такое теплое чувство удивленія и любви къ нравственному величію, котораго можетъ достичь человѣкъ, въ борьбѣ съ необыкновенными обстоятельствами, и котораго съ такимъ полнымъ успѣхомъ достигъ Вашингтонъ, какъ въ этомъ Введеніи. Это игра виртуоза, исполнившаго свою любимую піесу. Нельзя не чувстворать, что Гизо въ одно и тоже время изображалъ и дѣйствительную жизнь лучшаго изъ всѣхъ героевъ человѣчества, и идеалъ, которому предполагалъ слѣдовать на поприщѣ для него самого готовое открыться. Онъ еще на сценѣ, и его біографія впереди.

———

L'histoire des peuples est une échelle de misère dont les révolutions forment les différents dégrés.

———

Je sais m'attendrir sur le malheur des autres; mais dans ce siècle de philantropie nous avons trop déclamé contre la fortune. Les pauvres dans les états sont infiniment plus dangereux que les riches, et souvent ils valent moins qu'eux.

———

Partout où un petit nombre d'hommes réunit pendant de longues années le pouvoir et les richesses, quels que soient d'ailleurs la naissance de ces gouvernants, prébécienne ou patricienne, le manteau dont ils se couvrent, républicain ou monarchique, ils doivent nécessairement se corrompre dans la même progression qu'ils s'éloignent du premier terme de leur institution. Chaque homme alors a ses vices, plus les vices de ceux qui l'ont précédé.

1847. 2-го Апрѣля. Сильный вѣтеръ поутру; къ вечеру теплый дождь до 5° тепла.—По прошествіи долгаго времени опять за Тацита, и тѣмъ пріятнѣе чѣмъ болѣе нашелъ его знакомымъ. До ночи кончилъ 1-й томъ его Исторіи. Арминій болѣе прежняго обратилъ мое вниманіе своимъ значеніемъ въ собственномъ народѣ и въ исторіи Римской имперіи. Начальные признаки слабости послѣдней въ возмущеніи и въ самыхъ средствахъ укрощенія легіоновъ при восшествіи Тиверія.

Драма Германика и Пизона, безъ содѣйствія Тиверія въ пользу послѣдняго непонятная; тогдашняя медленность въ сообщеніяхъ могла способствовать тому. Скорость объясненій остановила бы все и заставила бы прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Какъ могла столько времени оставаться неопредѣленною зависимость Пизона отъ Германика; а послѣ его смерти управленіе Востокомъ оспориваться Сентіемъ и Пизономъ?

Въ нѣсколькихъ словахъ какъ бы неумышленно отражается понятіе о могуществѣ Парѳянской имперіи; а какъ мало слѣдовъ осталось отъ нея въ исторіи!

Пріятная прогулка пѣшкомъ съ тремя сыновьями и учителемъ ихъ.

3-го Апрѣля. Наконецъ, опять теплый весенній день. Утро съ Тацитомъ. Первыя девять лѣтъ правленія Тиберія, смѣсь добра и зла. Извѣщеніе Беллизара о посылкѣ книгъ. Ольга окончила Иліаду и Одиссею. Прочла первую часть Виргиліевой Енеиды. Сѣверная Пчела съ трудомъ перебивается, и фельетонъ повторяетъ старое. Journal des Débats на этотъ разъ мало занимателенъ; но нѣсколько строкъ выскоблено.—Въ приказахъ страшный приговоръ за покушеніе на смертоубійство (кого не сказано) надъ подпор. Веригой.

Опять въ кабинетѣ за давно оставленнаго Тацита. Послѣднія одиннадцать лѣтъ Тиверія въ Капреѣ. Страшный періодъ Рим-

ской жизни и человѣчества. Между тѣмъ я отыскалъ въ Таците знакомыхъ, кажется, еще никѣмъ не замѣченныхъ. Въ описаніи войны царя Иберіи (Грузіи) Фаразмана съ Артабаномъ царемъ Парѳянскимъ, Тацитъ въ числѣ вспомогательныхъ войскъ перваго называетъ Шепсуховъ (Sceptuchi). На сѣверной покатости Кавказа и у подошвы его до Кубани, между племенами Абадзеховъ, Натухайцовъ и Убыховъ, существуетъ донынѣ сильное и воинственное племя Шапсуговъ. Довольно правдоподобно, что по непроходимости Кавказской цѣпи на этомъ пространствѣ, по неимѣнію вовсе никакихъ путей кромѣ тропинокъ въ странѣ ихъ, они мало могли потерпѣть отъ нашествій въ разныя времена различныхъ народовъ изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію, по необходимости избиравшихъ два существующіе только пути для перехода чрезъ Кавказскія горы: ворота Кавказскіе (Даріальская тѣснина) и Каспійскіе ворота (Дербентъ)

Впрочемъ Кавказъ по сіе время скрываетъ богатыя сокровища для будущихъ изслѣдователей въ разныхъ любопытныхъ отношеніяхъ, особенно въ происхожденіи народовъ. Многія племена носятъ въ неискаженномъ видѣ названія издревле передаваемыя Исторіей. Анды, Авары, Осеты или Осетины. Послѣдніе особенно замѣчательны. Они занимаютъ главное ущелье, чрезъ Кавказскіе ворота изъ Европы въ Азію почти по серединѣ Кавказской цѣпи пролегающее. Наружность ихъ отлична отъ всѣхъ другихъ Кавказскихъ племенъ, и языкъ ихъ по звуку и даже по сходству нѣкоторыхъ словъ поминаетъ языкъ Нѣмецкій. Они обратили уже на себя вниманіе оріенталистовъ Германіи.

Poppaeus Sabinus obtint le consulat, les ornements du triomphe, et régit pendant vingt quatre ans les provinces les plus importantes, non qu'il eut des talents distingués, mais parce que, au neveau de ses emplois, il n'était point au-dessus.

Лыбопытно свидѣтельство Тацита о Вителліѣ (отцѣ императора гнусной и прожорливой памяти) во время управленія его при Тиверіѣ легіонами на Востокѣ: Je n'ignore point la renommée sinistre qu'a maintenant ce Romain et ce qu'on impute de honteux à sa mémoire; mais il n'est pas moins vrai que dans l'administration des provinces il montra une vertu antique.

5-го Апрѣля. Въ два часа по полудни 15° тепла, солнце, но сильный вѣтеръ. Утро прошло въ приготовленіи писемъ, брату Карлу, Македонцу, Мельникову, отношеній, дежурному генералу и въ департаментъ военныхъ поселеній. Софьѣ лучше и выходитъ; Катя опять съ пароксизмомъ лихорадки. Завтракъ веселый. Верхомъ съ моими всегдашними спутниками верстъ десять. Въ 4 часа возвратились. За Тацита. Невознаградимая потеря многихъ его книгъ. Какіе вымыслы могутъ сравниться съ безумными неистовствами Калигулы? Этотъ не обманывалъ, какъ другіе, кроткимъ и умѣреннымъ началомъ правленія, но почти тотчасъ показался въ чудовищномъ своемъ безобразіи, заставивъ жалѣть даже о Тиверіѣ.

Клавдій жалокъ и ужасенъ. Но какъ жалокъ тогдашній Римскій міръ! Куда укрыться отъ ряду чудовищъ, давившихъ его? Какъ, въ тогдашнемъ положеніи имперіи, униженіи Сената, развратѣ Римской черни, буйствѣ преторіанцевъ, всегдашней готовности къ возмущенію легіоновъ, узнавшихъ свое могущество, какъ измѣнить порядокъ и духъ правленія? Тациты, Плиніи и немногіе подобные имъ должны были и въ лучшія времена глубоко это чувствовать. И какъ это чувство отзывается грустно во всѣхъ ихъ твореніяхъ!

Между обѣдомъ и чаемъ дѣти упросили меня прочесть имъ изъ IX т. Исторіи Карамзина царствованіе Іоанна Грознаго. Мы взяли Казань. Я читалъ съ удовольствіемъ и одушевленіемъ, замѣтивъ непритворное вниманіе старшихъ дѣтей, даже и младшихъ, слушавшихъ краснорѣчивый разсказъ, какъ сказку. Пересталъ во время, чтобы не утомить въ нихъ охоту къ слушанію.

7-го Апрѣля. Послѣ многихъ мѣсяцовъ безвыѣзднаго пребыванія дома, въ семействѣ, уступая наконецъ приличіямъ, ѣздилъ на дрожкахъ вчера за десять верстъ къ сосѣду и родственнику И. М. Скор. Встрѣтилъ его семейство на прогулкѣ въ колясках. Обѣдалъ у нихъ и возвратился къ семи часамъ вечера домой. Обычный порядокъ моего дня отъ этой короткой поѣздки однако разстроился; глаза потерпѣли отъ пыли и вѣтра, душа отъ незанимательнаго разговора. Даже во снѣ тревожными грезами отозвалось отступленіе отъ ежедневной жизни. Дороги просохли; всходы едва замѣтны. Ввечеру дѣти танцовали и маскировались. Остался за общимъ чаемъ. Вчера по-

утру отправлены письма и дѣловыя бумаги на почту. Привезли только Débats и Библіотеку. Нѣсколько строкъ изъ послѣдней; исповѣдь Булг. въ вымышленной повѣсти о терпимыхъ имъ гоненіяхъ въ званіи журналиста. Какъ хорошъ, восхитителенъ мой Владиміръ! Да осѣнитъ его благое Провидѣніе Своимъ покровомъ.

10-го. Третьяго дня, 8-го, ѣздилъ за тринадцать верстъ къ доброму сосѣду А. Е. Риттеру, одинъ. Этимъ, кажется, заключу мои визиты; порядокъ жизни ими разстраивается; цѣпь дневныхъ занятій и кроткихъ семейныхъ ощущеній разрывается; нужно ихъ опять связывать, а они нѣжны и требуютъ безпрерывнаго вниманія для искуснаго, но незамѣтнаго направленія и умиренія наклонностей и страстей, всегда и вездѣ и безъ важныхъ причинъ не перестающихъ дѣйствовать. Къ тому же есть и грызущая забота: сына надобно везти въ Петербургъ, а средствъ къ тому нѣтъ въ виду.

Замѣчательна рѣчь Дюшателя (министра внутреннихъ дѣлъ) въ Палатѣ депутатовъ по поводу предложенія Duvergier de Hauranné умножить число избирателей. Также и рѣчь Гизо. Предложеніе отринуто.

Хорошъ въ Б. для Ч. разборъ біографіи Крылова, въ предисловіи къ общему новому изданію его сочиненій, Плетневымъ прибавленной. Это портретъ.

Вчера же вечеромъ и сегодня по утру опять за Тацита. Люблю всѣ роды краснорѣчія, но Тацитово мнѣ болѣе всѣхъ по сердцу; такъ глубоки взгляды его въ душу человѣческую, такъ важенъ и всеобъемлющъ его обзоръ Римскаго міра, такъ поразительно мѣтко выраженіе!

Въ приказахъ большое производство въ генералъ-лейтенанты. Есть изъ нихъ непостижимые. За то два генер.-лейт.: Тришатный (бывшій начальникъ внутренней стражи и инспекторъ резервной пѣхоты) и Добрынинъ, начальникъ резервной Кавказской дивизіи, преданы военному суду арестованными за злоупотребленія, слѣдствіемъ которыхъ была непомѣрная смертность между нижними чинами. Знаю обоихъ, особливо послѣдняго, имѣвъ даже случай быть ему полезнымъ.

Заговоръ Пизона, смерть Сенеки, пожаръ Рима—мастерскія картины!

11-го Апрѣля. Пасмурный тихій день, 9° тепла. Утро съ Тацитомъ. Книги конца царствованія Нерона и смерть его, не дошедшія до насъ; горестная потеря. Переходъ отъ лѣтописи къ Исторіи. Превосходное вступленіе. Общій обзоръ положенія имперіи послѣ смерти Нерона. Гальба въ Испаніи. Виндексъ въ Галліи. Вергиній и Капитонъ въ Германіи. Внезапное сраженіе между легіонами двухъ послѣднихъ. Муціанъ въ Сиріи. Веспасіанъ въ Іудеѣ. Возмущеніе Оттона въ самомъ Римѣ. Четырехъ-дневное цесарство Пизона. Смерть его и Гальбы.

Судьбы такой имперіи и такого народа какъ Римляне вообще достойны вниманія потомства, особливо рѣзцомъ Тацита начертанныя; но твореніе его особенно заслужило безсмертіе множествомъ мыслей и приговоровъ вѣрныхъ, глубокихъ, въ сердцѣ человѣка всѣхъ временъ, всѣхъ состояній, подсмотрѣнныхъ и выраженныхъ неподражаемо. Какое разнообразіе въ оттѣнкахъ добродѣтели и порока, какъ въ самой природѣ!

———

14-го. Être de tous les partis par leur côté généreux, n'être d'aucun par leur côté mauvais (Hugo).

Весна Петербургская пожираетъ стариковъ. Трое сановниковъ: Васильчиковъ, Потаповъ, Храповицкій умерли одинъ за другимъ. Всѣхъ троихъ коснулся я различно въ моей жизни. Я узналъ ихъ въ моей молодости уже генералами. Память Васильчикова почтена строками уваженія къ его душевнымъ качествамъ и благородной службѣ, строками, какъ говорятъ изъ души Государя излившимися.—О Потаповѣ никто ни слова; о дарованіяхъ его говорить нечего; но о сердцѣ его я могъ бы сказать много похвалы достойнаго, мною самимъ испытаннаго, если бы не отвращеніе непреодолимое къ печатной извѣстности. Къ тому же обстоятельства, на которыя должно было бы сослаться, гласности еще не терпятъ. Они найдутъ, я надѣюсь, свое мѣсто въ этой скромной книгѣ, въ свое время, если Провидѣніемъ суждено и мнѣ, уже самому въ преддверіи старости, еще нѣсколько лѣтъ не сломленныхъ ею, какъ теперь, ни душой ни тѣломъ. — Будетъ ли Храповицкій счастливѣе? Жизнь его была замѣтнѣе жизни Потапова; но былъ ли онъ лучше,— не знаю. Съ нимъ я только сталкивался; съ Потаповымъ прожилъ въ первый разъ нѣсколько недѣль, въ которыя много ему

обязанъ за оказанное участіе и благородство; потомъ годы, какъ подчиненный по службѣ, въ различныхъ отношеніяхъ пріязни и отдаленія; въ послѣдствіи въ непоколебимой дружбѣ, нѣжно-внимательной съ его стороны и до конца. Въ Петербургѣ я замѣчу его пустое для меня мѣсто.

15-го Апрѣля. Семейное небо пасмурно. Николай также занемогъ лихорадкой, Софья простудой. Нѣтъ моихъ привычныхъ спутниковъ въ прогулкахъ! И погода кажется отъ того хуже нежели на самомъ дѣлѣ.

Прекрасная въ Revue des Deux Mondes повѣсть Le Roman dans le monde; сельскій докторъ — лучшее возраженіе противъ паровыхъ романовъ новой школы, наполняющихъ фельетоны.

Боде путешествіе къ развалинамъ Персеполя и Сузы очень занимательное. Я слѣдилъ его путь на картѣ Арросмита, которую онъ уступилъ мнѣ въ проѣздъ свой чрезъ Ставрополь, еще до путешествія въ Персію. — Луристанъ и Хузистанъ. — Въ какихъ неуклюжихъ рукахъ бѣдствуетъ этотъ земной рай!

— —

16-го Вчера день былъ весенній; въ два часа по полудни жена съ Ольгой въ дрожкахъ; вмѣстѣ съ ними я съ однимъ учителемъ Маттеи верхомъ. Пѣшкомъ съ Владиміромъ удить рыбу, неудачно. Послѣ обѣда рано въ свой кабинетъ. Napoléon et Marie Louise, третій томъ Менневаля. Полагаю, что это прибавленіе къ двумъ прежнимъ, весьма занимательнымъ, должна быть спекуляція; такъ мало оно похоже на нихъ. Часто прорывается слогъ и даже лживость бюллетеней, сужденія недостойныя человѣка такъ близко бывшаго къ Наполеону и къ событіямъ; занимательны только въ концѣ письма Наполеона и Іосифа въ 1814-мъ году и записки Екатерины Виртембергской, супруги Іеронима, короля Вестфальскаго.

Поздно, уже ночью продолжительный и близкій, зловѣщій по понятію многихъ крикъ совы, какъ никогда въ жизни еще не слышалъ. Страненъ и особенно непріятенъ смѣхъ ея. Какъ нарочно собаки, которыхъ полонъ дворъ, на этотъ разъ всѣ молчали, лая обыкновенно при малѣйшемъ звукѣ по вечерамъ.

La chaîne qui lie entre eux les événements de ce monde est quelquefois bien étrange! Souvent ce qui est sage combinaison échoue; ce qui est faute réussit. Ce n'est pas un motif toutefois pour déclarer

toute prudence vaine, et pour lui préférer les impulsions du caprice dans le gouvernement des empires. Non, il faut toujours préférer le calcul à l'entraînement dans la conduite des affaires; mais on ne peut s'empêcher de reconnaître qu'au-dessus des desseins de l'homme planent les desseins de la Providence, plus sûrs, plus profonds que les siens. C'est une raison de modestie, non d'abdication pour la sagesse humaine.

——

17-го Апрѣля. Въ домѣ грустно. Четверо старшихъ нездоровы. Теплый день, небольшой дождь, недостаточный для сухихъ полей. Кончилъ шестой томъ Консульства и Имперіи Тьера. Въ этомъ томѣ, кажется мнѣ, онъ сошелъ нѣсколько ступеней съ исторической высоты, съ которой въ прежнихъ смотрѣлъ и описывалъ происшествія. Описаніе затрудненій Французскаго банка, довольно запутанное, занимаетъ слишкомъ много мѣста и не меньше трехъ разъ возвращается подъ его перо. Хорошо описано быстрое и мастерское движеніе Булонскаго лагеря и прочихъ войскъ къ Ульму на сокрушеніе Мака. Сцены передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, по собственнымъ моимъ воспоминаніямъ того времени, должны быть недалеки отъ истины. Записки графа Ланжерона о канунѣ и ночи передъ Аустерлицемъ въ квартирѣ Кутузова я не зналъ. Она умна и живописна. Характеры нѣкоторыхъ нашихъ генераловъ у Тьера написаны несправедливо. Милорадовичъ названъ порочнымъ. Онъ былъ безпорядоченъ, но великодушенъ и добръ; рѣдко платилъ долги, сдѣлавъ ихъ много, но отдавалъ послѣднее иногда безъ толку. Сужденіе о Кутузовѣ рѣзко и потому также несправедливо; распутнымъ (dissolu) нѣтъ достаточныхъ причинъ называть его: онъ любилъ женщинъ, въ чемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, былъ съ ними очень любезенъ и ловокъ даже въ старости. Этотъ упрекъ тѣмъ замѣтнѣе, что достался только на его долю, когда онъ гораздо справедливѣе могъ быть направленъ противъ многихъ изъ замѣчательныхъ лицъ Франціи. Положеніе его въ арміи при Александрѣ передъ Аустерлицомъ было такъ затруднительно, что требовало бы болѣе осторожности въ осужденіи его историкомъ. По обвиненію въ лѣни онъ оправданъ безсмертіемъ.

——

Il voulait user du moyen très facile en théorie, très difficile dans la pratique de battre ses ennemis les uns après les autres.

Des gouvernements irrésolus qui délibèrent quand ils devraient agir, des gouvernements imprévoyants qui songent à organiser leurs forces quand déjà elles devraient être sur le champ de bataille et, audessous d'eux des généraux subordonnés qui peuvent à peine se mouvoir sur le théâtre circonscrit assigné à leurs opérations.

Dans le chaos de ces rapports l'esprit supérieur discerne la vérité, l'esprit médiocre se perd.

Mack à Ulm. Du reste l'expérience enseigne que dans ces situations l'âme humaine abattue, quand elle a commencé à descendre, descend si bas, qu'entre tous les partis elle prend le plus mauvais.

Le courage malheureux n'est pas moins admirable que le courage heureux: il est plus touchant.

Ajoutons que ces grandes résolutions sont faites pour les grands hommes, que les hommes ordinaires y succomberaient etc. etc.

Nulle-part les fautes ne sont assitot punies qu'à la guerre, car nulle-part les causes et les effets ne s'enchaînent aussi rapidement.

L'art de se diviser pour vivre et de se concentrer pour combattre.

La plus admirable des habiletés est celle de la force qui sait se contenir.

Pour les espris refléchis et calmes, s'il en restait quelques-uns en presence de tels évènements, il n'y avait qu'un sujet de crainte, c'était l'inconstance connue de la fortune et, ce qui est plus redoutable encore, la faiblesse de l'esprit humain, qui quelquefois supporte le malheur sans faillir, rarement la prospérité sans commettre de grandes fautes.

Ou n'a des alliés comme des amis qu'à la condition de ménager leur orgueil autant que leur intérêt, à la condition, en appercevant leurs torts, même en les sentant vivement, de ne pas s'en donner de pareils à leur égard.

Et à quoi seraient bonnes les forces des nations, si non à essayer de dominer les unes sur les autres? Des vastes dominations sont dans les desseins de la Providence. Ce qu'un homme de génie est à une nation, une grande nation l'est à l'humanité. Les grandes nations

civilisent, éclairent le monde et le font marcher plus rapidement dans toutes les voies. Seulement il faut leur conseiller d'unir à la force la prudence, qui fait réussir la force et la justice, qui l'honore.

———

Il était loin d'être insensible aux charmes du repos. Avec la puissante mobilité de son âme, il était aussi disposé à goûter les douceurs de la gloire, des arts utiles, qu'à se transporter de nouveau sur les champs de bataille pour bivouaquer sur la neige, au milieu des rangs de ses soldats.

Il avait rétabli les cultes et il l'avait fait avec la profonde conviction qu'il faut une religion à toute société, non pas comme un moyen de police de plus, mais comme une satisfaction due aux plus nobles besoins de l'âme humaine.

———

Въ прошломъ году, при посѣщеніи Пулковской обсерваторіи, нѣсколько счастливыхъ часовъ, проведенныхъ мною въ обществѣ астронома Струве, кромѣ удовольствія и поученія въ его разговорѣ и наблюденій для меня новыхъ сквозь могущественные телескопы обсерваторіи, породили во мнѣ мысль, потомъ разсѣянную, но сію минуту во мнѣ пробужденную: какую тихую и вѣроятно счастливую жизнь можно было бы приготовить для одного изъ моихъ сыновей, отдавъ его въ семью учениковъ этого достойнаго астронома, привязавъ всю его жизнь къ этой горѣ, съ которой, какъ съ безопаснаго утеса, среди бури жизни, онъ могъ бы смотрѣть на растилающуюся вдали столицу, подъ вѣчнымъ ея покровомъ тумана и дыма, слышать отдаленный ея шумъ, сливающійся съ шумомъ всегда грозящаго ей моря, угадывать, не испытывая самому, страсти громкія и тайныя, терзающія эти тысячи собратій, живущихъ въ этой людской пучинѣ, и самую горечь состраданія забывать, углубляясь въ неистощимое созерцаніе вѣчной картины стройнаго и великолѣпнаго неба, изучая съ помощію глубокихъ исчисленій дивные законы Творца, коими движутся миріады свѣтилъ въ необъятномъ хороводѣ съ нашею атомическою и заботливою планетой—землею.

Это было въ первой половинѣ Августа; вечеръ прекрасный и тихій; онъ остался у меня въ памяти по возвышеннымъ и кроткимъ ощущеніямъ душевнымъ, по множеству мыслей, мол-

ніями въ умѣ мелькнувшихъ, по умному, поучительному разговору Струве и по особенному всегдашнему настроенію души моей, когда вырываюсь изъ вихря жизни, особливо придворной и столичной, мало, кажется, для меня свойственной.

20 Апрѣля.

——

Въ 1839 году въ Августѣ мѣсяцѣ, во время блокады Ахульго, при чрезвычайномъ жарѣ, я читалъ разъ книгу, и вдругъ слова стали представляться мнѣ только въ половину. Я тотчасъ отнялъ глаза отъ книги и направилъ ихъ на дежурную казачью команду, стоявшую у меня подъ ногами, въ нѣсколькихъ шагахъ на горной терассѣ, и тутъ къ удивленію моему различалъ только туловище съ головою, а ногъ не видалъ; также и лошади ихъ казались безъ ногъ. Это состояніе моего зрѣнія продолжалось минутъ двадцать; впослѣдствіи оно возобновлялось раза два на нѣсколько секундъ. Мнѣ случилось разсказывать это Государю какъ дѣйствіе, какъ я полагалъ, чрезмѣрнаго жара. Сегодня, читая въ Revue Britannique біографію William Hyde Wollaston'a, я нашелъ, что этотъ знаменитый ученый испыталъ также эту полуслѣпоту, доказывающую болѣзнь оптическаго нерва и отъ нея умеръ. Біографъ замѣчаетъ: „Lorsqu'on fit l'autopsie de son corps, on découvrit une large tumeur dans la portion du cerveau, d'où part le nerf optique. Si l'on est fondé à supposer que la singulière espèce de demi-cécité, dont il souffrait quelquefois, était un des premiers symptomes de sa maladie, les progrès en avaient été lents; car l'essai de Wollaston sur la demi-paralysie des nerfs optiques avait été publié en 1824. Il est mort en 1828.—Un fait psychologique assez curieux à constater c'est que, malgré le développement de cette maladie du cerveau, les facultés de Wollaston restèrent intactes jusqu'au dermier moment: aucun nuage ne couvrit cette belle intelligence».

Эти подробности полупаралича глазнаго нерва и его послѣдствія касаются до меня очень близко.—Да будетъ святая воля Твоя!

——

22. Lorsqu' un homme me demande à quoi servent les arbres d' agrément et les fleurs, mon premier mouvement est de regarder la longueur de ses oreilles. Je suis las jusqu'au dégoût de voir tout me-

surer au pied de l'utile et du profit. J'ai grand pitié de l'homme qui ne voit de bon dans la vie que l' argent ou la satisfaction des appetits animaux, tels que le boire et le manger.

———

Все утро вчера прошло въ окончаніи и отправленіи въ Прилуки дѣловыхъ бумагъ запоздавшихъ по Польскому маіорату. Послѣ сильнаго и необходимаго ночнаго дождя, прекрасный весенній день. И Александръ занемогъ лихорадкой! Катѣ и Софіи хуже. Верховыхъ лошадей перековывали. Надо было отказаться отъ привычной прогулки верхомъ. Съ женою въ дрожкахъ. Прелесть первыхъ листьевъ березы и кустарниковъ. Поймалъ десять окуней на удочку.

Въ Revue Britannique статья Англичанина, посѣтившаго гр. Браницкую въ Александріи близъ Бѣлой Церкви, напомнившая мнѣ мое пребываніе тамъ въ 1827-мъ году, въ ея отсутствіе въ Петербургѣ. Все довольно вѣрно, кромѣ смѣшнаго заключенія, по ея привычкамъ забавной скупости, объ обычаяхъ другихъ помѣщиковъ въ краѣ. Говоря напримѣръ о томъ, что гр. Браницкая за обѣдомъ, посыпавъ сахаромъ свой кусокъ дыни, отослала сахарницу, прибавивъ, что дыня довольно сладка и безъ того, и что одна только бутылка Шампанскаго стояла передъ нею, въ которой никто не участвовалъ, а передъ прочими пиво, квасъ или Донское вино, путешественникъ прибавляетъ что вообще въ краѣ обычай, навѣщая другъ друга, привозить съ собою свой сахаръ и свое вино. Это нелѣпость, которой онъ могъ легко избѣжать. Напротивъ, помѣщики того края отличаются скорѣе неосторожнымъ гостепріимствомъ и готовы угостить всѣмъ лучшимъ что̀ есть въ хозяйствѣ. Графиня Браницкая, при огромномъ своемъ состояніи, была скупа до невѣроятности. Въ буквальномъ смыслѣ можно сказать, que c'était une économie des bouts de chandelles. Александрійскій садъ мнѣ показался пріятнѣе Софійскаго, въ Умани, въ которомъ искусство и затѣйливость слишкомъ замѣтны и нѣтъ дали. Въ Александріи пространство, свѣтъ, горизонты, а искусство помогало и только украшало прекрасную саму собой природу.

———

Lord Sidmouth (Addington), en vantant dans ses Mémoires l'espèce de fascination exercée par Pitt sur ses amis (he was the most fascinating companion), ajoute quelques traits qui nous montrent jusqu'où allait cette faculté. „Il avait, dit-il, le talent d'exprimer les sentiments de ses interlocuteurs beaucoup mieux qu'eux-mêmes et de les leur rendre dans le meilleur style qu'il leur prêtait. Un jour, dit lord Sidmouth, que j'avais dîné chez m-r Pitt avec Dundas et Adam Smith, „En vérité, me dit ce dernier après le dîner, Pitt est un homme bien extraordinaire; il m'a fait comprendre mes propres idées plus clairement que je ne les comprenais avant de l'avoir entendu". Ce qui charmait le grand économiste ne séduisit pas moins un homme pratique, m-r Walker, riche manufacturier, qui était allé avec lord Stanley et m-r Blackburn entretenir m-r Pitt des intérêts de l'industrie cotonnière. Cette députation était entrée chez le ministre avec des vues tout opposées aux siennes, mais en sortant de l'hôtel de Downing-Street, m-r Walker dit à m-r Blackburn: „Ne croirait-on pas que cet homme a passé sa vie dans une fabrique? Me voilà tout à fait de son avis". Où m-r Pitt avait-il pris tout ce qu'il savait, lui qu'on ne vit presque jamais un livre à la main après être arrivé au pouvoir, lui qui restait longtemps à table, ne se levait qu'à onze heures et allait généralement faire sa promenade au parc? Il devait donc extraire ses connaissances si variées de tous ceux avec qui il causait, comme les plantes s'imprégnent de leur nourriture au milieu de l'air où ils vivent.

Это самое свойство имѣлъ въ высокой степени кн. Потемкинъ. Быстро постигать и изо всего дѣлать вѣрные выводы—тайна превосходства надъ другими и отличіе отмѣченныхъ Провидѣніемъ людей для управленія другими или вліянія на нихъ.

23-го Апрѣля. Вчера первая и сильная гроза съ градомъ и проливнымъ дождемъ, разстроившая первую попытку завтракать въ паркѣ подъ небомъ. Сегодня жаркій лѣтній день, 19° въ 4 часа дня. Въ Прилуки дѣловую бумагу.—Le Dépit amoureux и les Fâcheux.—Ранняя прогулка пѣшкомъ. Настоящій праздникъ весны послѣ благотворнаго дождя. Все распускается и зеленѣетъ роскошно. Завтракъ на воздухѣ. Въ два часа жена съ Владимиромъ на дрожкахъ, я верхомъ съ старшими и учителемъ. Они въ первый разъ, еще слабые послѣ лихорадки. Пріятная двухъ-часовая прогулка. Потомъ весь день въ паркѣ; обѣдъ также.—Истребленіе гусеницъ.

Первая рѣчь Прусскаго короля при открытіи соединеннаго сейма. Она должна подать поводъ къ тысячѣ толковъ. Затруднительное положеніе Англійскаго правительства въ изобрѣтеніи средствъ помочь бѣдствующей Ирландіи. Странный и жалкій народъ Ирландцы—эти лаззарони Великобританіи. Частыя кораблекрушенія пароходныхъ судовъ Французскихъ и Англійскихъ. Послѣднее Tweed хорошо описано.

Tant il est vrai que les hommes qui sont au-dessus des autres par les talents s'en rapprochent presque toujours par les faiblesses; car pourquoi les talents nous mettraient-ils au-dessus de l'humanité?

25-го Апрѣля. Праздникъ весны наступилъ во всемъ великолѣпіи. Деревья одни передъ другими спѣшатъ одѣться своею зеленью. Дернъ покрылся бархатомъ и цвѣтами. Новые голоса раздаются въ рощѣ и слышны уже первыя трели соловья. Тысячи блестящихъ мошекъ въ быстрыхъ своихъ движеніяхъ струятъ поверхность става, и по временамъ окунь съ плескомъ прыгаетъ изъ воды. Лягушки оглашаютъ теплый вечеръ своимъ кваканьемъ на разные тоны. Поле ожило подъ тяжелымъ плугомъ и легкою бороною. Хороша весна въ этомъ уголку Малороссіи! Природа надѣлила его разнообразной красотою. Поля вездѣ окаймлены рощами; глубокія и далеко прорѣзанныя долины скрываютъ въ себѣ прелестные виды.

Кабинетныя занятія почти вовсе оставлены. Весь день проходитъ на воздухѣ. Вчера съ моими неразлучными спутниками ѣздилъ верхомъ въ Юрковцы, гдѣ обширная долина рѣки Лѣсогора представляетъ картину прекрасную. Выздоровѣвшіе мальчики выдержали безъ усталости пятнадцати-верстную прогулку.

Отрадныя ощущенія дня среди нѣжно-любимаго семейства и услажденія красивою природою заключены однако также и умственнымъ наслажденіемъ. L'École des femmes et l'École des maris напомнили мнѣ Парижскій театръ въ его совершенствѣ въ 1814-мъ и въ 1815-мъ годахъ, въ особенности неподражаемую m-lle Mars въ Dépit amoureux; я будто теперь еще вижу ее. Сценическія удовольствія, доставляемыя безсмертными творцами, каковъ Моліеръ и актрисою, какова Марсъ, оставляютъ глубокій и образовательный слѣдъ въ жизни.

———

2-го Мая. Я до того предался весенней жизни подъ открытымъ небомъ, что перо оставалось эти дни вовсе празднымъ. Между тѣмъ не только береза, липа, кленъ, вязъ, тополь и почти всѣ кустарники одѣлись новою зеленью, но даже дубъ, всегда опаздывающій, покрылся листьями. Хоръ соловьевъ всю ночь и почти цѣлый день не умолкаетъ. Кукушка давно уже оглашаетъ рощу. Ласточки и иволги явились послѣднія. Люблю звонкую и короткую пѣснь иволги, вѣстницу жаркихъ дней.

Рѣчь Прусскаго короля, при открытіи соединеннаго сейма, странна, грозна и длинна. Вмѣсто спокойнаго величія и довѣренности, приличныхъ слову, нисходящему съ престола, при столь торжественномъ случаѣ, къ избраннымъ народа и которое долженствовало, такъ сказать, дать имъ тонъ при предстоящихъ имъ важныхъ для судьбы королевства совѣщаніяхъ, рѣчь короля страстными, даже оскорбительными выраженіями, должна неминуемо возбудить страсти, которыя, безъ этого вызова, быть можетъ, долго еще таились бы или обнаружились бы съ умѣренностію и приличіемъ. Длиннотою эта рѣчь превосходитъ даже обыкновенно очень длинныя рѣчи президентовъ Американскихъ Штатовъ. Вообще ее можно почитать важнымъ происшествіемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и страннымъ, особливо при общемъ доселѣ выгодномъ мнѣніи объ умѣ и дарѣ слова короля Прусскаго.

Но за то какъ неподражаемо уменъ Моліеръ въ своемъ Мизантропѣ, вчера опять мною прочитанномъ! Какое совершенство стиха, какъ выдержанъ ходъ и характеры піесы и лицъ! Какая мѣра и приличіе во всемъ!

——

3-го Мая. День прекрасный и прохладный. Весь подъ открытымъ небомъ. Теперь одиннадцатый часъ ночи, и соловьи подъ моими окнами въ кустахъ поютъ свою любовную пѣснь, перекликаясь между собою. Нѣсколько дней сряду уже купаюсь въ палаткѣ разбитой на ставу, въ согрѣтой однако водѣ. Кофе, завтракъ и обѣдъ въ саду на открытомъ воздухѣ.

Вечеромъ прочелъ Médecin malgré lui. Это конечно фарсъ, но какой уморительный!

4-го Мая, утро. На дворѣ дождь и всего 9° тепла. Для Воскресенья погода непріятная, но полезная для жаждущей земли и для хозяина. Успѣлъ однако до наступленія дождя сдѣ-

лать рано небольшую прогулку около цвѣтниковъ, полюбоваться на первые распустившіеся тюльпаны, ирисы и болѣе распустившіяся сирени; отъ купанья отказался. Соловьи продолжаютъ однако вокругъ дома свою пѣснь любви, то стенящую, то торжествующую; иволга также по временамъ будто отвѣчаетъ имъ своимъ короткимъ, но звонкимъ кликомъ. Отъ дыханія вѣтра шумящая, уже многолиственная, роща напоминаетъ совершеннымъ подобіемъ шумъ волнъ морскихъ, къ которому еще такъ недавно я любилъ прислушиваться въ одинокихъ прогулкахъ Петергофскихъ на Петровской терассѣ Монплезира.

Пересмотрѣлъ нѣсколько страницъ медленно подвигающихся записокъ моихъ 1812-го года *. Потомъ прочелъ Тартюфа. И эта комедія Моліера написана для безсмертія, какъ по изображенію главнаго характера, всѣмъ временамъ принадлежащаго, такъ и по совершенству исполненія, въ этой степени никѣмъ послѣ его недостиженнаго. И Тартюфа я видѣлъ на Парижской сценѣ и неподражаемую m-elle Mars въ роли Эльмиры.

6-го. Сегодня послѣ грозы свѣжо и сыро. Утро провожу въ кабинетѣ. Поучительная статья Кошю о колонизаціи въ Алжиріи.

Si une colonie apporte un accroissement de puissance, ce n'est pas par l'acquisition d'un nouveau territoire, c'est par la vitalité qu'elle excite parmi le peuple colonisateur.

———

Il en est des erreurs comme des mauvaises herbes. elles se répandent sans qu'on sache comment jusqu'au jour, où une main laborieuse entreprend de les extirper.

———

Поучительная статья Альфонса Эскироса: Des maladies de l'esprit.

8-го, утро. Вчера погода хотя свѣжая однако поправилась. Вечеръ наступилъ тихій: ни малѣйшаго дыханія вѣтра—безмолвіе совершенное. Долго, сидя у окна, наслаждался я одинъ изъ гостиной величавымъ молчаніемъ всей природы, между тѣмъ какъ въ залѣ раздавались сребристые и звонкіе голоса обрадованныхъ новыми игрушками малютокъ. Потомъ уступилъ увле-

*) Напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года. *Н. Б.*

ченію и, не смотря на свѣжесть и сырость, пошелъ прогуляться въ своемъ паркѣ.

Отмѣчаю эти дни гораздо пространнѣе чѣмъ дни дѣятельности, въ короткихъ замѣткахъ первымъ листамъ этой же книги переданныхъ; оттого что, неувлеченный страстями публичной жизни и помня мои накопляющіеся годы, въ чувствѣ еще полнаго здоровія и живой пріимчивости ко всему прекрасному въ созданіи Божіемъ, каждый день считаю за новый даръ Творца и наслаждаюсь имъ съ размышленіемъ и признательностію.

Сегодня раннее утро, хотя довольно свѣжее, было прекрасно и вызвало меня въ одинъ изъ моихъ зеленыхъ кабинетовъ пить кофе, когда все мое семейство еще покоилось. Потомъ пѣшкомъ по саду почти до усталости.

9-го Мая. Термометръ на точкѣ замерзанія; дождь со снѣгомъ густыми нитями валитъ изъ сѣраго неба. Закрытый, казалось, до зимы каминъ открылся, и огонь въ немъ опять запылалъ съ трескомъ. Изъ всѣхъ птицъ одинъ соловей, какъ бы жалуясь, пробуетъ по временамъ свою пѣснь, но скоро умолкаетъ, послѣ немногихъ жалобныхъ нотъ.

Еще сошелъ со сцены одинъ изъ главныхъ героевъ великаго времени: эрцгерцогъ Карлъ умеръ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ дни Вѣнскаго конгресса, сопровождавшаго на поляхъ Асперна и Ваграма императора Александра и съ скромностію дополнявшаго короткими замѣчаніями разсказъ генерала Гардена о безсмертныхъ событіяхъ, эти мѣста ознаменовавшихъ.

11-го Мая. Вчера свѣжій день; термометръ доходилъ только до 6°; по временамъ шелъ дождь. Это не удержало меня сдѣлать нѣсколько прогулокъ, не выходя однако изъ парка. Около завтрака подъѣхалъ къ моему флигелю незнакомый. Доложили мнѣ о Сологубѣ. До чего врѣзываются въ памяти черты людей, видѣнныхъ въ дѣтствѣ! Только что я вышелъ къ нему, то лице представилось мнѣ знакомымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ однако, что никогда со мною не встрѣчался, но что мы вмѣстѣ воспитывались въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Этому сорокъ два года, какъ я его оставилъ. Толстенькій, маленькій человѣкъ, съ носикомъ въ видѣ запятой, забитый уѣздною и семейною жизнію, отъ которой хочетъ искать развлеченія въ званіи окружнаго началь-

ника по казеннымъ имуществамъ въ уѣздѣ, чего и добивается у начальства.

Сегодня Троицынъ день, о чемъ я вовсе было забылъ; но, взглянувъ изъ своего флигеля на домъ, увидѣлъ балконъ весь обстановленный березками, между тѣмъ какъ домъ окруженъ и безъ того со всѣхъ сторонъ зеленью.

«Москва и Москвичи» Загоскина принесли мнѣ вчера истинное удовольствіе. У него Русскій языкъ гибокъ, гладокъ, текучъ, выразителенъ и содержаніе; такъ счастливо облеченное этимъ слогомъ умно и пріятно занимаетъ разсудокъ и душу. Это теплота кабинетнаго камина. Ни одинъ изъ нынѣшнихъ писателей, изъ которыхъ иные съ похвальнымъ искусствомъ владѣютъ Русскимъ перомъ, не возбудилъ во мнѣ такой живой надежды, что близокъ уже желанный день, когда Русскій чистый языкъ вытѣснитъ и въ высшемъ обществѣ изъ разговора господство Французскаго языка. Спасибо Загоскину!

Моя тихая и пріятная жизнь на дняхъ получила примѣсь грусти, усилившей мою нѣжность къ семейству, привязанность къ созданной такъ удачно усадьбѣ и къ жизни, которую я здѣсь веду. Съ послѣднею почтою полученное отъ директора Пажескаго Корпуса увѣдомленіе, что старшій мой сынъ поступилъ уже въ прошедшемъ Августѣ въ комплектъ пажей, а второй близокъ къ тому, заставляетъ меня чрезъ два мѣсяца отправиться съ ними въ Петербургъ, и безъ сомнѣнія самому тамъ на долго оставаться. Такъ раздѣлится соединенное теперь счастливое семейство; такъ прервется нить отрадныхъ дней, съ нимъ проведенныхъ, въ пріятномъ и занятомъ уединеніи, въ которомъ такъ охотно бы остался до послѣдняго верховнаго дня, судьбами Божіими мнѣ опредѣленнаго. Да будетъ Его святая воля!

Не смотря на наступившее холодное время, могучіе члены дуба почти совсѣмъ одѣлись своею свѣтлою и красивою зеленью. Только нѣжная бѣлая акація едва выпускаетъ тонкіе свои листики. Цвѣтники притаились въ ожиданіи живительныхъ лучей солнца.

Статья въ Revue Britannique объ ученомъ морскомъ путешествіи Сѣверо-Американской экспедиціи, подъ начальствомъ капитана Wilkes'а отъ 1838-го до 1842-го, заняла часть моего утра. Сколько еще канибаловъ въ Полинезіи! Странны дѣйствія

Англійскихъ миссіонеровъ между дикими. Съ какой невыгодной стороны часто представляютъ они христіанскую религію! Описаніе состоянія, въ которомъ Вилькесъ нашелъ Лонгвудъ, послѣднее пребываніе Наполеона на Св. Еленѣ, грустно и не дѣлаетъ чести Англійскому правительству.

Школы сорванцовъ (École Déguénillées), статья въ томъ же номерѣ журнала, въ страшномъ видѣ показываетъ слѣдствія огромныхъ населеній въ городахъ подобно Лондону. Парижъ можетъ представить подобныя картины. Утѣшительны дѣйствія многихъ частныхъ лицъ, безъ пособія правительства, облегчить судьбу этихъ полудикихъ несчастливцевъ.

Между завтракомъ и обѣдомъ прогулялся пѣшкомъ и возвратился промоченый дождемъ. Свою прекрасную Софію засталъ опять въ припадкѣ лихорадки. Это уже ея третій возвратъ.

Послѣ обѣда молодая крестьянка съ подругами, на дняхъ вышедшая замужъ, приходила съ хлѣбомъ-солью. Онѣ проплясали намъ трепака подъ музыку моего Николая. Допущенныя въ гостиную, всѣ кинулись прежде всего къ зеркаламъ, простодушно любуясь собою.

Канадскіе очерки (Esquisses Canadiennes) бывшаго въ Канадѣ Англійскаго губернатора отличаются живымъ чувствомъ природы, высокимъ понятіемъ о своемъ долгѣ, просвѣщеннымъ человѣколюбіемъ и даромъ описанія. Трогателенъ разсказъ его о смерти генералъ-губернатора обѣихъ Канадъ Шарля Леннокса, герцога Ричмонда. Онъ замѣчателенъ кромѣ того какъ новое разительное доказательство силы воли и ума въ человѣкѣ надъ физическою его натурою. Объѣзжая область, имъ управляемую, онъ былъ внезапно пораженъ страшнымъ недугомъ — водобоязнію. Но такова была его власть надъ собою, что долго сопровождавшіе его не догадывались о его болѣзни, между тѣмъ какъ многія обстоятельства впослѣдствіи доказали, что онъ самъ нѣсколько дней уже зналъ родъ болѣзни, его постигшей, и неизлечимость ея. Справедливо прибавляетъ авторъ: je ne connais pas d'exemple qui puisse mieux montrer ce que peut une âme fortement trempée pour tenir tête au malheur le plus affreux, à la ruine la plus complète qui puisse menacer notre débile organisation.

Говоря о краснокожихъ природныхъ Американцахъ, съ которыми авторъ, какъ правитель области, имѣлъ близкія и важ-

ныя сношенія, онъ заключаетъ замѣчательнымъ описаніемъ ихъ: Ils ont l'ouïe plus fine, la vue plus longue, l'odorat plus exercé que nous; ils peuvent supporter plus de fatigue, vivre avec moins d'aliments; en tout ils sont sujets à moins de besoins que leurs frères blancs, et cependant sans cesse, en admiration devant le miroir où se réfléchit notre vanité, nous qualifions dedaigneusement de barbares les Peaux Rouges de l'Amérique. Это глубокое замѣчаніе еще болѣе относится до другихъ народовъ, многими степенями выше Американцевъ стоящихъ и варварами называемыхъ, какъ напримѣръ Кавказцы. Много пріобрѣтаетъ человѣкъ, составляющій болѣе или менѣе замѣтное звѣно просвѣщеннаго и благоустроеннаго Европейскаго общества, но много и отдаетъ. Государство могущественно достигаетъ высокихъ и благихъ цѣлей; большинство отдѣльныхъ лицъ упадаетъ сравнительно до гораздо низшаго уровня душевныхъ и тѣлесныхъ качествъ, чѣмъ нѣкоторыя племена, воспитанныя въ борьбѣ съ трудною природою и съ опасностями общественнаго быта, слабою нитью связаннаго.

13-го Мая. Je ne confierai pas volontiers un second navire au capitaine, qui m'en aurait perdu un. Sans être fataliste, je crois qu'il y a des gens prédestinés à réussir. C'est un préjugé, sans aucun doute, mais les préjugés nous servent souvent mieux dans la pratique que de belles et sonores maximes.

Безпокойная ночь отъ слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, оставленнаго однимъ изъ предметовъ вчерашняго чтенія. Это одна изъ опасностей уединенной жизни. Общежительность быстро смѣняетъ одни ощущенія другими и не легко допускаетъ исключительное преобладаніе одной мысли.

14-го Мая. Вчерашній день, послѣ свѣжаго утра, сдѣлался изряднымъ. Пѣшкомъ нѣсколько одинокихъ прогулокъ; по возвращеніи нашелъ гостя, сосѣда Олифера, оставшагося обѣдать. Поздній вечеръ провелъ на балконѣ и тамъ же пилъ чай. Совершенная тишина въ воздухѣ; мѣсяцъ, освѣщавшій голубое небо и волнистыя облачка, по временамъ его заслонявшія, неподвижность листьевъ, казавшихся висящими безъ стебельковъ на воздухѣ, безъ легчайшаго колебанія, красота деревьевъ, будто для кисти живописца стоявшихъ, дальній говоръ и пѣсни крестьянъ: все вмѣстѣ составляло такую величавую сельскую картину, что я рѣшился вызвать жену, чтобы раздѣлить съ нею

это наслажденіе. Въ эти минуты нельзя не пожалѣть о тѣхъ, которые волею или неволею заключены въ пыльныхъ и неблагоухающихъ городахъ.

Сегодня свѣжо, тихо, пасмурно, и мелкій дождь падаетъ на дерновый кругъ передъ домомъ, только что скошенный.

Въ прошломъ году я проводилъ эти дни въ Бухарестѣ, ожидая прибытія султана въ Рущукъ на Дунаѣ. Не смотря на значительность моего тогдашняго положенія, на предупредительность обоихъ господарей Валахіи и Молдавіи, гостепріимство ихъ и высшаго общества, на неизбѣжное обаяніе, производимое этимъ настоящимъ городомъ Цитеры, новость предметовъ, оригинальность этого полу-азіатскаго города-деревни, жаркаго, глубокаго и растлѣвающаго неба, прекрасной природы и дружескаго общества Дашкова, нашего генеральнаго консула и его любезнаго семейства, не промѣняю живыхъ впечатлѣній тѣхъ дней на тихія, умиряющія, которые провожу среди своей семьи, подъ умѣреннымъ небомъ Малороссіи. То — праздники, это — отдыхъ; нужны то и другое для полноты жизни.

15-го Мая. Вчерашній день, послѣ дождливаго утра, подулъ сильный, порывистый вѣтеръ до самой ночи. Раза два выходилъ пѣшкомъ, благодаря скорому просыханію дорогъ въ паркѣ. Вечеръ заключилъ комедіей Les femmes savantes, однимъ изъ лучшихъ твореній Моліера. Ни одно не оставило въ употребленіи столько мѣстъ въ пословицы вошедшихъ, какъ эта прекрасная комедія.

16-го Мая. Les chefs des révolutions gagnent à être considérés de loin; après le développement de leur ouvrage, quand ce qu'ils entrevoyaient est devenu visible à tous, quand ce qu'ils pressentaient est devenu l'opinion du monde, leurs misères personnelles, leurs politesses, leurs vices s'effacent, disparaissent dans l'ombre, tandis qu'ils empruntent aux institutions, qui grandissent une gloire, qui grandit avec elles. Mais le rôle de révolutionnaire exige de rares qualités. Cet instinct de besoin d'un peuple, ces confidences de l'avenir ne s'adressent qu'à des esprits fermes, à des intelligences libres et hardies, à des coeurs capables de foi et d'élan, et c'est là précisément ce qui fait la grandeur parmi les hommes.

Le comble de l'art était de toucher le but sans le dépasser, ni rester en deça.

Son attitude fut celle d'un esprit éclairé et ferme, qui plia sous les arrêts du destin, mais qui conserve intactes et ferventes ses convictions et sa foi dans l'avenir.

Mais il est dans les habitudes de la cour de Vienne de temporiser, même dans le malheur: ce que d'autres attendent de l'énergie, elle l'espère du bénéfice du temps; le temps est l'auxiliaire constant de sa politique.

Si cet homme ne trouve pas dans l'excellence de son jugement un frein à ses passions, si Dieu qui l'a fait si grand ne lui a pas donné la modération qui prévient les excès de la force, il sera comme impossible qu'il n'abuse pas tôt ou tard de sa fortune et qu'il ne commette de ces fautes qui mettent en question les destinées de tout un peuple.

17-го Мая. Il avait bien une sorte de fermeté; mais c'était une fermeté négative qui s'épuisait à combattre les résolutions audacieuses.

Le plan de conduite que l'Autriche se traça et qu'elle suivit jusqu'au mois d'Août 1805 avec une imperturbable constance, prouve à quelle dissimulation le malheur peut descendre et le peu de foi qu'en politique on doit ajouter aux protestations de la faiblesse.

Le mot n'était pas dit; mais l'art par excellence du comte de Haugwitz était de caractériser ce qu'il ne jugeait pas à propos de nommer. A la pétulance de son esprit, on l'aurait cru un brouillon; mais avec la plus grande vivacité il restait toujours maître de sa parole, trouvant dans les nuances délicates d'une langue qui n'était pas la sienne le secret de tout dire, et de le dire sans qu'on pût l'accuser de dépasser le but.

Lorsque les faveurs se pressent l'une sur l'autre, elles atteignent rarement le but qu'on se propose. Au lieu de provoquer l'attachement de la puissance à laquelle on les prodigue, on ne s'attire que sa pitié; on croit lui donner la mesure de sa complaisance, on ne lui donne que celle de sa faiblesse. C'est un vice de notre orgueilleuse nature que cette disposition incurable à nous exagérer notre importance et notre force, et notre cœur à besoin d'être contenu et limité par les droits

et l'action de nos semblables. Cela est vrai surtout des états dans leurs rapports entre eux. Les sentiments délicats et modestes, l'abnégation et le dévouement sont des vertus sans valeur auprès des gouvernements, et il est bien rare qu'ils n'en abusent.

Les conjurations qui échouent, sont comme les batailles perdues: elles retrempent, elles fortifient les pouvoirs dont elles poursuivaient la ruine.

Les mêmes situations commandent les mêmes roles, et les plus grands hommes en sont réduits à copier leurs dévanciers.

21-го Мая. En l'éprouvant toujours, Dieu semble dire à l'homme: Fais passer ton esprit à travers le malheur; comme le grain du crible, il sortira meilleur.—J'ai vécu, j'ai souffert, je juge et je m'apaise.

27-го. Il y a deux classes d'hommes supérieurs: les uns destinés à un nom seulement historique, les autres à un nom poétique. Ceux-ci, quoiqu'en puisse penser le philosophe, sont hors de toute atteinte et pour ainsi dire au-dessus du jugement humain. Pour eux se reproduit, au milieu de nos sociétés mécréantes, cette transformation des héros des temps primitifs; ils passent à ce qu'on pourrait appeler l'état fabuleux; on croit en eux, on ne les juge pas. Je doute que pour bien peu d'hommes cette apothéose par la poésie ait commencé aussi vite que pour Napoléon.—Et Pierre-le-Grand?

La philosophie, la littérature, les arts, pour tout dire en un mot, les opinions, étaient resserrées dans d'étroites limites: on mettait la sagesse dans la contrainte. Peu de mouvement, point de nouveauté, beaucoup de prudence. On se défiait du raisonnement dans les choses de raisonnement, de l'imagination dans les choses d'imagination. Quelqu'un disait vers ce temps-là à m-r Sieyes: Que pensez-vous?—Je ne pense pas, répondait le vieux métaphisicien dégoûté et intimidé, et il disait le mot de tout le monde.

2 Juin. C'est un pays d'où l'on était chassé par les armes, si l'on était en petit nombre, et par la faim, si l'on était en force.

4-го Іюня. Перо оставалось эти дни праздно, по разстройству душевному, слѣдствіе настоящаго положенія моего семейства. Дѣти хотя выздоравливаютъ, но медленно оправляются, еще слабы и блѣдны. Занятія ихъ прерваны, а время поѣздки Николая и Михаила въ Петербургъ для вступленія въ Паже-

ской корпусъ приближается. Необходимыя для этой поѣздки денежныя средства еще не открываются. Погода въ Маѣ не отвѣчала прекрасному началу весны. Онъ почти безпрерывно былъ холоденъ и сыръ. Лучшими часами въ эти дни я былъ обязанъ Корнелю. Сидъ, Горацій, Цинна, Поліектъ, смерть Помпея, рядъ великихъ картинъ, одна послѣ другой, закрывали предъ моей душей разстройство природы и семейнаго быта.

Чета ласточекъ лѣпитъ свое гнѣздо въ верхнемъ углу фронтона—милости просимъ! Это еще первые гости въ обновленномъ домѣ, гдѣ гнѣздились недавно однѣ летучія мыши, теперь исчезнувшія.

1847. 11-го Іюня. Наступили жары нерѣдко свыше 20° въ тѣни. Рѣдкой день обходится безъ грозы и ливня. Люблю это время года; на этотъ разъ однако наслаждаюсь имъ съ грустью, иногда со страхомъ. Мой прекрасный и умный малютка тоже получилъ лихорадку. Сегодня свободный отъ нея день прошелъ для меня отрадно. Утро послѣ вчерашней грозы было превосходно. Долго одинъ, на зеленомъ кругу подъ плакучей березой, я наслаждался этимъ праздникомъ лѣта. Лазурь неба, перелетныя облака, воздухъ напитанный ароматами земли, радостное пѣніе птицъ, раннія пѣсни рабочихъ въ полѣ въ близи и въ дали, мычаніе воловъ, лай собакъ, отголосками богатой ими усадьбы повторяемый, красота самаго мѣста во всемъ его лѣтнемъ убранствѣ, передо мной еще едва пробудившійся домъ, все дорогое для меня подъ своей крышей вмѣщающій: все это вмѣстѣ навело на меня сладкую задумчивость, пробужденіемъ семейства пріятно нарушенную.

Родогюна Корнеля хотя слыветъ однимъ изъ лучшихъ его твореній, менѣе всѣхъ прежнихъ увлекла меня. Съ трудомъ, почти со скукой выпутался я изъ вводныхъ сценъ. Шероховатый и часто напыщенный стихъ, преступленія безъ достаточныхъ причинъ, даже въ лучшихъ мѣстахъ пятаго акта неровности, о которыя спотыкаешься. Корнель часто прорывается, но ни въ одной изъ лучшихъ его трагедій столько не отзывается неопредѣленность языка и невѣрность вкуса того времени.

14-го Іюня. Bacon l'a remarqué le premier: les hommes d'état les plus adroits et les plus habiles ont toujours été des littérateurs.

———

Richelieu qui s'y connaissait, préférait à toutes autres vertus chez un négociateur la patience, la fermeté.

———

Choiseul disait de Vergennes: Il trouve toujours des raisons contre ce qu'on lui propose, mais jamais de difficultés pour l'exécuter, et si nous lui demandions la tête du grand-vizir, après nous avoir écrit combien cela est dangereux, il nous l'enverrait à coup sûr.

———

Kaunitz, si frivole dans ses goûts et si profond dans les affaires.

Car enfin, c'est par une longue discipline, et seulement par elle, que les hommes peuvent devenir grands négociateurs, ambassadeurs, habiles et préparés à tout. C'est en étudiant l'histoire et la politique des nations, les conditions diverses et les prévisions de chaque traité, que l'intelligence d'un jeune diplomate se prépare à comprendre les doctrines fondamentales du droit des gens, l'origine et la portée de toutes les règles auxquelles il soumet les peuples; c'est par là qu'il arrive à pouvoir se rendre compte de cette délimitation si délicate, qui fixe pour chaque état les bornes de son indépendance; absolue en ce qui le concerne seul, limitée dès que les affaires touchent à celle des peuples voisins: car un état, prenons-y bien garde, est par rapport à la grande famille dont il fait partie, comme l'individu par rapport à la société, protégé tour à tour et comprimé par une autorité commune, qui s'exerce en définitive au profit de tous. Pour saisir en toute occurrence, dans toutes ses applications, le vrai sens de cette règle première, l'étude individuelle, si appliquée, si intelligente qu'on la suppose, ne saurait vraiment suffire; il y manquera toujours cette certitude, cette cohérence méthodique, dont les avantages se font si bien sentir dans le progrès rapide de l'enseignement, lorsqu'il est centralisé, surveillé, amélioré par l'influence des gouvernements.

———

On a justement remarqué, dit Gibbon en parlant des deux empereurs Arcadius et Honorius, que, malgré le méprisable caractère de tous deux, les lois rendues par eux respirent, à très peu d'exceptions près, les plus admirables sentiments et les principes de la plus sage politique; mais cela prouve seulement qu'il y avait des gens de talent employés à la confection de ces lois. C'était tout autre chose de les faire exécuter, et la situation déplorable où ils laissèrent l'empire prouve que tous ces édits si magnifiques ne représentaient rien que des mots

vides de sens et de vaines paroles avec lesquelles l'administration publique se mettait perpétuellement en contradiction.

Leur système de conquête universelle fut ruiné, lorsqu'il provoqua des sentiments d'hostilité irréconciliable sur toutes les frontières de leur vaste empire.

———

28-го Іюня. Дневникъ мой пріостановился. Грусть и забота ослабили душевныя силы, для всякаго добровольнаго занятія необходимыя. Домашній порядокъ разстроился. Лихорадка безжалостно перебирала дѣтей и хотя кажется прекратилась, но оставила свои слѣды на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Письма, даже дѣловыя, оставались безъ отвѣта. Даже чтеніе не всегда пробуждало привычное вниманіе. Однако les Girondins Ламартина прочтены съ жадностію. Увлекательное дарованіе!—Между тѣмъ лѣто установилось. Рядъ прекрасныхъ дней, не смотря на расположеніе духа, доставлялъ въ разные, особливо въ утренніе росистые часы, тихую отраду встревоженной душѣ. Уничижительныя денежныя заботы, болѣе возбужденныя близкою и неизбѣжною поѣздкой въ Петербургъ, хотя не порождаютъ ни раскаянія, ниже сожалѣнія за всегдашній объ этомъ предметѣ образъ мыслей и дѣйствій, но затрудняютъ. Рѣдкая женщина оцѣняетъ родъ чувствъ, по которымъ умноженіе состоянія подчиняется инымъ, высшимъ понятіямъ. Для нея, для ея семейства, нужно излишество, а о нуждѣ она и слышать не хочетъ. Скорѣе всѣмъ пожертвовать, чѣмъ безропотно ей покориться.

Соловьи вовсе смолкли между тѣмъ. Сѣнокосъ оживляетъ надушенныя поля. Верхомъ прогулки также прерванныя начались опять съ старшими сыновьями. Вишни, клубника, смородина, радость дѣтей, запрещены имъ, и только искушаютъ ихъ.

———

La parole, par elle-même, inspire un profond respect chez ces peuples, qui ont été si longtemps muets.

9-го. Я усталъ. Солнечное и росистое утро рано вызвало меня на зеленый кругъ передъ домомъ. Въ домѣ всѣ еще спали, когда я пилъ свой кофе съ трубкой и любуясь на безчисленные брилліанты, на каждой травкѣ скошеннаго луга висѣвшіе. На цвѣтникѣ раскрылись новые маки и даліи разнообразныхъ цвѣтовъ. Резеда наполняла воздухъ благоуханіемъ. Ни одинъ

листокъ не колебался. Торжественная тишина, какъ безмолвная молитва, царствовала всюду. Давно не было такого утра. Ежедневные дожди, часто проливные, сырость и свѣжесть продолжались почти весь Іюнь и доселѣ.— Въ одинокой своей прогулкѣ по парку, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на войну семьи иволгъ съ сорокой, вѣроятно что нибудь у нихъ унесшей. Съ какой быстротой онѣ налетали на нее и клевали въ голову, такъ что сорока, не обороняясь, закрывала только глаза и наклонялась. Вижу, что мнѣ приходится вмѣсто труднаго описанія кампаній моей жизни, начатаго и нѣсколько мѣсяцевъ уже оставленнаго, ограничиться описаніями войнъ воронъ и сорокъ съ иволгами и ласточками. Уровень душевныхъ и безъ сомнѣнія умственныхъ силъ будто понизился. Болѣзни дѣтей, положеніе горестное старшаго брата, трудное младшаго, безъизвѣстность о сестрѣ, вѣроятно умершей, безконечныя затрудненія денежныя, ихъ и мои собственныя, все это вмѣстѣ, кажется, наконецъ, поколебало привычное равенство и бодрость духа, живыми красками разцвѣчавшія для меня жизнь. Уединеніе стало потребностію, а его надо скоро оставить и ринуться въ эту мятель жизни Петербургской, такъ мало и въ лучшіе дни мнѣ свойственной.

Прочелъ между прочимъ на дняхъ исторію революціи Louis Blanc, первый томъ. Взгляды безъ сомнѣнія ошибочные, близорукіе, выводы натянутые; но подробности чрезвычайно занимательныя и перо часто блистательное.

Космосъ Гумбольдта, признаюсь, съ трудомъ читается, не смотря на славу автора и важность предмета. Что-то неопредѣленное въ слогѣ при описаніяхъ, быть можетъ слишкомъ уже общихъ; но всего вѣрнѣе то, что не доставало съ моей стороны двухъ вещей для достойной оцѣнки творенія великаго ученаго— вниманія и свѣдѣній. Первое будетъ при новомъ чтеніи.

Въ Ромнѣ теперь ярмарка, изъ важнѣйшихъ въ имперіи. Не смотря на близость, она не привлекаетъ меня.

Князь Воронцовъ, по собственному его донесенію, въ Сѣв. Пчелѣ помѣщенному, при штурмѣ Гергебиля, отбитъ съ потерею болѣе пяти сотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ Грузіи и въ самомъ Тифлисѣ появилась холера, по описанію еще не очень злокачественная. Саранча также опустошаетъ на большихъ пространствахъ несчастный тотъ край.

А. П. Ермоловъ давно мнѣ не отвѣчаетъ. Что̀ бы это значило? Или потому что ожидаетъ моего пріѣзда, о которомъ въ письмѣ упоминаю. Лишь оставался бы здоровъ и бодръ!

———

22-го Іюля. Лихорадка постигла моего Николая и заставитъ отложить на нѣсколько недѣль поѣздку съ нимъ въ Петербургъ. Затрудненія всякаго роду дѣлаются ощутительнѣе и грознѣе. Прочелъ Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère, par Proudhon. Это вопль отчаянія и возстаніе противъ Творца и всего существующаго въ обществахъ человѣческихъ. Система разрушенія безъ возсозданія, заключенная бредомъ.

Во Французской палатѣ перовъ судъ надъ генер.-лейт. Кюбіеромъ, Тестомъ, бывшимъ министромъ публичныхъ работъ, Пармантье и Пеллагра, обвиненными въ подкупѣ и взяткѣ, принятой Тестомъ, получилъ драматическую занимательность.

Маршалъ Бюжо отказался отъ начальства въ Алжиріи.— Г.-л. Бедо временно назначенъ въ это званіе.

Въ Пруссіи соединенный сеймъ распущенъ; нѣтъ сомнѣнія, что для нея наступила новая эра; къ добру ли—это другой вопросъ. Въ Австрійскихъ владѣніяхъ должно быть возбуждено вниманіе, тревожное для правительства.

10-го Августа. Давно не принимался за перо, даже не писалъ ни къ кому писемъ. Хорошо бы, кажется, сдѣлалъ, когда бы и теперь оставилъ его въ покоѣ. По расположенію духа едва ли можетъ отозваться что либо безъ примѣси грусти; но почему же и ей не оставить здѣсь своего отголоска, всякому столь знакомаго? Причинъ нѣсколько. Чрезъ недѣлю надобно ѣхать въ Петербургъ, доставить въ Пажескій корпусъ моего Николая, тому годъ какъ уже тамъ зачисленнаго. — Я было привыкъ къ уединенію, и прибавившіеся годы еще болѣе сдѣлали его для меня приличнымъ. Ужели снова начинать не только столичную, но и придворную суматошную жизнь? Въ мои лѣта, если нить общественной дѣятельности волею или обстоятельствами прервана, лучше воспользоваться этимъ, чтобы скрыть остатокъ жизни отъ шума и взоровъ свѣта. Я бы охотно это сдѣлалъ; но долгъ отца требуетъ лично вывести на стезю жизни нѣжно любимаго сына и, покуда можно, вблизи слѣдить за пер-

выми его шагами. А въ будущемъ году надобно везти втораго сына туда же. И такъ прости, тихое уединеніе, желанный пріютъ наступившей уже и для меня старости, чтобы назвать ее ненавистнымъ ея именемъ. А между тѣмъ кого оставляю здѣсь?

14-го Августа. Что̀ унываешь, душа моя, что̀ смущаешься? Если настоящія скорби тѣснятъ тебя, то долго ли остается тебѣ терпѣть? Вотъ уже оканчивается еще десятилѣтіе къ пройденному полувѣку. Тревожитъ ли будущность большаго семейства? Вспомни, съ чего самъ началъ и каковы были твои младенческіе и отроческіе годы! Твои дѣти проводятъ ихъ счастливо подъ крыломъ родительскимъ и подъ собственной крышкой. Сомнѣнія ли осѣтили умъ твой на исходномъ порогѣ жизни? Разрѣшеніе ихъ для тебя не далеко. Продолжай слѣдовать Богомъ данному путеводителю—совѣсти, просвѣщенной опытностію и разумомъ: не ошибешься или ошибешься мало и рѣдко. Это все что̀ человѣкъ можетъ.

20-го Августа. Вчера былъ день, назначенный для отъѣзда въ Петербургъ съ Николаемъ и свадебный обѣдъ въ Секиринцахъ, на который я былъ приглашенъ. Ни то ни другое не состоялось; первое по письму, наканунѣ отъ директора Пажескаго Корпуса полученному, съ увѣдомленіемъ, что просрочка сыну не повредитъ; на обѣдъ же не поѣхалъ потому, что засидѣлся дома и не могъ въ послѣднихъ дняхъ пребыванія отъ него оторваться, хотя люблю Секиринское семейство и зналъ, что встрѣчусь съ Кочубеями, отъ которыхъ могъ бы узнать многое о дворѣ и лицахъ, съ коими придется скоро имѣть дѣло. Привычная съ нѣкотораго времени грусть уступила вчера вліянію прекраснаго дня; и душа и тѣло какъ бы нашли свое прежнее равновѣсіе.—Въ пять часовъ передъ обѣдомъ въ первый разъ выѣхалъ съ нами верхомъ и третій мой сынъ, прекрасный Александръ, такъ что съ тремя моими мальчиками, учителемъ и рейткнехтомъ, мы составили довольно шумную кавалькаду по уединеннымъ сельскимъ дорогамъ. Однако поля теперь оживлены уборкой всякаго рода жатвы, и крестьяне съ любопытствомъ оставляли на минуту свои работы, чтобы взглянуть на проѣзжающихъ.—Wahrheit und Dichtung Гёте придали застоявшимся воображенію и мысли новое движеніе, которое не ищу сознательно опредѣлить, а предаюсь просто

разнымъ впечатлѣніямъ, этою часто заманчивою біографіей возбуждаемымъ; занимательно въ ней не только то что̀ высказано, но гораздо болѣе того что̀ умолчано, мелькомъ, иногда одною фразою, однимъ словомъ указано. Гёте съ молоду и до смерти былъ, какъ говорится, себѣ на умѣ. Я увѣренъ, что онъ въ тысячу разъ болѣе оставилъ про себя, смолчалъ, чѣмъ въ твореніяхъ своихъ выразилъ, изъ расчета и всего болѣе изъ презрѣнія къ людямъ и мнѣніямъ ихъ. Будто политическія судьбы народовъ и Германіи въ особенности, въ то бурное время переворотовъ, каковы революція во Франціи, исполинскій періодъ явленія Наполеона и Олимпійскій его бѣгъ по Европѣ, Египту и Сиріи, разныя значительныя лица и событія ту міровую эпоху ознаменовавшія, не болѣе заслуживали вниманія и словъ, нежели тѣ, которыя онъ будто мимоходомъ и пренебрежительно кое-гдѣ, какъ бы невольно, набросалъ? А кто лучше его могъ чувствовать, оцѣнить происходившее передъ его глазами? Откровенный его разговоръ, въ послѣдніе годы его жизни, если онъ кого либо имъ почтилъ, долженъ былъ имѣть величайшую занимательность. Понимаю это воздержаніе ума и слова.

21-го Августа. Вчера былъ самый жаркій день настоящаго лѣта; 26° по Реомюру и ночь была тепла. День проведенъ довольно пріятно. Прогулка верхомъ съ тремя сыновьями сокращена внезапнымъ налетомъ тучъ, насъ однако вблизи обошедшихъ съ громомъ. Въ окрестности былъ дождь. Время отъѣзда подходитъ. Начинаю полагать его и для себя благовременнымъ. Три года жизни уединенной, почти безвыѣздной, проведены съ энергіей и, думаю, не безъ пользы, если мнѣ еще предназначена служебная дѣятельность; но отъ самаго ли продолженія уединеннаго образа жизни или отъ причинъ одолѣвшихъ, наконецъ, привычную бодрость ума, грусть въ послѣднее время разстроила равновѣсіе духа и перемѣна, хотя бы временная, будетъ для меня, быть можетъ, полезна.

22-го Августа. Къ 6-ти часамъ по полудни набѣжавшія грозовыя тучи заставили накрыть столъ въ домѣ. Скоро разразилась гроза, до ночи продолжавшаяся. Мы любовались ею съ балкона. Освѣщеніе тучъ при закатѣ и послѣ заката солнца было великолѣпно, и вообще свѣтъ, которымъ облиты были всѣ

предметы, ненаглядень. Картины Пуссеня и Клодъ-Лорреня возобновились въ моей памяти.

Холера появилась въ разныхъ мѣстахъ полуденной Россіи и, говорятъ, замѣчена уже въ Харьковѣ.

Теперь, послѣ вчерашней грозы, утро торжественное. Тишина въ воздухѣ совершенная. Капли блестятъ на каждой травкѣ.

Во Франціи будто что-то готовится. Кабинетъ Гизо износился. Въ Лиссабонѣ неосторожность и легкомысліе. Въ Мадридѣ что-то постыдное, грозящее переворотомъ изъ негодованія. Въ Германіи вниманіе обращено на Пруссію; сеймъ, теперь распущенный, и Польскій процессъ. Папа расшевелилъ Италію, къ тревогѣ Австріи. Польскій процессъ въ Лембергѣ. Казнь двухъ изъ зачинщиковъ при ободрительномъ присутствіи множества женщинъ въ траурѣ, бросавшихъ осужденнымъ букеты цвѣтовъ на эшафотъ, махая имъ платками. Чтобы такія сцены не породили подражателей!

Въ Турціи мой прошлогодній знакомый и пріятель Мехметъ-Али, зять султана и генералъ-адмиралъ, свергнутъ происками Риза-паши. Это угрозительно и для Решида.

А мы хоть чувствуемъ по-русски,
Но говоримъ все по-французски!

25-го Августа. Эти строки вѣроятно послѣднія, которыя вписываю до моего предстоящаго въ Петербургъ отъѣзда, въ тишинѣ кабинета, подъ шумомъ березъ, на зеленомъ кругу передъ домомъ. Когда и вообще возвращусь ли, извѣстно одному невидимому Распорядителю судебъ всего живущаго! Ѣду самъ по своей волѣ, по долгу отца, непризванный. Готовлюсь къ пріему холодному, забытый и чуждый двору и обществу. А были дни, въ которые я встрѣчалъ тысячи глазъ на меня обращенныхъ! Не тѣ дни однако были счастливѣйшіе въ моей жизни, хотя для пользы семейства можно было употребить болѣе искусства и настойчивости, чтобы удержать на себѣ это вниманіе и извлечь законныя выгоды, облегчающія жизнь и удаляющія настоящія уничижительныя заботы.

Къ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Показанія генералъ-адъютанта **А. Е. Тимашева.**

Артистическая семья. Статья **А. Н. Сиротинина.**

Письмо княгини **Е. Р. Дашковой** къ графу Герману Кейзерлингу: новыя показанія о восшествіи на престолъ Екатерины Великой.

Татьяна Михайловна Троепольская. Актриса прошлаго вѣка. Біографическій очеркъ **А. Н. Сиротинина.**

Верельскій мирный договоръ съ Швеціею 3-го Августа 1790 года. (По документамъ изъ архива графа Игельстрома). **Графа Д. А. Толстаго.**

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ. Очеркъ **сенатора Н. П. Семенова.**

Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль въ 1840 году. Статья **П. П. Вяземскаго.**

Цѣна «Русскому Архиву» 1887 г., за всѣ двѣнадцать выпусковъ или за полное годовое изданіе (три книги) 8 р., съ пересылкою 9 р.

За каждую книгу отдѣльно 2 р. 75 к., съ пересылкою 3 р.

За каждый выпускъ отдѣльно 75 к. съ пересылкою 1 р.

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.